

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2024

№ 1 (63) || Январь

#1 (63) || January

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2024-63-1-1-133

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

*докт. филол. наук старший научный сотрудник **А.В. Злочевская***

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

докт. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2024. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2024 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:

Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
*Doctor of Philology Senior Researcher **A.V. Zlochevskaya***
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(North Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

- Красильникова Л.В., Маркова В.А. (Москва, Россия)* Обучение русскому языку иностранных студентов-филологов: программа, учебники, учебные пособия 7
- Ничипоров И.Б. (Москва, Россия)* Политические споры в структуре романа А. Солженицына «В круге первом» 19
- Мальцев Л.А., Альмусса Я. (Калининград, Россия)* Проблемно-тематические «перекрестки» романа «Парфюмер» П. Зюскинда и польской прозы XX века (Е. Анджеевский, В. Гомбрович)..... 29
- Ашрапов Б.П. (Худжанд, Республика Таджикистан)* Сравнительный анализ словообразительного потенциала английского наречного суффикса *-ly* и его таджикских эквивалентов 38
- Лорети А. (Москва, Россия)* Дебаты об итальянском разговорном языке и о способах его распространения после объявления итальянского государства..... 46

Материалы и сообщения

- Драгићевић Р. (Београд, Република Србија)* Проблемы у избору одредница у српско-руском речнику 54
- Бабичева М.Е. (Москва, Россия)* Война в произведениях – лауреатах Национальной литературной премии «Большая книга»: исторические факты и художественные образы 65
- Зуева П.Д. (Москва, Россия)* От сосны до ананаса: природа в шекспировской критике С. Джонсона и С.Т. Колриджа 78
- Лашко А.А. (Донецк (ДНР), Россия)* Система значений аббреконтрукта муз- и адъектива ‘музыкальный’ 85
- Лысенкова Е.А. (Санкт-Петербург, Россия)* Стопятидесятилетие Ф.М. Достоевского в советских газетах 91
- Орлова Е.А. (Москва, Россия)* Персонаж адаптированного сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»: игра с традицией 99
- Халилова Е.А. (Москва, Россия)* Особенности функционирования клитики *se* в испанском языке XIV в. на материале произведения Хуана Мануэля «Граф Луканор»..... 109

Библиографии

- Громова М.М. (Москва, Россия)* Радуле Стийенский (1901–1966). Библиография публикаций на русском языке. Часть 1..... 117

Научная жизнь

- Бархударова Е.Л., Дементьева О.Ю., Панков Ф.И. (Москва, Россия)* Информация о научно-методическом семинаре «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем»..... 129

Contents

Articles

- Krasilnikova L.V., Markova V.A. (Moscow, Russia)* Teaching Russian Language for Foreign Philology Students: Program, Textbooks, Tutorials 7
- Nichiporov I.B. (Moscow, Russia)* Political Disputes in the Structure of A. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle" 19
- Maltsev L.A., Almoussa Y. (Kaliningrad, Russia)* Problem-thematic "Crossroads" of the Novel "Perfume" by P. Süskind and Polish Prose of the 20th century (J. Andrzejewski, W. Gombrowicz) 29
- Ashrapov B.P. (Khujand, Republic of Tajikistan)* Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix *-ly* and Its Tajik Equivalents 38
- Loreti A. (Moscow, Russia)* The Role of the Debates on the Definition of the Italian Oral Language and on the Means of Its Propagation after the Italian State Declaration 46

Communications and Materials

- Dragičević R. (Belgrade, Republic of Serbia)* Problems in Selection of Entries in the Serbian-Russian Dictionary 54
- Babicheva M.Ye. (Moscow, Russia)* War in the Works of the National Literary Award "Big Book": Historical Facts and Fiction 65
- Zueva P.D. (Moscow, Russia)* From Pine to Pineapple: Nature in the Shakespeare Criticism of S. Johnson and S.T. Coleridge 78
- Lashko A.A. (Donetsk (DPR), Russia)* System of Meanings of the Abbroconstruct Music and Adjective 'musical' 85
- Lysenkova E. A. (St. Petersburg, Russia)* The Display of the One Hundred and Fiftieth Anniversary of F.M. Dostoevsky in Soviet Newspapers 91
- Orlova E.A. (Moscow, Russia)* Character in the Adapted Series "Miss Fisher's Murder Mysteries": Playing with Tradition 99
- Khalilova E.A. (Moscow, Russia)* Function of the Clitic *se* in the Spanish of the 14th century (on the material of Juan Manuel's "Count Lucanor") 109

Bibliography

- Gromova M.M. (Moscow, Russia)* Radule Stijenski (1901–1966). Bibliography of Russian-language Publications. Part 1 117

Academic Life

- Barkhudarova E.L., Dementieva O.Yu., Pankov F.I. (Moscow, Russia)* Information about the Scientific and Methodological Seminar "Linguodidactic Description of the Russian Language in the 'mirror' of Foreign Language Systems" 129

Статъи

Articles

Л.В. Красильникова, В.А. Маркова (Москва, Россия)

Обучение русскому языку иностранных студентов-филологов: программа, учебники, учебные пособия

Аннотация: Статья посвящена новому учебно-методическому комплексу, созданному на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Учебно-методический комплекс включает программу, учебники и учебные пособия, предназначенные для языковой подготовки иностранных студентов-филологов. Рассматриваются особенности данного контингента учащихся (потребности, цели языковой подготовки, продолжительность и перспективы обучения), обосновывается необходимость обновления учебных материалов в условиях современной образовательной парадигмы, характеризуются все составляющие нового комплекса учебных материалов. Дается подробная характеристика новой программы, в которой была осуществлена координация традиционного курса русского языка для иностранных учащихся-филологов с выделенными в Государственных стандартах уровнями языковой подготовки (B2, C1). Подробно анализируются учебники, обеспечивающие учебный процесс в течение всего периода обучения (1–4 курсы бакалавриата), а также учебные пособия, дополняющие и углубляющие языковой курс, представленный в учебниках. Особое внимание уделяется лингвометодическим принципам, лежащим в основе учебников и учебных пособий.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные студенты-филологи, новая образовательная парадигма, учебная программа, учебник, учебное пособие, лингводидактические принципы

L.V. Krasilnikova, V.A. Markova (Moscow, Russia)

Teaching Russian Language for Foreign Philology Students: Program, Textbooks, Tutorials

Abstract: The article is devoted to a new educational and methodological complex created at the Russian Language Department for foreign students at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. The educational and methodological complex includes a program, textbooks and teaching guides intended for language training of foreign philology students. The article examines the features of this contingent of students (needs, goals of language training, duration and prospects of training), substantiates the need to update educational materials in the conditions of the modern educational paradigm, and

characterizes all the components of the new set of educational materials. The new program is described in detail and was coordinated with the levels of language training identified in the State Standards (B2, C1). Moreover, the textbooks that provide the educational process throughout the entire period of study (1st to 4th year of bachelor's degree), as well as teaching guides that complement and deepen the language course presented in the textbooks, are analyzed in detail. Particular attention is paid to the linguistic and methodological principles underlying textbooks and teaching guides.

Key words: Russian as a foreign language, foreign philology students, new educational paradigm, curriculum, textbook, study guide, linguistic and tactical principles

Уже более 70 лет на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова получают языковую подготовку самые разные контингенты иностранных учащихся: студенты, магистранты, аспиранты, стажеры. Особое внимание всегда уделялось студентам, которые обучаются на филологическом факультете в течение четырех лет и затем при желании переходят на более высокие ступени обучения, становятся магистрантами, некоторые поступают в аспирантуру. Очевидно, что иностранные студенты, являясь, с одной стороны, «младшим» контингентом (по сравнению с магистрантами и аспирантами), с другой стороны, контингентом с самой длительной перспективой обучения, нуждаются в тщательно продуманных учебных материалах, которые обеспечили бы им уровень владения русским языком, необходимый и достаточный для обучения на филологическом факультете и являющийся базой для их дальнейшего профессионального роста. В 1980-е гг. была издана программа для иностранных учащихся-филологов, а также написан учебно-методический комплекс для этого контингента учащихся. Авторами базового учебника стали преподаватели Ленинградского и Московского университетов Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова (первый год обучения); Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова, Б.В. Братусь (второй год обучения); Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева (третий год обучения); Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева (четвертый-пятый годы обучения). Данный учебный комплекс с успехом применялся в течение почти трех десятилетий при обучении иностранных студентов-филологов, однако в начале XXI в. возникла потребность в обновлении учебников. Такая потребность была продиктована целым рядом факторов:

1. изменилась мотивация учащихся (возросла заинтересованность иностранцев-филологов в хорошем общем владении языком, так как далеко не все они теперь планируют в будущем заниматься узкоспециальной – научной или педагогической – деятельностью);
2. изменился контингент учащихся (теперь это, в основном, представители стран Юго-Восточной Азии, т.е. носители языков, типологически отличных от русского, что создает дополнительные трудности при его изучении);
3. возникла необходимость создания новой текстотеки в связи с социально-политическими изменениями, произошедшими в России в 1990-е гг.;
4. возникла необходимость иного отбора учебного материала и распределения его по курсам в связи с переходом на двухступенчатую систему обучения и сокращением учебного курса (четыре года, а не пять, как это было в специалитете);

5. возникла необходимость соотнесения этапов обучения со сложившейся в конце 1990-х гг. системой сертификационных уровней владения русским языком, заложенной в Государственных образовательных стандартах.

Все названные факторы послужили импульсом к методическому осмыслению новых потребностей¹ и к созданию новых учебных материалов для иностранных студентов-филологов.

Чрезвычайно продуктивным для кафедры был 2011 г., когда были написаны и изданы «Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: Практический курс» и два учебника – «Университет. Ступень 1» (первый год обучения) и «Университет. Ступень 3» (третий и четвертый годы обучения). Позже, в 2018 г., появился учебник «Университет. Ступень 2», адресованный студентам второго года обучения и завершивший новый комплекс. В 2019 г. вышло в свет второе издание программы.

Помимо программ и учебников на кафедре был создан ряд учебных пособий, в частности пособия Л.В. Красильниковой «Уроки по русскому словообразованию» (2001), А.В. Величко и Л.П. Юдиной «Русский язык в текстах о филологии» (2008), А.В. Величко «Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи» (2016), В.А. Марковой «Стилистика русского языка» (2016), В.А. Марковой «Выражение обстоятельственных отношений в русском языке» (2016). Учебные пособия углубляют и обогащают базовый курс в рамках отдельных аспектов. Использование учебных пособий наряду с учебниками важно особенно в условиях перехода к новой образовательной парадигме², когда учащийся воспринимается как субъект (а не как объект) обучения, с присущими ему интересами, с его правом выбора своего образовательного маршрута. Учебные пособия позволяют учитывать интересы, потребности, а также уровень подготовки группы (который, несмотря на декларируемый стартовый для бакалавриата уровень В1, варьируется в достаточно широких пределах), иными словами, обеспечивают гибкость модели обучения. Целесообразность использования учебных пособий обусловлена еще и тем, что некоторые из них являются основными (не дополнительными) учебными материалами, реализующими программу. Так, профессиональный модуль представлен преимущественно в учебном пособии А.В. Величко и Л.П. Юдиной «Русский язык в текстах о филологии», а предусмотренный программой теоретико-практический курс стилистики, который раньше входил в учебник русского языка для студентов четвертого-пятого курсов

¹ Красильникова Л.В. Обучение русскому языку иностранных филологов: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. №6. С. 233–244; Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Матюшенко А.Г. Специфика контингента иностранных учащихся-филологов в системе современной российской высшей школы // Мир русского слова. 2009. №4. С. 91–98; Красильникова Л.В., Маркова В.А. Новый учебный комплекс для иностранных студентов-филологов // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–19 ноября 2010 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 183–185; Маркова В.А. Вузовский курс русского языка как иностранного в условиях новой академической реальности // Инновационные подходы в науке и образовании: теория, методология, практика: монография. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 45–58; Красильникова Л.В. Преподавание русского языка иностранным учащимся-филологам в МГУ имени М.В. Ломоносова // Слово. Грамматика. Речь: Сб. научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. Вып. XXII. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 9–16.

² Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.

(Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева, 1980), в настоящее время вынесен в отдельное пособие В.А. Марковой «Стилистика русского языка».

Таким образом, программы, учебники, учебные пособия, созданные на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, представляют собой единый многогранный комплекс учебных материалов, использование которых призвано реализовать дифференцированный и индивидуализированный подходы в обучении, обеспечить вариативность курса и, в конечном счете, его эффективность. Охарактеризуем эти учебные материалы.

Отправной точкой любого комплекса учебных материалов является, как известно, программа. Программа, написанная на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета (авторы – А.В. Величко, Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Т.Е. Чаплыгина, Л.П. Юдина)¹, соединяет в себе традицию – опыт, накопленный кафедрой в ходе многолетнего преподавания русского языка как иностранного, и современные методические представления. Опора на традицию нашла проявление в максимально полном использовании рабочих программ, созданных преподавателями кафедры в ходе работы в студенческих группах. Новизна созданной программы состоит в том, что в ней впервые применительно к студенческому контингенту были учтены Государственные стандарты: в новой программе были соотнесены этапы обучения (основной – завершающий) с сертификационными уровнями (второй и третий соответственно). В программу были введены списки актуальных для каждого года обучения интенций, сформированные в соответствии с требованиями Стандартов (второй и третий уровни). Преамбула программы содержит общую характеристику контингента обучения, компетенций, подлежащих формированию, характеристику этапов обучения (основного и завершающего). В основной части программы для каждого года обучения перечислены требования к уровню сформированности знаний, уровню сформированности навыков и умений в четырех видах речевой деятельности, содержатся списки интенций, актуальные для общения в социально-культурной и профессиональной сферах, для каждого семестра обучения (их восемь) определяются приоритетные темы общения, подробно характеризуется языковой материал, подлежащий усвоению, содержатся списки рекомендуемой для чтения и анализа художественной литературы, определяются формы контроля. Программа сочетает принципы преемственности и учета новых достижений методической науки. Созданная программа получила реализацию в учебниках и учебных пособиях.

Признается аксиомой, что главным, обязательным компонентом педагогического процесса является учебник. Существует множество учебников РКИ, различающихся адресатом, методическими принципами, положенными в основу учебного курса, а также технологией обучения.

Учебник «Университет. Ступень 1» (авторы – Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, Т.Е. Чаплыгина)² базируется на традиционных принципах тематико-ситуативного построения учебного материала, сознательно-практического метода, однако при этом усилена коммуникативная направлен-

¹ Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: Практический курс / А.В. Величко, Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Т.Е. Чаплыгина, Л.П. Юдина М: МАКС Пресс, 2011. 160 с.; 2-е изд.: М.: МАКС Пресс, 2019.

² Университет: Ступень 1: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: первый год обучения / Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, Т.Е. Чаплыгина. М: МАКС Пресс, 2011. 346 с.; 2-е изд.: М.: МАКС Пресс, 2018; 3-е изд.: М.: МАКС Пресс, 2019.

ность учебника (принцип коммуникативно-деятельностного подхода), включены тексты проблемного характера (принцип проблемного обучения), широко используются ролевые игры, особое внимание уделено обучению устной диалогической речи в ситуациях общения, актуальных для студента. Цель учебника – совершенствование уровня общего владения русским языком. Тематика текстов учебника соответствует интересам студента-первокурсника (высшее образование в России, учеба и отдых студента), включены также общекультурные темы, обеспечивающие межпредметные связи с курсами фольклора и древнерусской литературы, которые изучаются на первом курсе филологического факультета. В каждом уроке выделяются структурные части: *Читаем текст. От текста – к речи. Учимся работать с текстом. Учимся общаться. Грамматика. Лексика. Словообразование. Приложение к уроку: адаптированные художественные тексты.*

Учебник «Университет: Ступень 2» (авторы – Л.В. Красильникова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, А.Г. Лилеева, А.В. Сапунова, О.М. Сергеева)¹ адресован иностранным студентам-филологам второго года обучения и является логическим продолжением учебника «Университет. Ступень 1». Он завершает основной этап обучения, выводя иностранных студентов-филологов на второй уровень владения русским языком. Цель учебника – совершенствование навыков и умений монологической (устной и письменной, репродуктивной и продуктивной) и диалогической речи, расширение и углубление знаний в области русской грамматики, словообразования и стилистики, пополнение лексического запаса учащегося, формирование у него культурно-страноведческой компетенции. Тематика уроков соответствует второму сертификационному уровню, но в то же время обладает своей спецификой, поскольку для иностранных филологов акцент делается на знакомстве с русской культурой, русским искусством. Работа над речевой темой завершается устными и письменными заданиями коммуникативного характера. Для учащихся-филологов чрезвычайно важен принцип развития умений создавать развернутый связный устный и письменный текст, развитие лингвокреативной компетенции. В новом учебнике есть место шутке, юмору, который направлен на развитие чувства языка, языковой интуиции, базирующейся на высоком уровне владения русским языком и знания русской художественной литературы.

В комплекс входит переработанный учебник И.П. Слесаревой, Н.А. Лобановой², который теперь, при четырехлетнем обучении, охватывает весь завершающий этап (третий-четвертый курсы). Учебник является классическим вузовским учебником, созданным крупнейшими специалистами в области РКИ на высоком лингвистическом и методическом уровне. По сути это и лингвометодический материал для обучения будущих преподавателей РКИ и справочник для преподавателей РКИ. Содержание учебника определяется тремя основными целями обучения: коммуникативной, профессиональной и общеобразовательной – и связанными с ними задачами формирования у иностранных учащихся языковых, речевых, предметных, культурологических, педагогических и других важнейших компетенций. Ведущим принципом подачи материала является ономаσιологический принцип: языковые явления разных уровней группируются по принципу их участия в выражении определенных смыслов (смысловой категории): желательности,

¹ Университет: Ступень 2: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов / Л.В. Красильникова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, А.Г. Лилеева, А.В. Сапунова, О.М. Сергеева. М: МАКС Пресс, 2018. 304 с.

² Университет: Ступень 3: Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. М.: МАКС Пресс, 2011. 472 с.

возможности, побуждения, принадлежности, неопределенности, интенсивности, сопоставления и т. д. Ономаσιологический принцип дополняется семасиологическим: в учебнике рассматривается функционирование видо-временных форм, независимого инфинитива, форм повелительного и сослагательного наклонения. Языковой материал учебника подается таким образом, чтобы обеспечить не только речевую деятельность, но и сознательно-аналитический подход к языковым явлениям, умение формулировать правила. Принцип педагогизации в процессе обучения будущих преподавателей проявляется во включении упражнений на анализ ошибок, вырабатывающих необходимый навык их распознавания и объяснения. Среди важнейших принципов построения учебника – необходимость изучения шедевров русской литературы и культуры, знакомства учащихся с духовной жизнью России для формирования социокультурной (культурно-страноведческой) и лингвокультуроведческой компетенций. Данный учебник полностью отвечает требованиям подготовки иностранных учащихся-филологов по программам, соответствующим Государственному стандарту III сертификационного уровня владения русским языком (включая модуль «Филология»).

Если цикл учебников «Ступень» реализует языковую подготовку прежде всего в рамках модуля «Общее владение», то учебное пособие А.В. Величко и Л.П. Юдиной «Русский язык в текстах о филологии»¹ имеет целью обучение общению в профессиональной сфере. Основной целью пособия является развитие у иностранных студентов-филологов навыков и умений прежде всего монологической речи в письменной и устной форме на основе работы с текстом по специальности. Тексты по лингвистике и литературоведению дают иностранным учащимся возможность освоить языковые особенности научного текста, в частности терминологию, общенаучную лексику, а также познакомиться со структурными особенностями текстов разных научных жанров. В пособии реализуется методический принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности. Особое значение имеет обучение иностранных учащихся созданию вторичных текстов: разного рода планов, тезисов, конспектов, а также аннотаций, рефератов, рецензий. Специфическим жанром при обучении иностранных студентов-филологов является написание сочинения-рецензии на художественный текст, обеспечивающего развитие лингвокреативной компетенции. Пособие для студентов-филологов по «языку специальности» тесно связано с программой филологического факультета, а именно с такими курсами, как «Современный русский язык», «История русской литературы», «Фольклор», «Древнерусская литература» и др.

Раздел «Ведение беседы» развивает навыки и умения диалогической речи. Темы бесед насыщены филологической проблематикой: «Богатство, красота и выразительность языка», «Изучение иностранных языков», «Художественная литература как вид искусства» и др. Справочный раздел содержит ряд таблиц, включающих список синтаксических структур, характерных для языка науки, языковые клише, используемые для оформления аннотации, реферата, рецензии, а также слова и словосочетания, выступающие в качестве средств связи. Пособие содержит дополнительные тексты для разного вида работ. Содержание учебного пособия А.В. Величко и Л.П. Юдиной «Русский язык в текстах о филологии» соответствует Государственному образовательному стандарту по русскому языку

¹ Величко А.В., Юдина Л.П. Русский язык в текстах о филологии. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 256 с. Переизд.: М.: Русский язык. Курсы, 2016, 2018, 2019.

как иностранному (Третий сертификационный уровень. Профессиональный модуль «Филология»)¹.

Еще одним учебным пособием, реализующим подготовку в рамках профессионального модуля, является пособие В.А. Марковой «Стилистика русского языка»². Книга содержит теоретико-практический курс функциональной стилистики, используется на третьем и четвертом годах обучения. Пособие содержит вводную часть, в которой дается общее представление о базовых понятиях стилистики, и пять основных частей, посвященных актуальным для иностранных учащихся функциональным разновидностям (разговорный, официально-деловой, научный, публицистический стили, язык художественной литературы). В каждой части представлены теоретические сведения и практические задания. Книга призвана продемонстрировать иностранным учащимся логику функционирования русского языка, закономерности выбора того или иного языкового средства в зависимости от стилистического задания, условий коммуникации. Автор реализует в учебном пособии принципы наглядности, посильности, преемственности, опоры на имеющиеся у обучающихся знания.

Как уже было сказано выше, акцент, делаемый в современной образовательной парадигме на субъекте обучения, учет его особенностей, потребностей, целей имеет следствием необходимость увеличения вариативных компонентов обучения, применения гибких моделей обучения, предоставления студенту (и группе студентов в целом) возможности выстраивать индивидуальный образовательный маршрут. Эти задачи позволяют решать использование дополнительных учебных пособий, углубляющих знания студентов в той предметной области, которая представляет для них особый интерес или вызывает у них затруднения. Такие пособия носят аспектный характер. Аспектные занятия, в силу своего специализированного характера, дают возможность более детальной проработки материала, позволяют дать более глубокие знания и сосредоточить большее внимание на формировании определенных речевых навыков.

К числу аспектных относится учебное пособие Л.В. Красильниковой «Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся»³. Данное пособие по русскому словообразованию в первую очередь адресовано иностранным учащимся-филологам основного и продвинутого этапов обучения. Спецификой адресата объясняются особенности отбора языкового материала, а также структура пособия. В нем не только представлен языковой словообразовательный материал, который позволяет расширить как пассивный, так и активный лексический запас иностранных учащихся, но и содержатся основные теоретические сведения из области русского словообразования.

Цель пособия – на основе системно-функционального подхода к русскому словообразованию способствовать развитию у иностранных учащихся навыков языковой догадки и, следовательно, существенно расширить их пассивный запас слов, а также помочь приобрести навыки образования слов.

¹ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Профессиональный модуль «Филология» / Э.И. Амиантова, Т.М. Балыхина, А.В. Величко, С.И. Ельникова, Л.В. Красильникова, К.В. Маерова, А.Г. Матюшенко, Н.А. Минакова, Ф.И. Панков, Ю.А. Туманова, В.М. Шаклеин. М.: СПб.: Златоуст, 1999. 52 с.

² Маркова В.А. Стилистика русского языка: Теоретико-практический курс. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.; 2-е изд.: М.: ЛЕНАНД, 2020.

³ Красильникова Л.В. Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 55 с.

В задачу пособия входит показ некоторых особенностей функционирования производных слов в тексте (в речи), что позволяет иностранным учащимся активизировать владение русской производной лексикой.

Обучение русскому языку с учетом особенностей русской словообразовательной системы более эффективно, потому что изучение различных производных слов в комплексе, сериями, а не «поштучно», что имеет место при запоминании производных лексем, существенно увеличивает возможности усвоения структуры слов, закономерности их образования. Внимание к контекстным условиям употребления определенных типов производных (область синтаксической деривации, мутационное и модификационное словообразование), особенностям коммуникативной уставки и речевым ситуациям позволяет реализовать в пособии функционально-коммуникативный подход к подаче словообразовательного материала.

В пособии последовательно реализуется лингводидактический принцип обучения русскому языку как иностранному: описание учебного материала в зависимости от специфики языкового явления. Конкретный характер заданий диктуется прежде всего спецификой словообразовательного материала, включенного в пособие: образование и функционирование отглагольных существительных на *-ка, -ние/ение, -тие, -ство* и др.; образование и функционирование отадъективных существительных на *-ота/ета, -ость/есть, -ство, -ие*; образование и функционирование существительных с суффиксами субъективной оценки (в том числе имен собственных) на *-ка, -ик, -очка/ечка* и др.; производные от конкретного глагола, определяемые его валентными свойствами; отглагольные существительные со значением производителя действия; примеры словообразовательной парадигмы, словообразовательной цепочки, словообразовательного гнезда и др.

Производные лексические единицы отрабатываются в языковых, условно-речевых и коммуникативных упражнениях – от образования слов до употребления их в речи с необходимым грамматическим и стилистическим комментарием: «на наблюдение», «осмысление таблиц», «вставку», «в ответах на вопросы», «на употребление производных в речи (монолог, диалог и полилог)» и др. Словообразовательный материал, прежде всего такие комплексные единицы, как словообразовательная парадигма и гнездо, дает возможность рассмотрения его в лингвокультурологическом плане. Словообразовательный материал пособия связан с рядом тем для беседы: «Русские имена», «Характер человека», «Высшее образование», «Профессия. Работа», «Семья и проблемы воспитания», «Круг чтения», «Отношение к животным» и др., – значимых для иностранных учащихся-филологов.

Пособие снабжено Лингвометодическим комментарием, включающим в себя как пояснение теоретического материала, в явном или скрытом виде присутствующего в учебных заданиях, так и рекомендации для преподавателя по организации и проведению работы по пособию. Кроме того, в нем содержатся некоторые дополнительные материалы, которые можно использовать по своему усмотрению, например, в более сильных группах учащихся.

В курсе русского языка как иностранного традиционно большое внимание уделяется грамматическому аспекту, что обусловлено как сложностью грамматической системы русского языка, так и типологическими отличиями ее от грамматических систем родных языков учащихся¹. На втором году обучения студенты-филологи получают курс практического синтаксиса русского языка – актуальный

¹ *Щукин А.Н.* Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.

грамматический курс, в ходе которого иностранные студенты учатся выражать различные смысловые отношения (определяющие, разъясняющие, обстоятельственные) средствами простого и сложного предложений. Ведя этот курс, преподаватель часто испытывает потребность в дополнительных материалах: демонстрационных, тренировочных, контрольных. Такие материалы можно найти в пособии В. Марковой «Выражение обстоятельственных отношений в русском языке»¹. Цель пособия – систематизировать и углубить знания студентов в области грамматики, научить их активно пользоваться грамматическими средствами в разных речевых ситуациях. Пособие реализует принципы сознательности, системности, доступности. Теоретический материал в пособии дается небольшими порциями, при формулировании правил автор опирается на «ощутимые моменты коммуникации» (лексические маркеры контекста, легко осознаваемую семантику, тип ситуации общения, тип контекста). Пособие имеет выраженную коммуникативную направленность: изучаемый грамматический материал отрабатывается в системе упражнений, демонстрируется в текстах и выводится в речь (учащиеся используют актуальную грамматику в собственном монологическом высказывании на тему, аналогичную теме прочитанного текста).

На завершающем этапе обучения (третий – четвертый курсы) студенты-филологи знакомятся с экспрессивными, стилистически маркированными средствами русского языка, учатся их употреблять. Лингвистический кругозор обучающихся существенно расширяет учебное пособие А.В. Величко «Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи»². Книга посвящена синтаксическим фразеологизмам – нестандартным синтаксическим структурам, значение которых не вытекает из значения компонентов. Такие структуры часто являются экспрессивными, имеют разговорную окраску. Пособие знакомит обучающихся с синтаксическими фразеологизмами, связанными с интеллектуальным и эмоциональным миром человека, выражающими отношение субъекта речи к содержанию высказывания. В основе классификации синтаксических фразеологизмов, принятой в пособии, лежит не формальный (традиционный), а семантический принцип. Семантическая классификация соответствует общей направленности речевой деятельности (осознание потребности выразить определенный смысл – выбор средств выражения этого смысла). Материал дается, таким образом, в оптимальной для обучения языку форме. Книга композиционно делится на две части: теоретическую (описание разных типов предложений фразеологизированной структуры) и практическую (обучение употреблению синтаксических фразеологизмов в речи). В конце второй части даются задания на повторение и контроль.

Комплекс учебников, учебных пособий, написанных на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского университета в соответствии с созданной здесь же программой, имеет целью сформировать вторичную языковую личность³ на всех уровнях: ассоциативно-семантическом (лексические и грамматические средства языка), когнитивном (картина мира) и мотивационном (мотивы, цели, симпатии, антипатии и др.). Работа над созданием учебных материалов продолжается, на кафедре сегодня планируются

¹ Маркова В.А. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке. М.: МАКС Пресс, 2012. 160 с. Др. изд.: М.: Перо, 2017; М.: Флинта, 2018, 2019, 2021.

² Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Злагоуст, 2016. 188 с.

³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

и создаются новые учебные пособия, являющиеся для иностранных учащихся руководством к действию, а точнее, к деятельности – деятельности речевой.

ЛИТЕРАТУРА

Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированной структуры в русской речи: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Златоуст, 2016. 188 с.

Величко А.В., Юдина Л.П. Русский язык в текстах о филологии. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 256 с.; др. изд.: М.: Русский язык. Курсы, 2016, 2018, 2019).

Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Профессиональный модуль «Филология» / Э.И. Амiantoва, Т.М. Балыхина, А.В. Величко, С.И. Ельникова, Л.В. Красильникова, К.В. Маерова, А.Г. Матюшенко, Н.А. Минакова, Ф.И. Панков, Ю.А. Туманова, В.М. Шаклеин. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 52 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Матюшенко А.Г. Специфика контингента иностранных учащихся-филологов в системе современной российской высшей школы // Мир русского слова. 2009. №4. С. 91–98.

Красильникова Л.В. Обучение русскому языку иностранных филологов: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. №6. С. 233–244.

Красильникова Л.В. Преподавание русского языка иностранным учащимся-филологам в МГУ имени М.В. Ломоносова // Слово. Грамматика. Речь: Сб. научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. Вып. XXII. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 9–16.

Красильникова Л.В. Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 55 с.

Красильникова Л.В., Маркова В.А. Новый учебный комплекс для иностранных студентов-филологов // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–19 ноября 2010 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 183–185

Маркова В.А. Вузовский курс русского языка как иностранного в условиях новой академической реальности // Инновационные подходы в науке и образовании: теория, методология, практика: монография. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 45–58.

Маркова В.А. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке. М.: МАКС Пресс, 2016. 152 с. Др. изд.: М.: Перо, 2017; М.: Флинта, 2018, 2019, 2021.

Маркова В.А. Стилистика русского языка: Теоретико-практический курс. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с. Др. изд.: М.: ЛЕНАНД, 2020.

Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: Практический курс / А.В. Величко, Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Т.Е. Чаплыгина, Л.П. Юдина М.: МАКС Пресс, 2011. 160 с. Др. изд.: М.: МАКС Пресс, 2019.

Университет: Ступень 1: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: первый год обучения / Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихьева, Т.Е. Чаплыгина. М.: МАКС Пресс, 2011. 346 с. Др. изд.: М.: МАКС Пресс, 2018, 2019.

Университет: Ступень 2: учебник русского языка для иностранных студентов-филологов / Л.В. Красильникова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихиева, А.Г. Лилеева, А.В. Сапунова, О.М. Сергеева. М.: МАКС Пресс, 2018. 304 с.

Университет: Ступень 3: Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. М.: МАКС Пресс, 2011. 472 с.

Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.

REFERENCES

Velichko A.V. (2016) When There Is Something to Talk about, or Sentences of Phraseological Structure in Russian Speech: A textbook for foreign students. St. Petersburg. Zlatoust Publ. 188 p.

Velichko A.V., Yudina L.P. (2008) Russian Language in Texts about Philology. Moscow, Russky Yazyk. Kursy Publ. 256 p.; another editions: Moscow. Russky Yazyk. Kursy Publ. 2016, 2018, 2019.

Verbickij A.A. (1999) New Educational Paradigm and Contextual Learning. Moscow. Issledovatel'skij Centr Problem Kachestva Podgotovki Specialistov Press. 75 p.

State Educational Standard for Russian as a Foreign Language. Third certification level. Professional module "Philology" / E.I. Amiantova, T.M. Balyhina, A.V. Velichko, S.I. Elnikova, L.V. Krasilnikova, K.V. Maerova, A.G. Matyushenko, N.A. Minakova, F.I. Pankov, YU.A. Tumanova, V.M. Shaklein. Moscow; St. Petersburg. Zlatoust Publ. 1999. 52 p.

Karaulov Yu.N. (2010) Russian Language and Linguistic Personality. Moscow. LKI Publ. 264 p.

Klobukova L.P., Krasilnikova L.V., Matyushenko A.G. Specifics of the Contingent of Foreign Philology Students in the System of Modern Russian Higher Education. *The World of Russian Word*. 2009. No 4, pp. 91–98.

Krasilnikova L.V. Teaching the Russian Language to Foreign Philologists: Yesterday, Today, Tomorrow. *Lomonosov Philology Journal. Series 9: Philology*. 2001. No 6, pp. 233–244.

Krasilnikova L.V. Teaching Russian to Foreign Philology Students at Lomonosov Moscow State University. In: Slovo. Grammatika. Rech: Collection of scientific and methodological articles on teaching Russian as a foreign language. Issue XXII. Moscow. MAKS Press Publ. 2022, pp. 9–16.

Krasilnikova L.V. (2001) Lessons on Russian Word Formation for Foreign Students. Moscow. Moscow University Press. 55 p.

Krasilnikova L.V., Markova V.A. New Educational Complex for Foreign Philology Students. In: Russian as a Foreign Language in the Modern Educational and Geopolitical Paradigm: IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, November 18–19, 2010: Abstracts of reports. Moscow. MAKS Press Publ. 2010, pp. 183–185.

Markova V.A. University Course of Russian as a Foreign Language in the New Academic Reality. In: Innovative Approaches in Science and Education: Theory, Methodology, Practice: Monograph. Penza. Nauka i Prosveshchenie Publ. 2017, pp. 45–58.

Markova V.A. (2016) Expressing Adverbial Relations in Russian. Moscow. MAKS Press Publ. 152 p.; another editions: Moscow. Pero Publ. 2017; Moscow. Flinta Publ. 2018, 2019, 2021.

Markova V.A. (2016) Stylistics of the Russian Language: Theoretical and Practical Course. Moscow. LENAND Publ. 200 p.; another edition: Moscow. LENAND Publ. 2020.

Russian Language Program for Foreign Philology Students: Practical Course / A.V. Velichko, L.V. Krasilnikova, V.A. Markova, T.E. Chaplygina, L.P. Yudina. Moscow. MAKS Press Publ. 2011. 160 p.; another edition: Moscow. MAX Press Publ. 2019.

University: Stage 1: Russian language textbook for foreign philology students: first year of study / L.V. Krasilnikova, V.A. Markova, E.V. Baldina, A.S. Evtikhieva, T.E. Chaplygin. Moscow. MAKS Press Publ. 2011. 346 p.; another editions: Moscow. MAKS Press Publ. 2018, 2019.

University: Stage 2: Russian language textbook for foreign philology students / L.V. Krasilnikova, E.V. Baldina, A.S. Evtikhieva, A.G. Lileeva, A.V. Sapunova, O.M. Sergeeva. Moscow. MAKS Press Publ. 2018. 304 p.

University: Stage 3: Russian language textbook for foreign philology students / N.A. Lobanova, I.P. Slesareva. Moscow. MAKS Press Publ. 2011. 472 p.

Shchukin A.N. (2012) Teaching Verbal Communication in Russian as a Foreign Language: An educational and methodological manual for teachers of Russian as a foreign language. Moscow. Russkij Yazyk. Kursy Publ. 784 p.

Сведения об авторах:

Лидия Васильевна Красильникова,
доктор пед. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lidia V. Krasilnikova,
Doctor of Pedagogical Sciences
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
likras@mail.ru

Валентина Алексеевна Маркова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valentina A. Markova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
v.a.markova@hotmail.com

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Политические споры в структуре романа А. Солженицына «В круге первом»

Аннотация: Работа посвящена анализу общественно-политических дискуссий в романе А. Солженицына «В круге первом». «Драматургия» диалогов и полилогов на политические темы получила здесь самобытное композиционное воплощение и основана на остро конфликтном взаимодействии речевых потоков. Политические диспуты обретают в произведении нравственно-философское измерение, подталкивают собеседников к историческим оценкам и пророчествам о будущем социальном устройстве. Эпизоды ситуативных массовых споров сочетаются с индивидуализированными, продолжительными и концептуально насыщенными обсуждениями, которые часто имеют композиционные предварения и «послесловия». В статье подробно разбираются содержательные аспекты и риторические формы бесед и столкновений с участием Рубина, Нержина, Сологодина, Герасимовича, уделяется внимание стратегиям политического мышления дяди Авенира, внутренним спорам и эволюции общественных взглядов Володина, позициям Галахова, Радовича, Клары Макарыгиной. Парадоксальным образом именно арестантские споры достигают в романе наивысшего уровня нравственной, интеллектуальной, политической свободы, непредставимого для общественного климата сталинских десятилетий. В структуре произведения явные политические баталии и скрытые, вынужденно подавляемые общественные разномыслия формируют целостный, разветвленный макросюжет о том, как в стране вопреки давлению тоталитарной системы продолжала пульсировать индивидуальная и коллективная социальная рефлексия.

Ключевые слова: Солженицын, романная структура, политические дискуссии, тоталитаризм, социальная рефлексия, речевое взаимодействие, массовые сцены

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Political Disputes in the Structure of A. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle"

Abstract: The article is devoted to the analysis of socio-political discussions in A. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle". The "playwriting" of dialogues and polylogues on political topics has received an original compositional embodiment here and is based on the mobile, acutely conflicting interaction of various speech flows. Political disputes acquire a moral and philosophical dimension in the work, push the interlocutors to historical assessments and prophecies about the future social structure. Episodes of

situational mass disputes are combined with individualized, lengthy and conceptually rich discussions, which often have their own compositional preliminaries and “after-words”. The article examines in detail the substantive and rhetorical aspects of conversations and clashes involving Rubin, Nerzhin, Sologdin, Gerasimovich, pays attention to uncle Avenir’s political strategies, internal disputes, the evolution of Volodin’s social views, the positions of Galakhov, Radovich, Clara Makarygina. Paradoxically, it is the prisoners’ disputes that show in the novel the highest level of moral, intellectual, and political freedom, unthinkable for the social climate of the Stalinist decades. In the structure of the novel, explicit political battles and hidden, forcibly suppressed social differences form a holistic, branched macro-plot in which, despite the pressure of the totalitarian system, individual and collective social reflection continues to pulsate.

Key words: Solzhenitsyn, novel structure, political discussions, totalitarianism, social reflection, speech interaction, mass scenes

Многоголосая композиция романа «В круге первом» (1955–1968)¹ запечатлела панораму сталинских десятилетий² и вместила изображение политических, нравственно-философских столкновений персонажей, близких зачастую к черте лагерного ада. Эмоциональный накал их нескончаемых споров, местами напоминающий атмосферу романов Достоевского³, придает событийному ряду сценическую напряженность и обнаруживает в нем онтологические смыслы. Прения на социально-политические темы продиктованы обстоятельствами настоящего и прошлого «существования узников шарашки»⁴, выступают «формой развития внутреннего действия романа»⁵, образуют искусно организованную «оркестровку современных “мудрецов”, обреченных на современный же “первый круг”»⁶, «в них звучит тема утраченных иллюзий, говорится о загубленной стране. Мысль собеседников тщетно бьется в поисках выхода, но дальше утопий никто не идет»⁷.

Вспыхивающие порой без непосредственного повода *групповые тюремные споры* отражают характерные для народного сознания тоталитарной эпохи болезненные деформации и слепые блуждания в лабиринтах истории. Так, младший лейтенант Наделашин, конвоируя заключенных в воронке, с заднего тамбура с недоумением вслушивался в оживленную беседу арестантов, в то, как они «ругали правительство и царя – но не нынешнее, и не Сталина, – они ругали... Императора Петра Первого... разделявали его на все лады», оценивали внесенные им изменения в народный костюм, полагали, что «и теперь не поздно воскресить отдельные части этих одежд». А во вставной новелле «Улыбка Будды», где, накануне

¹ Текст романа приводится в статье по изданию: *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т.2: В круге первом: Роман. М.: Время, 2011. 880 с.

² *Ничипоров И.Б.* Организация повествования в «сталинских» главах романа А. Солженицына «В круге первом» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. №4. С. 67–73.

³ *Лосев Л.* Поэзия и правда у Солженицына // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 32; *Краснов В.Г.* Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом» // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1977. Январь-март. №103. С. 164.

⁴ *Султанова А.М.* Нравственно-философская проблематика романа А.И. Солженицына «В круге первом»: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. С. 10.

⁵ *Голубков М.М.* Александр Солженицын. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: МГУ, 1999. С. 48.

⁶ *Краснов В.Г.* Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом». С. 160.

⁷ *Алтынбаева Г.М.* Риторические корни романа А.И. Солженицына «В круге первом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 32.

не послевоенного посещения г-жой Рузвельт Бутырской тюрьмы, заключенных, к их великому удивлению, моют в бане хорошим мылом, между ними разгораются споры, которые «были горячей бутырского кипятка». Истосковавшиеся по живой полемике, не имеющие опыта цивилизованного взаимодействия в дискурсе естественного разномыслия, они принимаются наперебой выдвигать альтернативные текущему положению головокружительные политические сценарии: «Но арестантам было не до мытья... Теперь среди них победила партия оптимистов, утверждавших, что Сталин и Берия бежали в Китай, Молотов и Каганович перешли в католичество, в России временное социал-демократическое правительство и уже идут выборы в Учредительное Собрание».

Выразительными массовыми сценами оттеняются преобладающие в романе *индивидуальные диспуты ключевых персонажей*, концептуальная насыщенность которых проистекает из недр их кровотокающей памяти.

Значительный дискуссионный потенциал кроется в *историко-политических штудиях заключенного математика Нержина*, в его набросках о русской революции, «в письменном столе захороненных», «втянувших лучшие мысли» и примечательных «его первыми нащупывающими формулировками». Рефлексия о 1917-м годе приближает исследователя к пониманию вековечных, так и не сбывшихся русских чаяний общественной свободы. По его оценке, тогда «Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний. Это и никому не удавалось с одного раза». В отличие от бывшего инженера Потапова, осужденного под предлогом «выдачи тайны Днепрогэса» и сетующего Нержину, что «отроду бы он не заинтересовался политикой, если бы сама политика не стала драть и ломать ему бока», Глеб еще с 13–14 лет вникал в логику общественной жизни, регулярно «садился читать газеты», изучал в «Известиях» отчеты о процессах над инженерами-«вредителями», а «покаянные», славящие тирана письма старых большевиков, писателей, композиторов сеяли в нем недоверие к официальной пропаганде. Будучи девятиклассником, он заподозрил Сталина в причастности к убийству Кирова, преисполнился «неумимчивым чувством на отгадку исторической лжи», укрепился в решении «узнать и понять! Откопать и напомнить!» Как позднее заметит он Руське Доронину, фермент скептицизма в социальной рефлексии «на русской почве особенно нужен» для того, «чтобы расколоть наши каменные лбы, чтобы поперхнуть наши фанатические глотки».

Споры Нержина с филологом и убежденным марксистом Львом Рубиным составили один из смысловых и структурных центров романа. Арестованные СМЕРШем фронтовики, сформировавшиеся под решающим воздействием социализма и исторического материализма, они в условиях лагерной действительности радикально расходятся в философско-политических воззрениях. Разуверение в опровергнутых ГУЛАГом «нравственных идеалах социализма» приводит Нержина к обновляющему его миропонимание идейному кризису. Он признается, что «с болью сердечной расставался с этим учением», и теперь на обломках всеобъемлющей идеологии ощутил себя «стебельком», который пытается расти «в воронке, где бомбой вывернуло дерево веры». Поглощающей его «пасти дракона» он из последних сил противопоставляет *персоналистскую позицию*, свободу личного неучастия в деяниях ослепленных вождем масс. Рубин же вдохновляется незыблемыми для него даже под гнетом сталинизма марксистскими «классовыми понятиями» и «историческими перспективами». В противоположность принципиально отказавшемуся от работы в криптографической группе Нержину он с энтузиазмом осваивает «новорожден-

ную» фоноскопию, усматривает в телефонном звонке Володина «узелок мировой истории» и мечтает ради общего блага изобличить «подлого московского стилиягу», ставшего «на пути социализма».

Столкновения Рубина с Нержиным показаны в калейдоскопе психологически насыщенных жестовых и речевых подробностей, разнообразии глагольных лексем¹. Нержин, продолжая безжалостно разрывать на себе путы прошлых иллюзий, резко «отталкивался», «замахал», «сердился», «отбился и выпрямился из углубления», Рубин же с мнимой высоты коллективного разума снисходительно назидал его («внемли, дитя!») и то «грозно толковал», «наклонялся на Нержина, корпусом на него наседавал и тряс растопыренными пятернями... тряс... пятерню над его головой», то принимал «детски-обиженное выражение», то, не слушая оппонента, «хохотал в спорах, если совершенно отвергал взгляды своего противника». Пафос речей Рубина направлен на бескомпромиссное утверждение превосходства «коллективного опыта человечества» над горизонтами субъективных мнений. «Да поднимись ты выше своей кочки зрения!» – увещевает он Глеба, внушая ему, что «исторический материализм не мог перестать быть истиной из-за того только, что мы с тобой в тюрьме».

В выстроенной Солженицыным системе взаимоотражений политических концепций персонажей социальный скепсис Нержина соприкасается с позициями Сологодина, Володина, правдоискательским настроем дяди Авенира, а безоглядный активизм Рубина косвенно преломляется, в частности, в утопических проектах Герасимовича.

Сидящий в тюрьме уже 12 лет Дмитрий Сологдин, выходец из старинной дворянской семьи, «в полуме революции разбрызнутой без остатка», с юности был «последовательным противником социалистических идей в любом обличье»², колебался в восприятии революции, которую ненавидел как бунт черни, но эмоционально «в ее беспощадной прямолинейности и неустояющей энергии он чувствовал себе родное». Потерпев на исходе НЭПа крах «на пути к миллиону», он, знавший «теоретическую механику, сопромат и много еще наук», имевший «обширный взгляд на общественную жизнь», и в заключении сохранил самобытную стилевую манеру: «Перед тем как блеснуть мыслью, он обязательно самоуничижался». При этом трудно согласиться с категоричным утверждением о том, что «Сологдина занимает сам процесс спора, его интересуют только он сам и его гениальность»³.

Сологдин близок Нержину поисками «методики» интеллектуальной деятельности, защитой индивидуального познания общественных процессов («сперва надо все мысли найти самому – и только потом сверять с книгами»), они с жаром «толкуют о том, как следует постигать историю, как открыть тайную логику, скрывающуюся в хаосе громоздящихся фактов»⁴. Подначивающий вопрос Сологодина о намерении Нержина в целях изучения революции «тридцать красных томиков... читать от корки до корки» вызывает не только резонный ответ Глеба о том, что «понять Ленина – это понять половину революции», но и увлеченное обсуждение сологдинского «способа узловых точек», позволяющего осмысленно, не теряясь во множестве фактов, «книг и чужих мнений», выявлять сущность социальных явлений и

¹ Алтынбаева Г.М. Риторические корни романа А.И. Солженицына «В круге первом». С. 46.

² Немзер А.С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом»: lit.wikireading.ru/30645?ysclid=lkqzby79a3163485004 (дата обращения: 28.12.2023).

³ Султанова А.М. Нравственно-философская проблематика романа А.И. Солженицына «В круге первом». С. 15.

⁴ Немзер А.С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом».

деяний исторических лиц. Как призывает Сологдин, «охвати жизнь Ленина одним оком, увидь в ней главнейшие перерывы постепенности, крутые смены направлений – и прочти только то, что относится к ним. Как он вел себя в *эти* мгновения? Тут – весь человек. А остальное тебе совершенно незачем»¹. Горьким, далеко идущим прогнозом о русской жизни выглядит среди напутствий отбывающему на этап Глебу риторическое вопрошание Сологдина: «Теперь твой отъезд может наступить внезапно. Мы расстанемся. Один из нас погибнет. Или оба. Доживем ли мы, когда люди будут открыто встречаться и разговаривать?»

Заметное место в полемическом дискурсе произведения занимают и *споры Нержина с Илларионом Герасимовичем* – физиком-оптиком «с тем подчеркнуто-интеллигентским лицом, да еще в пенсне, с каким рисуют на наших плакатах шпионов». Как это нередко бывает в романе Солженицына, *стихийное идейное разногласие персонажей вырастает на ином композиционном витке в развернутый обмен мнениями*.

По пути на свидание с женой Нержин из окна тюремного автобуса пытливо вглядывается в многолюдство московских улиц и на бытовое наблюдение Герасимовича о возвращении городских откликается, наклонясь к уху собеседника, острым политическим рассуждением, отражающим его выстраданное противление *социальной аморфности условного большинства*: «До того люди задурены, что стань сейчас посреди улицы, кричи “долой тирана! Да здравствует свобода!” – так даже не поймут, о каком таком тиране и о какой еще свободе идет речь». На тираноборческую декларацию Нержина Герасимович сдержанно парирует тезисом, который позднее всесторонне раскроется в их тюремном споре: «Какая свобода нужна разумно построенному обществу – это очень плохо представляется людьми».

В перспективе романного действия Герасимович рисуется ярким политическим теоретиком-утопистом, конструирующим *модель будущего социального устройства*. Они с Нержиным возвращаются к автобусному разговору о возможности «разумно построить общество», и если Глеб выражает «полное неверие» в то, что «на Земле можно устроить что-нибудь доброе и вечное», сокрушается, что «сам не выдерет ног из сомнений», доходит до отрицания прогресса в социальной истории («у этого спрута нет ни зада, ни переда»), то Илларион Павлович, ловко отбиваясь от нержинских критических комментариев «точными нужными словами», доверительно делится выношенными им проектами.

При очевидной незаурядности своей интеллектуальной рефлексии и альтруистических устремлениях к общественному благу Герасимович предстает *нравственно травмированной жертвой русского абсолютизма*. Даже в тюрьме он сохраняет веру в вождей – «самоотверженных, совершенно бескорыстных и светлых людей», допускает лишь «ограниченную» свободу – «иначе не будет слаженного общества», клеймит демократическое устройство за «угождение грубому большинству», мечтает о власти интеллектуальной элиты над «ослиным скопом», поскольку «общество надо строить интеллектуальное. Оно обязательно и будет разумным». Доводам Нержина о зыбкой грани между некритичной ориентацией на «авторитетов» и вождистской «тоталитарностью», о неизбежности того, что «всякая партия корежит и личность, и справедливость», скептическим суждениям о том, что «да, мерзок наш режим, но откуда *вы* уверены, что у вас получится лучше?», пророчеству о неминуемом перезапуске репрессивного меха-

¹ Здесь и далее в цитатах сохранен курсив, принадлежащий автору романа.

низма («понесут ваших благородных кузовами и корзинами – вырванных, срезанных, усеченных») – Герасимович противопоставляет упование на априорно созидательную силу гипотетического переворота, на ментальный и технологический прогресс: «Нам, русским техническим интеллигентам, пришло время сменить в России образ правления... мы растопим Арктику, согреем Сибирь, озеленим пустыни... разум все-таки одолевает безумие... тронутся в рост и благородные люди, и слово их – разрушит бетон».

Перекликаясь с Герасимовичем в обдумывании планов государственного строительства, Рубин, чьи воззрения и споры с иными персонажами образуют ось романной структуры, существенно превосходит его многомерностью социально-политического мышления. Рубинский памфлет о следственном процессе над князем Ольговичем И.С., который «оказался подлым изменником Родины», обнажил фиктивность правовых категорий в тоталитарном государстве, при этом породил имплицитный политический спор сочинителя со слушателями – другими заключенными, которые дерзнули осмеивать не частные судебные нарушения, а сами нормы советского уголовного кодекса: «Он хотел, чтобы его ирония коснулась только несправедливых судов, люди же не знали где остановиться, и насмеялись над самым дорогим – над социализмом».

Аскет и рыцарь марксизма, заключенный Рубин выводит социальную программу из императива добровольного самоотречения ради пребывания «в строю», на «защите Мировой Революции», убеждает себя и других «стать выше своей несчастной судьбы! Спасать – идею. Спасать – знамя», отстаивает догму исторической «объективности», которая оправдывает даже произвол ненавистных ему тюремщиков, ведь «объективно на данном перекрестке истории они представляют собою ее положительные силы, олицетворяют диктатуру пролетариата и его отечество». Длительное закрепление этого идейного комплекса ценой загнанных внутрь противоречий и компромиссов героя с самим собой отчасти подсвечено давним эпизодом в парткоме, когда Рубину от лица самой Партии следователем ГПУ «в желтых полуботинках» было предложено обвинить в троцкизме двоюродного брата, хотя «глазами именно этого брата учился Лева смотреть на революцию»...

Споры Рубина и Сологодина, с их сценичной динамикой, перегруженностью идеями, фактами, радикальными историческими оценками, взаимными личными выпадами, иллюстрируют усугубленный имперским синдромом максимализм русского политического сознания, ведь «они оба были пятилетними мальчишками в девятьсот семнадцатом году, но друг перед другом не отрекались ответить за всю человеческую историю».

То ослабевающие, то обретающие новую ожесточенность столкновения персонажей напоминают интеллектуальный рыцарский турнир, по ходу которого, как предлагает Сологдин, следует «поочередно записывать доводы на своих половинках листа», но чаще перерастают в «безысходный яростный спор... нудный, изматывающий ночной спор двух арестантов в одиноком запертом здании на окраине Москвы». Экстремальная драматургия этого поединка, обогащенная авторскими психологическими комментариями, становится предметом развернутого метафорического изображения: «По острым, режущим камням, с обломка на обломок, допрыгал их спор и до этого... Нигде не задерживаясь, как ночной скорый... пронесился их спор по темным и светлым местам их памяти, и все, что на мгновение выныривало, – бросало неверный свет или неразборчивый гул на неударжимое качество их сцепленных мыслей».

Обсуждение Рубиным, Сологдиным, присоединившимся к ним Нержиным «большой политики» – в непредсказуемом диапазоне от Французской революции до марксизма, 1917 года, немцев, поляков, сталинской современности, народа, религии – выдавало одержимость каждой стороны возвеличением или ниспровержением очередных кумиров, и вместе с этим неожиданно для собеседников и их слушателей открывало *невообразимое по тем временам пространство публичной свободы слова и совести*, дарило возможность творческого самовыражения, вербализации застарелой, как у Сологодина, «многолетней подавленности, многолетнего скрыва», относительного личностного распрямления в «особенном тюремном споре, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти», позволяло «швырять свои взгляды доступному соседу».

Марксизм Рубина предстает отнюдь не только в виде набора ветхих нарративов о диалектике истории, классовой структуре, последовательной революционности пролетариата и социализме как высокой цели, которая «оправдывает средства, употребленные для ее достижения». Герой ощущает свое мессианское призвание к тому, чтобы через опровержение сологдинского скептицизма апеллировать к другим заключенным, к толпящимся за спинами обитателей «вереницы камер» воображаемым «миллионам», «объяснять ослепленным их ослепление» в надежде, что, победив «личную обиду», они «повалят самоотверженно защищать социализм, как сделал бы это и Рубин», помогут «спасти атомную бомбу для Революции».

За политической оппозиционностью Сологодина, его метафорически выраженными тезисами о том, что не классы, а «лишь одинокие яркие личности, как звенящие звезды, разбросанные на темном небе бытия, несут в себе высшее понимание», жесткими суждениями о Святой Руси как «стране рабов», где «православная церковь не могла противостоять государству», – намечается *прозрение о неуклонном обесмысливании считающейся едва ли не священной, но губельной для человечества идеи государства как самодостаточной и неподвластной гражданскому контролю институции*. Значимой смысловой параллелью к спорам персонажей о родине, религии, социализме выступают трагическая история и продиктованная ею позиция дворника Спиридона, чьи «уши... будто залегли для этих слов, и язык не изворачивался их употребить».

Если Рубин «вдогонку» отгремевшему состязанию расписывает свой «Проект о создании Гражданских Храмов» – «величественных по архитектуре и господствующих над личностью», грезит о спасении «людовой нравственности» и «развитии эстетических функций населения» посредством создания государственной религии, сакрализации и ритуализации власти, то в антисоветских обвинениях Сологодина слышится радикальный скепсис в отношении враждебной к личности природы современного государства как такового: «Ваше государство создано совсем не из-за *толстосумного окружения!* А – чтобы жестокостью скрепить свою противоестественность! И если б вы остались на Земле одни – вы б свое государство еще и еще укрепили бы!»

В круг явных и скрытых политических противоборств включается в романе и сюжетная линия Иннокентия Володина с историей его внутреннего и семейного кризиса.

Переживание молодым мыслящим сталинским сановником «безвкусного обратного пресыщения» светскими привычками «одеться в каждое платье», «оттанцевать каждый танец» накладывается на обстоятельства его дипломатической

службы в Париже, позволявшие различать «все оттенки мировых мнений», читать эмигрантскую литературу и заставившие задуматься о *необходимом для политики нравственном измерении*, о том, что «совесть... дается нам один только раз». Зарождающийся спор Володина со служебным и семейным окружением получает продолжение в его общении в Твери с «родным маминым братом» дядей Авениром.

Авенир прошел пору студенческого «революционерства», выступал «манифестантом в поддержку заветного Учредительного», с ранних лет пристально, подобно Нержину, следил за политической повесткой, однако сохранил принципиальную внепартийность, так как не признавал «за партийными вождями пророческого превосходства над человечеством». *Правдоискатель в сфере государственной жизни*, убежденный, что «грехи родителей падают на детей... и от них надо отмываться», этот «ровесничек» Самому емко формулировал необходимые нравственные счеты к разным эпохам – от царя до Усача, задавался вопросами о границах патриотизма, недоумевал, «почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство», пытался понять, «в какой стране, когда знал народ о правительстве меньше, чем у нас». Подпольная антитоталитарная стратегия Авенира родственна нержинским занятиям историей. Сберегая необходимые для будущего документальные свидетельства о фактах социально-политической жизни, он изобрел «способ некриминального хранения самых интересных старых сообщений» в пожелтевших газетах – наподобие выступления Сталина за «верных ленинцев Каменева и Зиновьева» в газете за 1924 г. или официального газетного сообщения о тосте вождя за здоровье фюрера в 1940 г.

В романе складывается композиционная рифмовка ситуаций решительного, обретающего нравственное звучание, но вынужденно подавляемого, лишь отчасти прорывающегося вовне политического спора персонажей с окружением и господствующей идеологией. Годами таящийся от внешнего мира Авенир в переломный момент жизни Володина укрепляет его на пути к прозрению. В доме прокурора Макарыгина скептический к канонам соцреализма Володин допытывается у свояка писателя Галахова, «какими идеями» тот «обогатил наш измученный век», чем активизирует самобичующую рефлексию своего честного собеседника, долгие годы заставляющего себя «работать по расписанию», обреченного говорить лишь «тридцать вторую часть правды» и трепетать перед критиком Ермиловым настолько, чтобы еще на этапе создания произведения «угадать контраргументы Ермилова и приноровиться к ним». Драматична и участь серба Душана Радовича, бывшего коминтерновца, искреннего почитателя Ильича, который, как он хочет верить, в трудную пору «отказывался от сливочного масла». Радович жил в Союзе под страхом ареста или насильственного вовлечения в антититовское движение, с болью созерцал у Макарыгина книгу «Тито – главарь предателей» и вопреки велениям совести и гражданского чувства «не давал вводить себя в фанатическое состояние спора, а пытался жить бледной жизнью инвалида».

Краткое, но ожесточенное политическое столкновение Макарыгина с дочерью Кларой выдает ее назревший протест в отношении и цены карьерного успеха сталинского прокурора («Какой ты рабочий класс?») и требующего все новых жертв советского государства: «На каторгу шли! И теперь идут!»... В авторском психофизическом сопровождении этого эпизода сквозит сомнение в неизменном всеисилии противящейся любым спорам системы: «Едва сдерживаясь, чтобы только не ударить дочь, он вырвал у нее туфлю из рук и хлопнул об пол... Отцу не хватало

воздуха от извечной невозможности доступно и кратко выразить глупым юным созданиям мудрость старшего поколения...».

Итак, сюжетообразующие в романе Солженицына политические дискуссии с той или иной степенью откровенности ведутся представителями разных уровней советского послевоенного общества и выведены в содержательной и композиционной многоплановости. Споры о личности и государстве, гражданской свободе и сталинской тирании, социальном скептицизме и энтузиазме, исторической памяти и современности, революции, о критериях нравственной оценки политической жизни и ее будущем переустройстве – соотнесены с коллизиями личных судеб персонажей на воле и в заключении, дорастают порой до бытийных обобщений. Явные и имплицитные политические диспуты смыкаются в повествовательные циклы, обрастают попутными событиями, ассоциациями и тем расширяют границы романного времени. В условиях всеобщей немоты, сковавшей социальную среду от прокурорской гостиной до шарашки, подобные речевые взаимодействия доносят неистребимое звучание рвущихся к свободному самовыражению голосов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтынбаева Г.М. Риторические корни романа А.И. Солженицына «В круге первом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 45–50.

2. Голубков М.М. Александр Солженицын. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: МГУ, 1999. 112 с.

3. Краснов В.Г. Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом» // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1977. Январь-март. № 103. С. 155–175.

4. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 30–38.

5. Немзер А.С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом»: lit.wikireading.ru/30645?ysclid=lkqzby79a3163485004 (дата обращения: 28.12.2023).

6. Ничипоров И.Б. Организация повествования в «сталинских» главах романа А. Солженицына «В круге первом» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 67–73.

7. Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2: В круге первом: Роман. М.: Время, 2011. 880 с.

8. Султанова А.М. Нравственно-философская проблематика романа А.И. Солженицына «В круге первом»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 26 с.

9. Шнеерсон М. «Правило последних вершков» (О романе А. Солженицына «В круге первом») // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1983. Июль-сентябрь. № 129. С. 18–49.

REFERENCES

1. Alтынbaeva G.M. Rhetorical Roots of the Novel by A.I. Solzhenitsyn “In the First Circle”. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Philology. Journalism.* 2014. Vol. 14. Issue 2, pp. 45–50.

2. Golubkov M.M. (1999) Alexander Solzhenitsyn. To help teachers, high school students and applicants. Moscow. Moscow State University Press. 112 p.

3. Krasnov V.G. The Polyphony of Characters in Solzhenitsyn’s Novel “In the First Circle”. *Grani.* Frankfurt am Main. 1977. January-March. No 103, pp. 155–175.

4. Losev L. Poetry and Truth in Solzhenitsyn. *Literaturnoe Obozrenie.* 1999. No 1, pp. 30–38.

5. Nemzer A.S. Christmas and Resurrection. About Alexander Solzhenitsyn's Novel "In the First Circle": lit.wikireading.ru/30645?ysclid=lkqzby79a3163485004 (date accessed: 28.12.2023).

6. Nichiporov I.B. Organization of Narration in the "Stalinist" Chapters of A. Solzhenitsyn's Novel "In the First Circle". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2015. No 4, pp. 67–73.

7. Solzhenitsyn A.I. Collected Works: In 30 vols. Vol. 2: In the First Circle: Novel. Moscow. Vremya Publ. 2011. 880 p.

8. Sultanova A.M. (2008) Moral and Philosophical Issues of the Novel by A.I. Solzhenitsyn "In the First Circle": Abstract. Makhachkala. 26 p.

9. Schneerson M. "The Rule of the Last Tops" (About A. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle"). *Grani*. Frankfurt am Main. 1983. July-September. No 129, pp. 18–49.

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilya B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru

Л.А. Мальцев, Я. Альмусса (Калининград, Россия)

Проблемно-тематические «перекрестки» романа «Парфюмер» П. Зюскинда и польской прозы XX века (Е. Анджеевский, В. Гомбрович)

Аннотация: Рассматриваются проблемно-тематические сходства и различия между романами «Парфюмер» Зюскинда, «Фердидурке» Гомбровича и повестью Анджеевского «Врата рая». Идеино-смысловой доминантой трех текстов является мысль об уязвимости массового и индивидуального сознания, его подверженности манипуляциям со стороны других людей. Общее смысловое поле романа «Парфюмер» и повести «Врата рая» включает в себя проблемы харизматического героя, его влияния на общество, трагического противостояния между толпой и независимой личностью. Сходство между романами «Парфюмер» и «Фердидурке» проявляется в использовании художественного приема маски, нивелирующей индивидуальность человека, а также в исследовании механизма деконструкции принятых в обществе стереотипов, норм, традиций, ритуалов, что проявляется в символическом образе аморфичного клубка тел. Главное действующее лицо романа «Парфюмер» Гренуй является антигероем, поскольку, с одной стороны, он преступно ведет себя по отношению к природе, пытаясь насильственным путем завладеть абсолютом естественной красоты, а с другой, провокатором, обнажающим в человеческой натуре ее порочные свойства. В произведении Анджеевского «Врата рая» отсутствует фигура антигероя, тогда как протагонист «Фердидурке» Юзеф Ковальский отчасти соответствует типу антигероя, поскольку, не являясь преступником, он исполняет сюжетную роль провокатора и деконструктора стандартных ситуаций.

Ключевые слова: Зюскинд, Гомбрович, Анджеевский, антигерой, массовое сознание, харизма, маска, «ничто»

L.A. Maltsev, Y. Almoussa (Kaliningrad, Russia)

Problem-thematic “Crossroads” of the Novel “Perfume” by P. Süskind and Polish Prose of the 20th century (J. Andrzejewski, W. Gombrowicz)

Abstract: The problematic and thematic similarities and differences between the novels “Perfume” by Süskind, “Ferdydurke” by Gombrowicz, “The Gates of Paradise” by Andrzejewski are considered. The ideological and semantic dominant of the three texts is the idea of the vulnerability of mass and individual consciousness, its susceptibility to other people manipulation. The general semantic field of the novels “Perfume” and

“The Gates of Paradise” includes the problems of a charismatic hero, his influence on society, and the tragic confrontation between the crowd and an independent individual. The similarity between the novels “Perfume” and “Ferdynand” lies in the problem of a mask that levels a person’s individuality, as well as in the study of the mechanism of deconstruction of stereotypes, norms, traditions, and rituals accepted in society, which is manifested in the symbolic image of an amorphous tangle of bodies. The main character of the novel “Perfume”, Grenouille, is an anti-hero, because, on the one hand, he behaves criminally towards nature, trying to appropriate forcibly the absolute of natural beauty, and on the other, he is a provocateur, revealing its vicious properties in human nature. In Andrzejewski’s work “The Gates of Paradise” there is no figure of an antihero, while the protagonist of “Ferdynand” Józef Kowalski partly corresponds to the type of anti-hero, since, not being a criminal, he plays the plot role of a provocateur and deconstructor of standard situations.

Key words: Süskind, Gombrowicz, Andrzejewski, antihero, mass consciousness, charisma, mask, “nothing”

В романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» («Das Parfum», 1985) формирование художественного мира осуществляется на основе взаимосвязи идеологии постмодернизма с танатологической концептосферой: «смерть автора», «смерть реальности», «смерть героя». Об исчезновении чувства действительности в постмодернизме справедливо пишет Г.В. Кучумова: «...подлинная реальность симулируется, конструируется, вытесняется искусственно созданной знаковой системой»¹. Среди произведений немецкой литературы последних десятилетий XX столетия, иллюстрирующих постмодернистскую технологию манипулирования массовым сознанием, исследователь рассматривает знаменитый роман Зюскинда, оговаривая специфику его художественного мироустройства, заключающуюся в приоритетной роли ольфакторных средств конструирования псевдореальности. В романе «Парфюмер» идеи кризиса, смерти, исчерпанности бытия проявляется в выборе антигероя, мизантропа и убийцы, который в конце романа приходит к самоотрицанию, т. е. к самоубийству. Антигерой романа «Парфюмер» Жан-Батист Гренуй является человеком без запаха, и, поскольку запах является главным определителем бытийности в художественном мире романа (люди, животные, неодушевленные предметы имеют свой собственный запах), Гренуя как бы нет. Он является ольфакторным вариантом «человека без свойств», если вспомнить одноименный роман австрийского писателя Роберта Музиля.

Также мы можем назвать Гренуя одним из примеров антигероя мировой литературы. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», антигерой – это «тип литературного героя, подчеркнута лишенная героических черт, но занимающий центральное место в произведении и выступающий в той или иной степени доверенным лицом автора»². Н.В. Живолупова называет основным «антигероем» мировой литературы рассказчика «Записок из подполья». Гренуй имеет много общего с «подпольным» человеком Достоевского, сравнивающим себя с мышью. Сам Гренуй в романе неоднократно сравнивается с клещом, см., напр.: «Таким клещом был маленький Гренуй. Он жил, замкнувшись в свою оболочку,

¹ Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: новые формулы тоталитаризма // Вестник Самарского университета. 2009. № 3(69). С. 120.

² Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Антигерой // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 35.

и ждал лучших времен»¹. Гренуй, как и анонимный «подпольный человек», отличается развитым интеллектом. Поэтому суждение Н.В. Живолуповой по поводу героя Достоевского можно распространить и на образ Гренуя: «Он в этическом максимуме ничтожен, но как субъект “философского” текста субстанциален, воплощен в ипостась субъекта мысли. Первый антигерой исследуемого ряда первыми словами автохарактеристики называет это конституирующее качество “ничтожности” (“Я злой человек”))»².

В польской прозе XX в., отражающей разные художественные направления (реализм, модернизм, авангардизм, экзистенциализм, постмодернизм), проблема симуляции действительности и манипуляции массовым сознанием занимает одно из ведущих мест. В этом проблемно-тематическом ракурсе примечательна эпоха межвоенного двадцатилетия, для которой мировоззренческой доминантой был катастрофизм, а в эстетическом аспекте ей было свойственно совмещение модусов «трагизма» и «насмешки» над действительностью (по К. Выке)³. В межвоенной прозе иронически-насмешливое восприятие жизни наиболее полно выражал Витольд Гомбрович, трагическое – Ежи Анджеевский. Осмысливая творческий путь Анджеевского, но имея в виду и феномен Гомбровича, А. Сандауэр писал о том, что едким разоблачителем польской «школы недействительности»⁴ был Гомбрович как автор романа «Фердидурке» («Ferdydurke», 1937). В свою очередь, Анджеевский отдал дань польской «школе недействительности», к которой, по мнению А. Сандауэра, относятся традиции политической жизни Польши, соотносящиеся с культурными течениями католического модернизма и социалистического реализма. Но с началом эпохи «оттепели» (с 1956 г.), разочаровавшись в миссии писательского проповедничества, Анджеевский выступил в роли разоблачителя, демонстрируя, что нередко под «возвышенными» и «благородными» идеями скрываются порочные страсти и жажда власти над «муравейником» (по Достоевскому). Одним из знаковых произведений критического периода в творчестве Анджеевского стала его повесть «Врата рая» («Bramy raju», 1960).

Это произведение Анджеевского о крестовом походе детей несет в себе параболический смысл, во многом перекликающийся с романом Зюскинда «Парфюмер». Действие повести Анджеевского происходит в эпоху Средневековья (XIII в.), тогда как события романа Зюскинда хронологически относятся к веку Просвещения. Однако, несмотря на идейную противоположность двух эпох, сопоставление текстов Анджеевского и Зюскинда свидетельствует о неизменности морального состояния человечества в разные эпохи. Средний человек толпы, как показывают польский и немецкий писатели, нравственно незрел. У него слабо выражена способность критического мышления, и он легко поддается стадным инстинктам. Для заострения проблемы незрелости человеческого естества Анджеевский обращается к детской тематике, уделяя особое внимание отношениям ребенка и взрослого, причем последний выступает в двух функциях: искусителя и совратителя (граф Людовик, подстрекающий детей с помощью пастушка Жака из Клуа на безумную авантюру) либо умудренного опытом наставника (мо-

¹ Зюскинд П. Парфюмер. М.: Азбука-Классика, 2007. С. 31.

² Живолупова Н.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го – 20-го века: Монография. Н. Новгород: Дятловы горы, 2015. С. 19.

³ Wyka K. Tragizm, drwina, realizm // Wyka K. Pogranicze powieści. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003. S. 5–32.

⁴ Sandauer A. Polska szkoła nierzeczywistości i jej uczeń // Życie Literackie. 1958. S. 5, 8.

нах-минорит, который безуспешно пытается уговорить детей сойти с пагубного пути). У Зюскинда детская тематика раскрывается без ее акцентировки. Рассказ кормилицы Бюсси пастору Террье свидетельствует о том, что запах ребенка более приятен, чем запах взрослого человека. Идея испорченности человеческой природы, имеющая метафизическое обоснование в ветхозаветной истории грехопадения, получает у Зюскинда ольфакторную окрашенность, причем речь идет о мерзком запахе, исходящем, главным образом, от взрослых людей. Так, герой романа «Парфюмер» различает людей по возрастному и гендерному признаку: «Дети пахли безвкусно, от мужчин несло мочой, острым потом и сыром, а от женщин – прогорклым салом и гнилой рыбой»¹. Таким образом, мизантропия Гренуя в меньшей степени проявляется по отношению к детям, в большей – по отношению к взрослым. С другой стороны, Гренуй не идеализирует образ ребенка, а к детскому запаху он относится индифферентно. Возрастная дифференциация персонажей играет значительную роль также в произведении Анджеевского. Образ монаха-минорита олицетворяет христианизированное сознание греховной поврежденности человеческой природы, проявляющейся в судьбе каждого человека, и ребенка, и взрослого. Словесным повтором, создающим портретную характеристику монаха, является мотив его тяжелой походки, коррелирующей с тяжкими предчувствиями о судьбе несовершеннолетних участников крестового похода. Образ монаха вызывает также негативные ольфакторные впечатления, в сфокусированном виде отраженные в восприятии Бланш, которая нелюбезно отзывается о пожилом монахе-исповеднике: «...о чем рассказывать этому старому хрену? – подумала Бланш, – он стар, грязен и смердит, как душной козел»². Оскорбительная характеристика представителя церкви в повести «Врата рая» созвучна с антицерковным выпадом Гренуя, также имеющим ольфакторное обоснование: «Какой все-таки жалкий аромат у этого Бога!.. Бог вонял. Бог был маленькой жалкой вонючкой»³. Поскольку действие происходит в эпоху Просвещения, эти негативные обонятельные впечатления Гренуя о христианском Боге перекликаются с такими тенденциями развития французского общества, как падение авторитета церкви, атеистические настроения, приведшие к Великой французской революции 1789–1793 гг.

И в повести «Врата рая», и в романе «Парфюмер» центральной является проблема харизмы, т. е. редко встречающейся способности притягивать к себе других людей, вызывать симпатию, вплоть до любви и обожания, и, следовательно, приобретать власть над ними. В произведении Анджеевского харизматическим героем является пастушок Жак из Клуа, любовь к которому испытывают четыре из шести основных персонажей повести (Мод, Бланш, Алексей Мелиссен, граф Людовик). Опосредованно под влияние Жака попадает Робер (Мод любит Жака, Робер любит Мод). Вне поля харизматического магнетизма Жака остается, по сути, только анонимный монах-исповедник. Наиболее полно харизматическая сила воздействия на людей, заключенная в хрупком пастушке Жаке, выражается в речи графа Людовика: «...когда я ехал один по лесу, мне было чертовски грустно, мир казался огромной скуделью нужды и страданий, человек – заблудшей тварью, жизнь – лишенной надежд, но едва я увидел тебя, стоящего у костра, тотчас же мрак, объемлющий мир, сделался не таким беспросветным, участь челове-

¹ Зюскинд П. Парфюмер. С. 55.

² Анджеевский Е. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 143.

³ Зюскинд П. Парфюмер. С. 196–197.

ка – не столь безнадежной, жизнь – еще не растерявшей остатков тепла, подумай, какими богатствами ты владеешь, если одним своим существованием способен воскрешать надежду...» [183]. Очевидным сходством между решением проблемы харизматичности у Анджеевского и Зюскинда является то, что феномен обоженной личности, достигающей высот религиозного сознания, скрывает в себе тайный эротический соблазн. У Анджеевского персонажи прибегают к самообману, выраженному в механизме сублимации, т. е. вытеснения запретных любовных мечтаний императивом служения религиозной идее (таковы Мод и Алексей Меллисен). Гренуй Зюскинда, наоборот, показывает риторическую ложность возвышенных человеческих устремлений, в том числе религиозных чувств. Настоящей природой человека, по Зюскинду, является жажда сексуального обладания, в то время как понятия благопристойности, порядочности, верности долгу являются не чем иным, как масками. Гренуй, как гений ольфакторности, выступает в роли провокатора и разоблачителя низменных человеческих страстей.

Другим важным отличием решения проблемы харизматической личности в повести Анджеевского и романе Зюскинда является то, что во «Вратах рая» дар пастушка Жака является природным, врожденным. Анджеевский отходит от однозначной христианской трактовки харизмы как божьего дара, предназначенного для спасения людей от грехов. Этот природный дар личности, согласно повести «Врата рая», может быть направлен не только во спасение, но и на погибель, в зависимости от того, в чьих руках оказывается подобное орудие – Бога или дьявола.

В романе Зюскинда феномен харизмы рассматривается как приобретенный: «харизматическая личность» является конструктом, маской. Харизматическая личность в любой момент может предстать перед аудиторией сверхчеловеком или, наоборот, сохранять черты обычного, серого человека. Зюскиндовское понимание харизматического обаяния соответствует концепции О.Ф. Кабейн: «Харизма – результат определенного невербального поведения, а не врожденное или магическое личное качество»¹. «Харизматичные личности упорно трудились, чтобы обрести магическую притягательность для окружающих...»² – утверждает цитируемый автор, и кропотливая деятельность Гренуя по конструированию собственной персоны (социальной маски) служит весьма ярким подтверждением именно такой концепции харизматичности.

В повести «Врата рая» феномен харизмы получает визуальное воплощение в виде света, огня костра, противопоставляемого мраку, который завладел всем миром. В романе «Парфюмер» харизма Гренуя в его самонаблюдении получает физическую форму некоего излучения, т. е. тайного перемещения энергии в пространстве, не воспринимаемого с помощью земных чувств. «Ауру» запаха, эффект излучения Гренуй видит внутренним взором, недоступным обычному человеку: «...аура его запаха начала мощно излучаться в зал. Он видел, – в самом деле, он видел даже глазами! – как она захватила сначала первые ряды, затем переместилась дальше, к центру зала, и наконец достигла последних рядов и растеклась по галерее... В полосе его аромата люди, сами того не сознавая, изменяли выражение лица, изменяли свое поведение, свои чувства»³.

Примечательно сходство трагических развязок повести Анджеевского и романа Зюскинда, в которых индивид становится жертвой людской массы. Эта ана-

¹ Кабейн О.Ф. Харизма. Как влиять, убеждать и вдохновлять. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 8.

² Там же.

³ Зюскинд П. Парфюмер. С. 200.

логия между «Вратами рая» и «Парфюмером» имеет поверхностный характер, указывая не на общность, а на специфику идейного содержания текстов. У Анджеевского монах-минорит, узнав предысторию крестового похода, предпринимает безуспешную попытку остановить детей и гибнет под стопами несовершеннолетних паломников. Таким образом, автор демонстрирует бессилие разума перед фанатизмом, обреченность человека, бросающего вызов всеобщей ложной вере. В произведении Зюскинда единственным человеком, свободным от массового психоза, является тот, который стал его же инициатором, – сам Гренуй. Здесь нет противопоставления массового фанатизма детей и индивидуального здравого смысла взрослого человека, как у Анджеевского. Гренуй совмещает в себе ипостаси харизматической личности и жертвы, поскольку обожание, доведенное до крайней степени, не может обернуться не чем иным, как смертельной угрозой для того, кто является объектом этого обожания.

Принципиальное отличие «Врат рая» от «Парфюмера» – отсутствие в анализируемой повести Анджеевского фигуры антигероя. На эту роль не претендует ни пастушок Жак из Клуа с его ангельской чистотой, ни его антипод – демонический граф Людовик, вариант архетипического образа змея-искусителя. В позднейших произведениях автора «Врат рая» появляются персонажи, в большей степени соответствующие типу антигероя с присущей ему экзистенциальной «ничтожностью», скрываемой за маской харизматической персоны. Об этом свидетельствуют даже названия последних текстов польского автора (см., например, повести «Уже почти ничего» или «Никто»).

Феномен антигероичности Гренуя проявляется в его двойной функции: если во взаимоотношениях с человеческим обществом он является провокатором, вызывающим в людях низменные инстинкты, то по отношению к природе – преступником, ее «грабщим», присваивающим себе эссенцию прекрасного. Но обмануть природу оказывается невозможно. Гренуй создал искусственный аромат, который стал его маской, в совершенстве имитирующей естественную красоту и вводящей людей в обман, но Гренуй не смог обмануть себя, осознав под ольфакторной маской отсутствие «я», убедившись в собственной экзистенциальной «ничтожности»: «...он был замаскирован лучшими в мире духами, и под этой маской у него не было лица, не было ничего, кроме тотального отсутствия запаха...»¹.

Проблема «ничтожности» (безличности) антигероя, скрывающего за маской собственную пустоту в романе «Парфюмер» создает больше точек пересечения с романом Гомбровича «Фердидурке», чем с рассмотренной выше повестью Анджеевского. Образ героя «Фердидурке» Юзефа Ковальского ближе, чем персонажи «Врат рая», к типу антигероя, поскольку это персонаж, мировоззренчески близкий автору, в котором слабовыраженным или даже отсутствующим является глубинное ядро личности, ее внутренний этический стержень, подавляемый внешней, интерактивно-ролевой стороной индивида. Справедливо в связи с этим утверждение И.Е. Адельгейм: «Под маской... нет ничего – освобожденный от ролей и стереотипов, человек теряет лицо, становится никаким или любым»². Не менее резонно наблюдение Л.А. Софроновой: «В «Фердидурке» не люди носят маски. Это маски захватывают их, и люди не в состоянии от них отказаться»³.

¹ Зюскинд П. Парфюмер. С. 300.

² Адельгейм И.Е. Польская проза межвоенного двадцатилетия. Между Западом и Россией. Феномен психологического языка. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 64.

³ Софронова Л.А. Тело и маска в романе В. Гомбровича «Фердидурке» // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура: Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 11.

Маска является «формой» (по терминологии Гомбровича), за которой не скрывается никакого внутреннего содержания. Однако отношение антигероя к маске-форме различается в романах «Парфюмер» и «Фердидурке». Гренуй является гениальным строителем «крепости великолепнейших композиций ароматов»¹, суверенным властелином своей «внутренней империи»² запахов. Он становится «структуралистом» в парфюмерном деле. Мир запахов в его восприятии образует строгую и стройную систему, подчиненную непреложным законам. Одновременно в его художественном отношении к запахам проявляются признаки романтической эстетики, сущность которой заключается в абсолютизации творческих возможностей гения, приравняемого к Богу: «Он совершил Прометеев подвиг. Божественную искру, которая с колыбели дается людям ни за что ни про что и которой он, единственный в мире, был лишен, эту искру он добыл бесконечным изощренным упорством. Больше того! Он, в сущности, высек ее сам, в своем “я”. Он был более велик, чем Прометей»³. Похожую манифестацию суверенной воли гения обнаруживаем в начале романа «Фердидурке»: «Создать, создать же наконец собственную форму! Выйти в мир! Найти собственное выражение! Пусть образ мой рождается из меня, пусть мне его не навязывают!.. Я достаю из стола бумагу... и... в окружении сверкающих и совершенных форм пишу первые строки моего собственного произведения, такого же, как я, идентичного мне, льющегося непосредственно из меня, независимого произведения, противопоставляющего мою собственную истину всем и вся...»⁴. Однако развитие действия в «Фердидурке» позволяет сделать вывод, что самореализация героя в «идентичной» форме является невозможной. Не герой создает форму, а форма, кристаллизуясь в межчеловеческой коммуникации, деформирующе воздействует на индивидуальность, предопределяя его социальную роль и поступки. Возможность минимальной свободы от формы антигероем Гомбровича Юзеф Ковальский находит в демонстрации порочности таких, например, «форм» общественного бытия, как отношения субординации между учителем и учеником в школе, жизненный уклад «прогрессивной» мещанской семьи, патриархальные устои в шляхетской усадьбе. Гомбрович беспощадно издевается над формализованными ритуалами, выявляя абсурдность социальных отношений.

Сходство между романами «Фердидурке» Гомбровича и «Парфюмер» Зюскинда заключается в роли их антигероев как провокаторов, разоблачителей и деконструкторов. Очевидной аналогией является образ клубка тел, представленного в сцене сексуальной оргии из романа «Парфюмер» во время несостоявшейся казни Гренуя: «Люди, казалось, расплавились, их разум и душа растворились, превратились в аморфную, жидкую стихию...»⁵; «Запланированная казнь омерзительнейшего преступника своего времени превратилась в величайшую вакханалию...»⁶. В романе «Фердидурке» образы сбитых в кучу, бьющихся в судорогах тел образуют важный лейтмотив романа, который имеет символическое значение дестабилизации формы, дающей Юзефу Ковальскому возможность бегства и обретения относительной свободы. Образы клубка тел не обязательно обозначают сексуальную вакханалию, как в романе «Парфюмер», однако именно они доводят

¹ Зюскинд П. Парфюмер. С. 59.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 298.

⁴ Гомбрович В. Фердидурке. СПб.: Амфора, 2000. С. 21–22.

⁵ Зюскинд П. Парфюмер. С. 295.

⁶ Там же. С. 297.

действие до эксцентрического максимума. Эти аморфные образы сопряжены со скандальной атмосферой, и все персонажи, сбивающиеся в подобные кучи, теряют свое лицо. Это мы можем проследить на примере последней главы романа, где рассказывается о пребывании героя в усадьбе своей тетушки: «...народ медленно заполнял комнату, и темнота зароилась от мужичьих частей тела... Народ, пользуясь незрелостью ситуации, поднял голову и тоже захотел брататься... Я еще успел услышать писк Зигмунта и писк дяди – наверное, народ взял их в оборот и взялся за них, не спеша и неуклюже... Я схватил за руку тетю... и ну ее тянуть, толкать в клубок тел, чтобы и она смешалась с этим клубком»¹.

Выявленные проблемно-тематические параллели между романом Зюскинда и произведениями польской прозы не могут быть доказательством непосредственного воздействия польских писателей на образное мышление Зюскинда. Однако совокупность этих аналогий свидетельствует о типологической общности между художественным миром польских и немецких писателей, о едином диалогическом поле творческого сознания у этих авторов, осмысливающих болезненные проблемы XX в., связанные с кризисом абсолютных ценностей и созданием манипулятивных механизмов, ведущих к порабощению разума.

ЛИТЕРАТУРА

Адельгейм И.Е. Польская проза межвоенного двадцатилетия. Между Западом и Россией. Феномен психологического языка. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 200 с.

Анджеевский Е. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 558 с.

Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Антигерой // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 35.

Гомбрович В. Фердидурке. СПб.: Амфора, 2000. 350 с.

Живолупова Н.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го – 20-го века: Монография. Н. Новгород: Дятловы горы, 2015. 735 с.

Зюскинд П. Парфюмер. М.: Азбука-Классика, 2007. 329 с.

Кабейн О.Ф. Харизма. Как влиять, убеждать и вдохновлять. М.: Альпина Паблишер, 2013. 307 с.

Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: новые формулы тоталитаризма // Вестник Самарского университета. 2009. № 3(69). С. 115–121.

Софронова Л.А. Тело и маска в романе В. Гомбровича «Фердидурке» // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура: Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 3–23.

Sandauer A. Polska szkoła nierzeczywistości i jej uczeń // *Życie Literackie*. 1958. № 1. S. 5, 8.

Wyka K. Tragiczność, drwina, realizm // *Wyka K.* Pogranicze powieści. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2003. S. 5–32.

REFERENCES

Adel'geim I.E. (2000). Polish Prose of the Interbellum. Between the West and Russia. The Phenomenon of Psychological Language. Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 200 p.

Andrzejewski J. (1990). Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 558 p.

¹ *Гомбрович В.* Фердидурке. С. 338.

Galtseva R.A., Rodnyanskaya I.B. Antihero. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow. Intelvak Publ. 2001, p. 35.

Gombrowicz W. (2000). *Ferdydurke*. St. Petersburg. Amfora Publ. 350 p.

Zhivolupova N.V. (2015). “Notes from Underground” by F.M. Dostoevsky and the Subgenre of “Confession of an Antihero” in Russian Literature of the Second Half of the 19th – 20th centuries. Nizhny Novgorod. Dyatlovy Gory Publ. 735 p.

Süskind P. (2007). *Perfume*. Moscow. Azbuka-Klassika Publ. 329 p.

Cabane O.F. (2013). *The Charisma. How to Engage, Influence and Motivate People*. Moscow. Alpina Publisher. 307 p.

Kuchumova G.V. German-language Novel 1980–2000: New Formulas of Totalitarianism. *Vestnik of Samara University*. 2009. No 3(69), pp. 115–121.

Sofronova L.A. Body and Mask in W. Gombrowicz’s Novel “*Ferdydurke*”. In: *Works of Witold Gombrowicz and European Culture*. Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 2006, p. 3–23.

Sandauer A. Polish School of Unreality and Its Student. *Życie Literackie*. 1958. No 1, p. 5, 8.

Wyka K. Tragic, Irony, Realism. In: Wyka K. *Borderlands of the Novel*. Kraków. Wydawnictwo Literackie. 2003, p. 5–32.

Сведения об авторе:

Леонид Алексеевич Мальцев,
доктор филол. наук
профессор
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта

Leonid A. Maltsev,
Doctor of Philology
Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University

lamaltsev23@mail.ru

Яра Альмусса,
аспирант
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта

Yara Almoussa,
PhD Student
Immanuel Kant Baltic Federal University

yara.almoussa.212@gmail.com

UDC 81.821.08

*Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)***Сравнительный анализ словообразовательного потенциала английского наречного суффикса *-ly* и его таджикских эквивалентов**

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы сравнительного анализа словообразовательного потенциала английского наречного суффикса *-ly* и его таджикских эквивалентов. Отмечается, что в сравнительных языках наречие признается самостоятельной частью речи. Однако его отнесение к особой категории в этих языках неясно, их лексические границы широки, а функциональные типы разнообразны. Отмечается, что лексические поля наречий очень широки и их функциональные типы различны. Сделан вывод, что по структуре наречия делятся на простые, производные, составные и сложные в сравниваемых языках и в зависимости от значения разделяются на следующие подгруппы, такие как: место, время, направление, частотность, модальность (английское), причина и цель, способ действия, количество и степень.

Ключевые слова: наречие, сопоставительный анализ, наречия, английский и таджикский языки, простые, производные, сложные и составные наречия

*B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)***Comparative Analysis of Word-Building Potential of English Adverbial Suffix *-ly* and Its Tajik Equivalents**

Abstract: The article dwells on the issues beset with the comparative analysis of word-building potential of English adverbial suffix *-ly* and its Tajik equivalents. It is noted that adverb is recognized as an independent part of speech in the comparative languages. However, its classification as a special category in these languages is uncertain, their lexical boundaries are wide, and their functional types are diverse.

It is underscored that the lexical fields of adverbs are very broad and their functional types are different. It is concluded that adverbs are divided into simple, derivative, compound and composite groups based on their structure in the comparative languages and depending on their meaning they are singled out into the following sub-groups, such as: place, time, direction, frequency, modal (English), cause and purpose, manner of action and quantity and degree.

Key words: adverb, comparative analysis, adverbs, English and Tajik languages, simple, derivative, compound and composite adverbs

INTRODUCTION

Commonly, “the subject of language typology includes all the systems of the world’s famous languages and the relevant field is considered to be as a part of general linguistic studies. Therefore, a series of factological materials and proved evidence targeted at the comparative study of near and foreign languages is one of the natural branches of linguistic typology. There is a difference between typological and comparative studies of languages – both in terms of the linguistic research method: in comparative research they use the deductive method, and in terms of typology - the inductive method is used” [16: 120].

Consideration and evidence of the comparative study dealing with near and foreign languages is considered to be one of the natural branches of typological linguistics. There is a difference between the consideration of typological and comparative languages – both in terms of linguistic research method: in comparative research they resort deductive method, and in terms of typology – inductive one is used [12: 257].

It is worth stressing that one of the issues dealing with grammatical and morphological categories of adverb in both Tajik and English languages is the key one in today’s linguistics studies under the angle of comparative aspect. Hence, adverb is considered to be one of the independent parts of speech, which the relevant linguistic unit is backgrounded later than other parts of speech in the languages under comparison. As well as, the part of speech in question is introduced in details and is included into the program targeted at higher educational establishments.

Iranian linguists have also paid particular attention to the exploration and consideration of adverb. In conformity with Ali Muhammad Furughi’s opinion, this part of speech is a linguistic unit that is resorted to differentiate and reveal the content of verb, adjective or any other adverb [15: 132].

As well as, D.S. Phillot devoted a section of his work to adverbs and adverbial phrases and he explained in detail the ways and means of the derivation of adverbs and adverbial composition and phrases. He noted that “auxiliary adverbial one is a participle used as an adverb, the noun of an adverb can be a noun instead of the former in question” and he considered adverbs and adverbial phrases the relevant part of speech as any words and phrases, even separate sentences [14: 495–487].

Into the bargain, “original adverbs” the usage of nouns and adjectives and certain pronouns and Arabic words and phrases as adverbs; the derivation of adverbs by dint of suffixes has also been canvassed by G.K. Zaleman [7: 65–67].

Under the angle of a famous scholar in linguistic studies – E.E. Bertels one can assert that “while forming the part speech in question (in Persian) transfers from adjectives to adverb without any changing its form by dint of the nominal parts with the suffix *-ona* and adverbization of Arabic words (by means of the suffix *-an*) as well” [4: 75–79].

In reference to it, Yu.A. Rubinchik has adduced detailed information concerned with sematico-grammatical peculiarities of Tajik adverbs, on its difference from modal words and adverbs derivation by means of the affixes *ba-*, *-i*, *-aki*, prepositions and nominal parts and various words repetition, in particular [11: 92].

Book Review

While conducting the contrastive analysis, we have resorted to the following works, literary productions and bilingual dictionary as reliable sources, including: “Ghulomon” by S. Aini (2019) [1]; “Lughat-i anglisi-tojiki” by A.Mamadnazarov (2011) [10]; “A Book of Golden Deeds” by Jim Manis (2004) [17] and “Lughat-i muxtasri kalimasozii zaboni adabii tojik” (1983) [5]. These sources are of great importance and contribute the key role in the development of comparative linguistics studies.

The objectives of the article under consideration are:

- to carry out distinctive peculiarities of some derivative adverbs morphologically;
- to reveal the significance of the above-mentioned reliable sources theoretically and scientifically;
- to compare the place and role of word-building elements forming a series of adverbs in the comparative languages;
- to dwell on certain urgent issues beset with the theme explored in details.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the level of usage of the prefixes under study, we have resorted the following visual methods, such as: comparative-historical, synchronic-diachronic ones.

MAIN RESULTS AND DISCUSSION

The majority of simple adverbs of the comparative languages are of the long history and they possess specific functions and particular features, upon the whole. Affixation is very productive in adverbial word-derivation in the comparative languages. By dint of prefixes and suffixes a large considerable number of new adverbs of manner are formed from various parts of speech, namely *noun, adjective, verb bases* we will reveal their certain morphological and semantical features in terms of comparative aspects.

The derivation of adverbs by means of affixes is considered to be one of the most common and productive ways of word-building, and all independent parts of speech possess such kind of potentiality in the languages under comparison. In reference to it, affixes occupy an important role in the word-building potential and involve in the formation of adverbs, but they are shared between adverbs and adjectives as well.

There are a number of affixes in the comparative languages: Tajik word-building elements prefixes: *be-, no-, ba-, bo-, bar-, dar-, to-* and the following traditional Tajik adverbial suffixes still occupy an important role, including: *-aki, -o, -ona, -vor, -noki, -son, -i (-gi)* and *-an* [6: 275] and prefixes English: *im-, un-, non-, mis-, dis-*; suffixes: *-ly, -wards, -wise, -ically* and only *in-* is a prefix denoting the place.

Hereby, we will focus on comparative analysis of morphological peculiarities and the level of usage of certain derivative adverbs in English and Tajik languages.

It is well-grounded that adverbs of both languages are divided into simple, derivative, compound and composite morphologically. Factual material of the comparative languages like Tajik language: *zud, soz, sahl, aknun, fardo, peš, der, por, di, dūš, edar, edūš, hameša, hanūz, bisyor, allakai* one-rooted words are included in simple adverbs and like English: *very – xele, fast – tex, here – injo, why – baroi či, always – hameša* [2; 3; 13]. For instance:

I don't realize the fact that *why* we must tell them about her – Man namefahmam, ki *čaro* mo boyad ba onho dar bora-i ū naql kunem [Translated by the author].

...ba šarofat-i janob-i oli amir-i Bukhoro-i šarif dar *in jo* bo osudagi zindagi mekuned [1: 200] – ...owing to His Excellency – the Emir of Bukhara, you live here comfortably [Translated by the author];

Aknun *dar kujo* budanam va *kujo* raftanam-ro durust pay naburdam [1: 317] – Now I didn't know *where* I have been and *where* I was going to [translated by the author].

Adducing the results of the above-mentioned examples one can assert that the equivalents of simple adverbs of EL into Tajik are various ones, because *here (simple) = in jo (composite) and where (simple) = dar kujo (composite)* morphologically.

The majority of English adverbs are derived by virtue of the adverbial suffix *-ly*. It is worth stressing the formation of adverbs from different parts of speech is considered to be one of the main and most productive ways of adverb derivation or word-building in the comparative languages [3; 4; 16]. We can confidently express our opinion that the usage of parts of speech in adverb derivation is not identical in Tajik and English languages. Adjectives are more frequently used in the formation of adverbs than other parts of speech in the languages being compared. Hereby, we decided to single out certain English derivative adverbs into sub-groups based on various parts of speech + the adverbial suffix *-ly* and to dwell on distinctive and common peculiarities in term of structure:

a) **based on noun + the adverbial suffix *-ly***: name – *namely* (asosan, ya’ne), man – *manly* (odamvor, insoniyona), friend – *friendly* (dūstona, rafiqona, boiltifot), brother – *brotherly* (barodarona), sister – *sisterly* (xoharona), master – *masterly* (jobukona, mohirona): Xanda nakuneton, -guft agrotexnik, *-asosan* fikr-i in rafiq durust ast [1: 449] – My dear, I must leave you, *that* is my only regret, except *that* I could not restore my king to the throne; I leave you in the midst of a civil war, *that* is what afflicts me [17: 254].

While adducing and collecting the appropriate examples and facts we didn’t find the English equivalent of *namely* in “A Book of Golden Deeds” by Jim Manis (2004) [17], but J. Manis had resorted to that is very much as a synonym of the above-mentioned English derivative adverb in his book.

b) **based on adjective + the adverbial suffix *-ly***: serious – *seriously* (jiddi, aniq), happy – *happily* (xušbaxtona, xursandona), general – *generally* (dar umum, dar majmu’, umuman, hamagi), proper – *properly* (xosatan, az jumla, bavizha), original – *originally* (aslan, dar asl), wise – *wisely* (donišmandona, xiradmandona, boaqлона), proud – *proudly* (boiftixor), honest – *honestly* (boinsofona, bovijdonona), haughty – *haughtily* (boğurur), active – *actively* (fa’olona, boğayratona), faithful – *faithfully* (bovafo): *Happily* their shout was heard by a man of different mould [17: 222], Sodiq az xona baromada ba taraf-i kohxona raft, zanak *xursandona* ba sar-i otašdon nigoh karda davida raft, ba ošpazi daromad va bačagonaš, ki az kūča omadand, bo jūšu xurūši bačagona tractor-ro ta’rif karda xursandii ū-ro meafzudand... [1: 405], He *actively* and *dexterously* took part in all manly sports, especially shooting and riding [17: 245], Aknun lozim meoyad, ki in kas az šumo ziyodtar haq girand-diya –guft javon-i yakdasta, ki az taraf-i boy Yuldošev xitob yofta bud, *pičiigomezona* ba boy... [1: 396].

c) **based on numeral + the adverbial suffix *-ly***: first – *firstly* (naxust, avvalan, dar avval), second – *secondly* (soniyan, ba’dan), third – *thirdly* (seyuman, seyum marotiba): *Firstly*, I want to tell you about this grammatical feature, *secondly*, I will dwell on its common and deferent aspects, *thirdly*, I can come to the certain conclusion – *Avvalan*, mexoham dar bora-i in xususiyyat-i grammatiki naql namoyam, *soniyan*, jihatho-i umumi va farqunanda-i on-ro barrasi mekunam, *ba’dan*, ba yak xulosa-i aniq omada metavonam [translated by the author].

d) **based on participle I & II + the adverbial suffix *-ly***: delighted – *delightedly* (taajjubomezona, hayratomezona) devoted – *devotedly* (bovafo), well grounded – *well groundedly* (boasos), willing – *willingly* (sidqan), surprising – *surprisingly* (taajjubomezona, hayratomezona), seeming – *seemingly* (zohiran), feeling – *feelingly* (boehsosot): Miršab *taajjubkunon* sar-i xud-ro az on dariča darun karda, har taraf-i darun-i zinxonaro az nazar guzaronid [1: 205] – *Surprisingly*, miršab poked his head through the door and examined all sides of the saddle room [translated by the author].

Based on the above-given examples, we decided to dwell and canvass TEs (Tajik equivalents) of EDAs (English derivative adverbs) derived by virtue of the relevant pre-

fix are not identical, namely, the majority of them are used and translated into TL (Tajik language) as simple, derivative & mix structural, compound and composite ones: **simple**: jiddi, aniq / *seriously*, naxust / *firstly*, ya'ne / *namely*; **derivative by means of the prefixes bo- & ba-**: bavizha / *properly*, boiltifot / *friendly*, boiftixor / *proudly*, boğurur / *haughtily*, bovafo / *faithfully*, bovafo / *devotedly*, boasos / *well groundedly*, boehsot / *feelingly*; **the suffix -an**: asosan / *namely*, umuman / *generally*, xosatan / *properly*, aslan / *originally*, avvalan / *firstly*, soniyan, ba'dan / *secondly*, seyuman / *thirdly*, sidqan / *willingly*, zohiran / *seemingly*; **the suffix -i (-gi)**: hamagi / *generally*; **the suffix -ona**: insoniyona / *manly*, dūstona, rafiqona / *friendly*, barodarona / *brotherly*, xoharona / *sisterly*, jobukona, mohirona / *masterly*, xursandona / *happily*, fa'olona / *actively*; **the suffix -vor**: odamvor / *manly*; **mix structural** boaqлона / *wisely*, boinsofona, bovijdonona / *honestly*, boğayratona / *actively*; **compound**: xušbaxtona / *happily*, taajjubomezona, hayratomezona / *delightedly*, taajjubomezona, hayratomezona / *surprisingly*, xiradmandona, donišmandona / *wisely*; **composite**: dar umum, dar majmu' / *generally*, az jumla / *properly*, dar asl / *originally*, dar avval / *firstly*, seyum marotiba / *thirdly*.

In modern English literary language, there are a number of words that resemble adverbs in term of their writing or structure (by virtue of the suffix *-ly*), while they are adjectives, as follows:

brotherly – barodarona	manly – mardona
costly – arzanda	masterly – mohirona
cowardly – tarsu	motherly – modarona
deadly – margvor	neighbourly – dar hamsoyagi
elderly – solxurda	orderly – sarištakorona
fatherly – padarona	scholarly – olimona
friendly – dustona	sisterly – xoharona
lively – zindadil	timely – muosir
lonely – tanho	motherly love – modarvor dust doštan
lovely – jozibaangez	elderly people – čun odamoni solxurda

Into the bargain, EL, the following words *way*, *manner*, *fashion* participate to form new adverbs. Usually, they form series of adverbs of manner, and in Tajik language, such the formers in question are derivated by dint of the suffixes *-ona*, *-an* and *-vor*: in a friendly *way* – dūstona; in a timely *manner* – hamzamon; in an orderly *fashion* – tadrigan; in a motherly *way* – modarvor.

It should be underscored that some adverbs have two forms in EL, the first form is a simple adverb like to adjective and the other is a derivative adverb formed by means of the adverbial suffix *-ly*. Traditionally, such simple and derivative adverbs differ only in terms of meaning:

close – nazdik	closely – bodiqqat
deep – čuqur	deeply – amiqan
first – saravval	firstly – avvalan
free – roygon	freely – ozodona
hard – saxt	hardly – bazūr
last – oxirin bor	lastly – dar oxir, dar xulosa
late – der	lately – dar vaqthoi oxir
near – peši	nearly – qarib

The family only *lately* became extinct in the person of an old maiden lady [17: 20], Too late the warnings returned upon the King's mind, and he knew it was he alone who was sought [17: 148], Ba har hol har kore-ro, ki sar karda bošad, *der* yo *zud* ba poyon

rasonida bud [1: 26], *Dar vaqtho-i oxir* odat-i ba murda janosa xondan va ū-ro gūron-dan ham barham xūrd [1: 112].

In certain set of phrases and compositions, the derivative adverb formed by dint of the suffix *-ly* does not differ from simple one, as follows: to sell cheap / cheaply – arzon furūxtan; to speak loud / loudly – baland gap zadan; to go slow / slowly – ohista roh raftan; to come quick / quickly – zud omadan; to contact somebody direct / directly – bevosita bo kas-e dar aloqa budan [13]: – “Xar hamon xar ast, polonaš digar šudaast”, – guft yake az bozoriyon qadr-e ovozi-xud-ro *baland karda* [1: 63].

It is worth mentioning that the usage of simple adverbs (without the adverbial suffix *-ly*) is characteristic only in oral speech or vernaculars. As a rule, such kinds of derivative adverbs are placed before the verb in a sentence: He quickly (quick – is wrong) ran towards the door. – Ū tez ba nazd-i dar davida raft.

It is worth mentioning that certain simple English adverbs are used without the adverbial suffix *-ly* and they are seen only in the composition of set of phrases:

Take it easy! – Xavotir našaved!

Hold tight! – Xud-ro mahkam dored!

He held her close. – Vay ū-ro saxt dar oğūš girift.

Stay (Keep) clear of him! – Az vay xuddori kuned!

I always play (fight) fair. – Man hameša az rū-i alodalt bozi mekunam.

Wipe the table clean. – Miz-ro toza kun.

Feel free to ask questions. – Az pursiš-i savol šarm nador [13].

CONCLUSION

Adducing the results of the conducted analysis concerned with the theme explored one can come to the conclusion that the majority of English adverbs are derivated by virtue of the adverbial suffix *-ly*. Contently, the formation of adverbs from different parts of speech is considered to be one of the main and most productive ways of adverb derivation or word-building in the comparative languages. We can confidently express our opinion that the usage of parts of speech in adverb derivation is not identical in Tajik and English languages. Adjectives are more frequently used in the formation of adverbs than other parts of speech in the languages being compared. Hereby, we can canvass those TEs of EDAs derived by the suffix *-ly* are not identical and the same-formed ones, and some of them are used and translated as STAs (simple Tajik adverbs), DTAs (derivative Tajik adverbs), CTAs (compound Tajik adverbs) & ComTAs (composite Tajik adverbs).

ЛИТЕРАТУРА

Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019, 488 с.

Беляева М.А. Грамматика английского языка. М.: Наука, 1973. 375 с.

Берман И.М. Краткая практическая грамматика английского языка. М.: Наука, 1965. 258 с.

Бертельс Е.Э. Грамматика персидского языка. Л.: Изд. Ин-та живых восточных языков им. А.С. Енукидзе, 1926. 126, [1] с.

Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забони адабии тоҷик. Душанбе: Маориф, 1983. 120 с.

Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.

Залеман К.Г. Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии / Сост. К.Г. Залеман и В.А. Жуковский. СПб.: изданием Имп. С.-Петербург. ун-та, 1890. [2], VIII, II, 100 с.

Исмоилов И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1971. 86 с.

Ковнер Р.Л. Наречие в современном английском языке. Л.: Наука, 1947. 122 с.

Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. Душанбе: Эр-граф, 2011. 1016 с.

Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 140 с.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Перевод с нем. Б.А. Абрамова; под ред. и с предисл. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1980. 407 с.

Усмонов К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. Хучанд: Нури маърифат, 2015. 190 с.

Филлот Д.С. Грамматикаи олии забони форсӣ. Калкутта, 1919. 700 с.

Фурӯғӣ А. Грамматикаи мухтасари форсӣ. Нью-Йорк, 1944. 132 с.

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefixes *bar-*, *dar-* and *to-* and Their English Equivalents. *Stephanos*. 2023. №6(62). P. 81–69.

Yonge Ch.M. A Book of Golden Deeds. The Pennsylvania State University. 2004. 260 p.

REFERENCES

Aini S. (2019) *Slaves. The Novel* Dushanbe. Children's Literature Publ. 488 p.

Belyaeva M. A. (1973) *English Grammar*. Moscow. Nauka Publ. 375 p.

Berman I.M. (1965) *A Brief Practical Grammar of the English Language*. Moscow. Nauka Publ. 258 p.

Bertels E.E. (1926) *Persian Grammar*. Leningrad. Institute of Living Oriental Languages Press. 126, [1] p.

Bobomurodov Sh. (1983) *A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language*. Dushanbe. Enlightenment Publ. 120 p.

Grammar of Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 355 p.

Zaleman K.G. (1890) *A Brief Grammar of the New Persian Language with an appendix of metrics and bibliography / Compil. by K.G. Zaleman и V.A. Zhukovsky*. St. Petersburg. Emperor's St. Petersburg University Press. [2], VIII, II, 100 p.

Ismoilov I. (1971) *Adverb in Modern Tajik Literary Language*. Dushanbe. Cognition Pub. 86 p.

Kovner R.L. (1947) *Adverb in Modern English*. Leningrad. Nauka Publ. 1947. 122 p.

Mamadnazarov A. (2011) *English-Tajik dictionary*. Dushanbe. Er-graf Publ. 1016 p.

Rubinichik Yu.A. (1960) *Modern Persian language*. Moscow. Publishing House of Oriental Literature. 480 p.

Szemerényi O. (1980) *Introduction to Comparative Linguistics / Transl. from German by B.A. Abramov; ed. and preface by N.S. Chemodanov*. Moscow. Progress Publ. 408 p.

Usmonov K. (2015) *Comparative Morphology of English and Tajik Languages*. Khujand. Light of Enlightenment Publ. 190 p.

Phillot D.S. (1919) *Higher Grammar of the Persian Language*. Calcutta. 700 p.

Furughi A. (1944) *A Brief Persian grammar*. New York. 132 p.

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefixes *bar-*, *dar-* and *to-* and their English equivalents. *Stephanos*. 2023. No 6(62), pp. 81–69.

Yonge Ch.M. (2004) *A Book of Golden Deeds*. The Pennsylvania State University. 260 p.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,

канд. филол. наук

ст. преподаватель

факультет иностранных языков

Худжандский государственный университет

имени академика Б. Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,

PhD

Senior Lecturer

Faculty of Foreign Languages

Khujand State University

named after academician B. Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

А. Лорети (Москва, Россия)

Дебаты об итальянском разговорном языке и о способах его распространения после объявления итальянского государства

Аннотация: В статье рассматривается роль дебатов в определении национального устного языка в Италии, где расхождение между письменным, литературным языком и устными диалектами было исторически очень сильным. В становление устного языка внес решающий вклад Алессандро Мандзони, который утвердил флорентийский язык как модель устного итальянского языка. Участие в дебатах о национальном языке принял также Грацидио Исаяя Асколи, который предположил, что принятие флорентийского языка приведет к формальному культу «народной чистоты» вместо идеала «классической чистоты» и что распространение языка станет результатом более глубокого действия с целью распространения культуры и преодоления пропасти, отделяющей узкий круг интеллектуалов от остального населения. Сближение письменного и устного итальянского языка привело к тому, что на сегодняшний день владение письменной речью среди итальянцев ниже, чем средний показатель в европейских странах, а устный язык итальянцы все еще воспринимают как неестественный язык.

Ключевые слова: Италия, итальянский, дебаты о национальном языке, диалекты, латинский, Алессандро Мандзони, Грацидио Исаяя Асколи

A. Loreti (Moscow, Russia)

The Role of the Debates on the Definition of the Italian Oral Language and on the Means of Its Propagation after the Italian State Declaration

Abstract: The article examines the role of debates on the definition of a national oral language in Italy, where the divergence between the written, literary language and oral dialects has historically been very significant. The decisive contribution to the definition of the oral language, by choosing the Florentine language as the model of the oral Italian language was made by Alessandro Manzoni along with Graziadio Isayah Ascoli, who suggested that the adoption of the Florentine language would lead to a formal cult of “popular purity” instead of the ideal of “classical purity”, and that the linguistic would be the result of a deeper action with the aim of spreading culture and bridging the gap, separating a small circle of intellectuals from the rest of the population. In conclusion, the author considers that the convergence of written and spoken Italian has led to the fact that, today, the proficiency in written language among Italians is lower than the average

in European countries, and Italians still perceive the spoken language as an unnatural language.

Key words: Italy, Italian, national language debate, dialects, Latin, Alessandro Manzoni, Graziadio Isaia Ascoli

В данной статье рассматриваются основные исторические позиции по вопросу об определении национального языка Италии в годы после объединения страны. С точки зрения языка главная специфика Италии заключается в том, что в ней за пятьсот лет до образования итальянского государства уже существовал тот язык, который в конце XIX в. был утвержден как государственный. Однако этот язык использовался только как письменный. Таким образом, в связи с дебатами об определении национального языка мы также будем рассматривать современную картину итальянского языка, который в течение долгого времени был языком только поэтов и писателей, прежде чем стать в прошлом веке общим языком всех жителей Италии.

В 1963 г. была опубликована книга итальянского лингвиста Туллио Де Мауро «Лингвистическая история объединенной Италии». Оценивая общую ситуацию с итальянским языком в стране в годы Объединения, автор допустил [De Mauro 1963: 43], что прямой контакт с государственным языком и его эффективное и окончательное усвоение имели место только для тех граждан, которые после начальной школы продолжали обучение еще несколько лет. В то же время автор обратил внимание на то, что в Тоскане и в Риме местные диалекты были особенно близки к государственному языку по фонологической, морфологической и лексической структуре, и потому он счел правомерным положение, что в годы Объединения к 160 000 говорящих на итальянском языке из других регионов необходимо добавить примерно 400 000 тосканцев и 70 000 римлян. В итоге общая доля говорящих на итальянском языке составляла около 630 000 граждан из более 25 миллионов итальянцев, следовательно, всего 2,5% общего населения. Чтобы правильно понять, с чем было связано отсутствие общего разговорного языка у жителей Италии на момент образования государства, стоит вернуться во времена Данте и коротко осветить основные исторические этапы возникновения и развития итальянского языка.

В «*De vulgari eloquentia*» («О народном красноречии») Данте ставит перед собой целью выделить среди итальянских народных языков тот, который мог бы стать общим для всех итальянских писателей. Данте пришел к выводу, что на роль литературного языка достоин претендовать только тосканский народный язык, и привел два довода в пользу подобного выбора. Во-первых, Данте отметил высочайшую ценность литературы в стихах на тосканском народном языке. Во-вторых, по мнению Данте, тосканский народный язык был особенно близок к латыни по грамматическим структурам, и потому выучить его смогли бы не только уроженцам Тосканы.

Таким образом начиная со второй половины тринадцатого века и особенно в первые десятилетия четырнадцатого флорентийский диалект утвердился в роли преобладающего литературного языка во всех областях Италии. Другими словами, это произошло еще за шесть столетий до того, как он стал доминирующим и на уровне разговорного языка (XIX в.). Распространение флорентийского диалекта за пределы Тосканы не произошло ни в результате военного давления (на что у

тосканцев никогда не было способностей) [Bruni 2003: 226], ни под воздействием официальных бюрократических структур или официальных письменных практик (языком официальных и политических актов являлась латынь) и не благодаря качественной системе образования (так как до XVIII в. лекции в университетах читали не на народном, а на латинском языке). Самым мощным толчком к распространению «флорентийского диалекта» среди представителей «интеллигенции» того времени по всей территории итальянского полуострова стал внезапный и необычайный успех «Комедии» Данте. Вскоре за «Комедией» последовали «Декамерон» Боккаччо и «Книга песен» Петрарки.

С другой стороны, стоит отметить, что при постепенном распространении флорентийского языка в качестве литературного среди подавляющего большинства итальянского населения в устном общении по-прежнему использовались диалекты. После великой эпохи «народного языка», которой был четырнадцатый век, пятнадцатый отличался противоположными тенденциями: с одной стороны, продолжением «языковой тосканизации» Италии, но в то же время возрождением интереса к авторам античной литературы и философии на латинском и греческом языках. На протяжении именно этого столетия приобрел особо острый характер «вопрос о языке», т. е. вопрос о тех языковых нормах, которые писателям следует принять для своих сочинений.

Венецианский гуманист Пьетро Бембо в «Рассуждениях в прозе о народном языке» (1525) настаивал на необходимости обращаться к литературному тосканскому языку XIV в., в частности к языку Боккаччо для прозаиков и к языку Петрарки для поэтов.

Таким образом, гуманисты XV в. установили стилистически-лингвистические и грамматические правила латинского языка по образцу произведений Цицерона и Вергилия, а также четко сформулировали своего рода канон подражания народному языку Петрарки и Боккаччо. Подражание флорентийскому языку сыграло важнейшую роль в итальянской языковой истории. С этого момента уже существующее на территории Италии расхождение между письменным, литературным языком и устными диалектами стало углубляться, в результате чего итальянцы для повседневного общения до относительно недавнего времени использовали преимущественно диалекты, а писатели продолжали писать на языке Петрарки и Боккаччо, который сохранился вплоть до наших дней без особых изменений. Поэтому специально созданная для сохранения традиции языка великих поэтов Академия делла Круска издала Словарь, из которого исключались любые новые слова, связанные с прогрессом знаний.

Живая реакция на «пуризм» Словаря Академии делла Круска наблюдается в восемнадцатом веке, в эпоху Просвещения. Особо активно в полемике участвовала миланская группа, собравшаяся вокруг журнала «Il Caffè» (1764–1766) под руководством братьев Пьетро и Алессандро Верри. Со страниц «Il Caffè» братья Верри настойчиво заявляли о необходимости нового языка, более подходящего для современного общества: они считали абсурдными призывы сторонников пуризма строго придерживаться античных примеров; напротив, указывая на необходимость сделать итальянский язык более гибким и конкретным, они приветствовали неологизмы и заимствования, связанные с прогрессом науки и техники, с преобразованиями экономической и промышленной деятельности, с изменениями в обычаях и менталитете.

Однако настоящий пуризм зародился в начале девятнадцатого века, когда аббат Антонио Чезари (1760–1828), инициатор движения, высказался за бескомпромиссное возвращение в «золотой» четырнадцатый век для решения вопроса о языке. Писателей того столетия следовало рассматривать как единственный лексический источник, к которому можно было обратиться также для нужд современной науки и техники. Таким образом, Чезари призывал остановить волну французских заимствований, проникшую в итальянский язык в эпоху Просвещения, считая это «уродством варварского и чудовищного языка» [Cesari 1843: 81].

Вопрос о языке на государственном уровне был поставлен в связи со школьной программой в январе 1868 г. по инициативе министра просвещения Эмилио Брльо, который дал приказ отчитаться о ситуации с языком в Италии двум комиссиям экспертов, одной – миланской, под председательством авторитетного и пожилого Алессандро Мандзони (1785–1873), другой – флорентийской, возглавляемой педагогом Рафаэлло Ламбускини (1788–1873). Министр ставил перед экспертами задачу «исследовать и предложить все меры и способы, с помощью которых мы сможем добиться того, чтобы знание хорошего языка и хорошего произношения стало более универсальным во всех слоях населения» [Migliorini 1978: 685]. Мы более подробно остановимся на отчете Мандзони, опубликованном несколько месяцев спустя после приглашения министра. Доклад Мандзони открывается утверждением, что наличие множественности идиом представляет собой серьезное препятствие на пути к достижению языкового единства. Таким образом, аргумент Мандзони основывается на тех же предпосылках, на которые в свое время с разными целями опирались Данте и Бембо (Manzoni 1868): «Для нации, представители которой разговаривают на различных языках и которая стремится к общему языку, естественно, подобное разнообразие представляет собой первое и мощное препятствие на пути к своему замыслу. Препятствие становится тем более серьезным, поскольку не существует согласия относительно средств (языка), которые следует использовать для преодоления множественности и замены ее единством» [Manzoni 1881: 599]. Язык представляет собой целую сложную систему, которая включает как часть литературный язык, а данная система должна служить для коммуникативных потребностей сообщества носителей. С одной стороны, Мандзони отказался от идей сторонников пуризма, которые для потребностей настоящего обращались к языку прошлого; с другой – исходя из того, что невозможен язык без общества, ежедневно на нем говорящего [Vitale 1978: 351–352], Мандзони признал первенство устной речи над письменной [Dardano, Trifone 1995: 80].

Затем Мандзони отметил, что латынь и французский язык являются результатом «живого и воссоединившегося общества, где целостность и непрерывность отношений между людьми обязательно приводят к единообразному использованию языка» [Manzoni 1881: 601]. Согласно Мандзони, о языке «не может идти речь, если только не о языке как целом; и стремление к созданию языка с помощью отдельных частей, взятых то отсюда, то оттуда, – это лишь способ вечно воображать, что ты это делаешь, хотя на самом деле ты никогда этого не делал» [Manzoni 1881: 601–602]. Таким образом, модель должна быть однообразна и освобождена от всяких различий. Дело в том, что литературный тосканский язык (в первую очередь, язык Петрарки или Боккаччо) имеет однообразный и единый характер, тогда как устный язык тосканцев довольно сильно отличается от места к месту. Проблема диалектических отличий между различными формами устного языка в

Тоскане решается путем утверждения культурного разнообразия Флоренции в качестве модели, «и, согласно изложенным здесь принципам и фактам, соответствующий словарь для Италии не мог быть ничем иным, как словарем живого флорентийского языка» [Manzoni 1881: 602]. По всей видимости, Мандзони акцентировал внимание в первую очередь на лексике: единство языка, с его точки зрения, не что иное, как единство лексики. В этой связи Дардано отметил: «Ограниченность концепции, рассматривающей язык как комплекс слов, подчиняющихся правилам, очевидна. Данные ограничения становятся видны на фоне определенного подхода к вопросу о языке, в котором акцентируют внимание именно на лексике [...], оставляя в стороне синтаксическое структурирование предложения и взаимоотношения между различными уровнями языка» [Dardano 1978: 89]. Автор выявил цель, которая, с одной стороны, связана с устным языком, а с другой стороны, может быть достигнута посредством использования письменных учебных средств наряду с другими конкретными образовательными мерами. Мандзони высказался за предложение послать тосканских учителей во все регионы Италии при соответствующей финансовой поддержке местными муниципалитетами для реализации подобной программы [Sobrero, Miglietta 2006: 47]; с другой стороны, предложил в качестве стимулирующих надбавок наградные учебные поездки во Флоренцию для наиболее достойных учеников любого направления и уровня образования, уделяя особое внимание тем ученикам, которые впоследствии станут учителями [De Blasi 2008: 75]. Мандзони завершил доклад признанием заслуг министра Брольо, который «освободил социальный и национальный вопрос о языке от связи с литературными вопросами» [Manzoni 1881: 608].

Несколько лет спустя вслед за Мандзони лингвист Грациаджо Исайя Асколи (1829–1907) принял участие в дебатах о национальном языке, опубликовав работу в качестве предисловия к научному журналу по лингвистическим вопросам под названием «Итальянский глоттологический архив». В предисловии от 10 сентября 1873 г. Асколи, раскрывая свой скептицизм по отношению к флорентийскому образу языка, возможно, в итоге вернул письменному языку то первенство, которое Мандзони пытался приписать устному языку. Мандзони акцентировал внимание на проблеме незнания основного итальянского лексикона представителями тех слоев общества, которые, как правило, далеки от тех, кого Асколи назвал «работниками ума» [Ascoli 1873: xxv]. Асколи же обратил внимание на последствия решения Мандзони (особенно в тех формах, которые придали ему последователи миланского писателя), которые могли бы негативно отразиться на точности и остроте языка интеллигенции в том случае, если оно приведет к некритическому принятию чисто разговорного языка и произношения. В частности, по мнению Асколи, принятие флорентийского живого разговорного языка также сможет привести к полной грамматической неправильности или даже к торжественному восхвалению неточностей. Асколи раскритиковал не столько Мандзони, сколько реальную (и, возможно, опасную) тенденцию, предусматривавшую, среди прочего, распространение в культурной сфере нефильТРованного народного флорентийского языка: «Работникам ума предлагается в определенной степени приостановить свою собственную деятельность и не пополнять свой умственный потенциал погруженным изучением очередной серии книг, питающих их мысли и исследования (что было бы приемлемо), а заставить их подражать (они говорят, подражать по обязанности) городскому разговору, которому их будут учить по

словарю кормилица или учитель начальной школы, которого отправят (из столь богатой неграмотными земли) цивилизовать их провинцию» [Ascoli 1873: xxv].

Вкратце, распространение флорентийского языка, на что надеялся Мандзони, внесло решающий вклад «в освобождение итальянской литературы или умов итальянцев от старейшего рака риторики» [Ascoli 1873: xxviii], но не смогло предотвратить в Италии «двойного препятствия итальянской цивилизации: недостаточной плотности культуры в стране и чрезмерной заботы о форме» [Ascoli 1873: xxvi]. Следовательно, само по себе принятие флорентийского языка не представляет собой решение проблемы, а приведет к формальному культу «народной чистоты» вместо идеала «классической чистоты» [Ascoli 1873: xxx].

Таким образом, Асколи не согласился с Мандзони в том, что культура нации измеряется степенью большей или меньшей близости между разговорным и письменным языком. В этой связи Асколи писал: «...как будто бы у нас дома было совершенно ясно, что повышение культуры происходит прямо вследствие близости или большей близости между устной и письменной речью, в то время как все на самом деле наоборот» [Ascoli 1873: xxviii]. Асколи с особой энергией подчеркивал тесную связь между вопросом о языке и культурной жизнью страны. История доказала, что Флоренция не обладает в Италии первенством, т. е. не играет руководящей роли в культуре, например, такой, какую играл Париж во Франции. Языковое объединение не будет достигнуто путем авторитарного навязывания определенной нормы, оно должно быть результатом более серьезных усилий для распространения культуры и преодоления пропасти, отделяющей узкий круг интеллектуалов от остального населения.

В завершение, подходя к более современной языковой картине Италии, мы можем отметить, что принудительные меры, предложенные Мандзони, принесли мало пользы распространению итальянского языка. Но несмотря на это письменная и устная речь сблизилась после столетий разлуки (как и пожелал Мандзони), и в итоге устный итальянский язык стал общим языком всей нации. С другой стороны, подход Асколи к вопросу о языке оказался в целом более реалистичным и, скорее всего, также более целесообразным, чем предложения Мандзони, но опять же: итальянский язык стал языком итальянцев не в результате процесса распространения культуры и литературной традиции по всем слоям итальянского населения, как предполагал Асколи. В далеко не самой читающей стране мира в качестве национального языка был избран язык, который в течение пятисот лет использовался исключительно для литературы и который явно не был предназначен для всех жизненных нужд среднего человека XIX в. Таким образом, следует отметить, что итальянский стал общим языком нации в результате действий средств массовой информации и, в частности телевидения. Средства массовой информации способствовали распространению языка, в котором, однако, за рекламными и политическими лозунгами, за бюрократическими и громкими выражениями, за сложными оборотами речи скрывается банальность или неточность содержания. В качестве примера приведем тот факт, что в Италии зачастую автоматически прибегают к таким выражениям, как, например, «portare avanti un certo tipo di discorso», которые, судя по всему, имеют расплывчатый и неточный смысл [Dardano, Trifone 1995: 83]. С учетом вышесказанного можно заключить, что сближение письменного и устного итальянского языка привело на сегодняшний день к тому, что, с одной стороны, владение письменной речью среди итальянцев ниже, чем средний показатель в европейских странах, с другой же стороны, устный язык

итальянцы в большей степени все еще воспринимают как неестественный, из-за чего зачастую переходят на диалект для более точного, яркого и естественного выражения эмоций и мыслей, для общения с друзьями или с пожилыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Alighieri 1878 – Alighieri D. (1878) *De Vulgari Eloquentia libri duo 1303–1305*. In: *Le Opere Latine di Dante Alighieri*. Vol. I. Firenze. Successori Le Monnier. 454 p.

Ascoli 1873 – Ascoli G.I. Proemio. *Archivio Glottologico Italiano*. 1873. No 1, pp. V–XLI.

Bruni 2003 – Bruni F. Italiano all'estero e italiano sommerso: una lingua senza impero. In: *Storia della lingua e storia / A cura di G. Alfieri*. Firenze. Cesati. 2003, pp. 179–198.

Cesari 1843 – Cesari A. (1843) *La dissertazione sullo stato presente della lingua italiana e il dialogo delle Grazie*. Firenze. Ricordi e Jouhaud. 336 p.

Dardano, Trifone 1995 – Dardano M., Trifone P. A. (1995) *Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica*. Bologna. Zanichelli. 789 p.

Dardano 1974 – Dardano M. G.I. (1974) *Ascoli e la questione della lingua*. Roma. Istituto della enciclopedia italiana. 170 p.

De Blasi 2008 – De Blasi (2008) N. *Piccola storia della lingua italiana*. Napoli. Liguori. 148 p.

De Mauro 1963 – De Mauro T. (1963) *Storia linguistica dell'Italia repubblicana dal 1946 ai nostri giorni*. Roma; Bari. Editori Laterza. 594 p.

Manzoni 1881 – Manzoni A. *Dell'unità della lingua e dei mezzi di diffonderla. Relazione al Ministro della Pubblica Istruzione proposta da Alessandro Manzoni agli amici colleghi Bonghi e Carcano, ed accettata da loro*. In: *Manzoni A. Opere varie*. Milano. Fratelli Rechiedei. 1881. 732 p.

Migliorini 1978 – Migliorini B. (1978) *Storia della lingua italiana*. Firenze. Sansoni. 885 p.

Serianni 2015 – Serianni L. (2015) *Prima lezione di storia della lingua italiana*. Roma; Bari: Editori Laterza. 198 p.

Sobrero, Miglietta 2006 – Sobrero A. A., Miglietta A. (2006) *Introduzione alla linguistica italiana*. Roma; Bari. Laterza. 276 p.

Vitale 1978 – Vitale M. (1978) *La questione della lingua*. Palumbo. Palermo. 804 p.

Сведения об авторе:

Анджело Лорети,
канд. филос. наук

ст. преподаватель

Аграрно-технологический институт
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Angelo Loreti,
PhD (Università degli Studi di Firenze,
Lomonosov Moscow State University)

Senior Lecturer

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia

loreti_a@yahoo.it

Материалы и сообщения

Communications and Materials

P. Драгићевић (Београд, Република Србија)

Проблеми у избору одредница у српско-руском речнику

Сажетак: Аутор овог рада учествује у изради великог Српско-руског речника као састављач леве стране речника, а под левом страном речника подразумева се списак српских одредница које се у речнику обрађују. Речник се израђује на Филолошком факултету МГУ, а 24. марта 2023. године, у организацији овог факултета био је организован округли сто *Проблемы славянской сопоставительной лексикологии и лексикографии*, на којем је изложен овај реферат. У раду се представљају проблеми у избору одредница за двојезични речник. Изложене су неке недоумице и решења у вези са обрадом српских зоонима, фитонима, застареле лексике, културолошки маркиране лексике, хомонима, недовољно фреквентне лексике итд. У раду се закључује да није могуће унапред строго одредити које лексеме могу, а које не могу ући у састав двојезичног речника. Унапред се могу поставити само начелна одређења, а одлука о свакој појединачној лексеми, ипак зависи од 1) обима двојезичног речника; 2) од језика који улазе у састав двојезичног речника; 3) од процене структуре корисника речника; 4) од идеја-водиља лексикографа (које поруке и вредности жели да пренесе кориснику речника).

Кључне речи: двојезични речник, одреднице, савремени српски језик, савремени руски језик, лексикографија

R. Dragičević (Belgrade, Republic of Serbia)

Problems in Selection of Entries in the Serbian-Russian Dictionary

Abstract. The author of this paper participates in the creation of a large Serbian-Russian dictionary as the compiler of the left side of it. The paper was presented at the round table “Problems of Slavic Comparative Lexicology and Lexicography” held at the Faculty of Philology of the MGU on March 24 and regards some doubts and solutions related to the processing of Serbian zoonyms, phytonyms, outdated lexicon, culturally marked lexicon, homonyms, insufficiently frequent lexicon. It occurred that it is not possible to determine in advance which lexemes can and which cannot be part of a bilingual dictionary. Only principal determinations can be set in advance, and the decision about each individual lexeme, however, depends on 1) the scope of the bilingual dictionary; 2) the languages included in the bilingual dictionary; 3) the evaluation of the structure of dictionary users; 4) the guiding ideas of the lexicographer (what messages and values one wants to convey to the user of the dictionary).

Key words: bilingual dictionary, entries, contemporary Serbian language, contemporary Russian language, lexicography

1. Увод. Према речима В. П. Беркова¹, треба признати да нема објективних критеријума за избор одредница за велики двојезични речник. Аутор примећује да се многи критеријуми који нам падну на памет могу релативизовати. На пример, ако нека реч није фреквентна, не значи да није веома важна јер се њоме, можда, означава неки важан појам из ванјезичке стварности. Као примере, он наводи речи *лакат*, *кућне патике*, *паркет*, а томе се може додати реч *виљушка*, која је много мање фреквентна од речи *нож*, па и *кашика*, али незамислив је речник без тих речи.

Исто тако, не могу исте одреднице бити обрађене у исландско-руском речнику и српско-руском речнику. Сарадња између Русије и Исланда заснива се на трговини рибом и зато лексика у вези са рибом у том речнику мора бити детаљније обрађена².

Избор лексике зависи и од обима речника. Српско-руски речник који израђујемо имаће око 100.000 речи, и у њему, наравно, не можемо примењивати исте критеријуме као када израђујемо речник малог обима или тезаурусни речник.

В.П. Берков, међутим, констатује да постоји један критеријум који лексикографи треба да имају на уму, а то је избор речи на основу њихове функционалности у оба језика.

Овај рад посвећен је проблемима у избору одредница у српско-руском речнику. Проблеме ћемо приказати на примеру лексема које почињу словом г у српском језику. Мој задатак у изради овог речника јесте да, како је то рекао проф. Мирослав Николић у предговору једнотомног *Речника српског језика* (РСЈ)³, “судим речима”, тј. да доносим одлуке о томе које речи треба да сачињавају тзв. леву страну српско-руског речника.

Полазиште за избор свих речи у српско-руском речнику, па и за избор речи са почетним словом г јесу најважнији описни речници српског језика, а нарочито једнотомни *Речник српскога језика* Матице српске, као и шестотомни *Речник српскохрватскога књижевног језика* Матице српске⁴. Служимо се и двојезичним речницима, али, будући да су они мањег обима, основну грађу преузимамо из српских описних једнојезичких речника, као и из специјалних речника српског језика, нарочито из *Српског речника новијих англицизама* Т. Прћића и др.⁵ и *Великог речника страних речи* Клајна и Шипке⁶.

Лексеме на слово г изнедриле су неке дилеме у вези с тим треба ли их обрадити у двојезичном речнику или не. Ово истраживање спада у она која су вођена корпусом, а корпус нам је наметнуо различите проблеме од којих смо, за потребе овог рада, издвојили њих четрнаест.

2. Речи за које нема потврда. Постоје речи које су забележене у српским једнојезичким речницима, а за које нема потврда у електронском корпусу савременог српског језика⁷. Такве речи, наравно, нисам унела у речник. Дилема се састојала у томе што су неке од тих речи деривати, а они су начињени по одређеном творбеном моделу који треба неговати и који кориснику речника може бити модел за грађење неких других речи. Због тога се тешко одричемо деривата. Ево два примера за такве лексеме које нису ушле у српско-руски речник:

¹ Берков В.П. Двуязычная лексикография. 2-е изд. М.: Астрель, Транзиткнига, 2004. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Николић М. Речник српскога језика. Друго издање. Предговор, Нови Сад: Матица српска, 2018. С. 7.

⁴ Речник српскохрватскога књижевног језика. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

⁵ Prčić T., Dražić J., Milić M. i saradnici. Srpski rečnik novijih anglicizama. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2021.

⁶ Клајн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2007.

⁷ Електронски речник савременог српског језика SrWas: www.clarin.si/noske/index.html

гињеник, -а и **гињеник**, -ика онај који је погинуо, који је умро насилном смрћу;
гињенички и **гињенички**, -а, -о који се односи на гињенике;
газилац, -иоца м онај који *гази*; фиг. *тиражни*, *тлачитељ*.

3. Речи за које, упркос очекивањима, има доста потврда. У речницима савременог српског језика има и оних речи чије значење је непознато великом броју говорника српског језика и за које интуитивно можемо претпоставити да им није место у двојезичном речнику.

Таква је, на пример, реч **габарден**, -ена м (мн. ѿ) енгл. *врста fine вунене или памучне тканине са косим пругама за одела*. Међутим, у електронском корпусу српског језика, који углавном садржи речи из медија и других електронских извора, што значи из савременог језика, има 14 потврда. Корпус књижевноуметничких текстова, вероватно би регистровао много више потврда, што значи да ову реч, можда, ипак треба задржати.

4. Зооними. Зоониме, као и већину других стручних термина, треба пробирљиво уносити у двојезични речник јер ако унесемо све терминологије, речник ће се претворити у тезаурус, пошто највећи део лексичког система многих језика сачињавају терминологије. Као решење за то, В.П. Берков предлаже да лексикограф унапред напише списак термина које ће унети у двојезични речник. То, међутим, није могуће јер је тешко унапред формирати класификацију свих термина, као и структуру тих класификација, пошто она зависи од значаја појмова именованих тим терминима у култури оба народа, али и од других фактора.

На примеру неколико зоонима показаћемо да неке термине треба задржати. Ево примера: **гаталинка** ж зоол. *мала зелена жаба* *Hyla arborea* из *пор. Hylidae*, која *борави на дрвећу и у жбуњу (према народном сујеверју предсказује какво ће бити време)*. Гаталинку треба унести у двојезични речник зато што знамо за ову жабу јер се назив користи у народном предању. Ако лексема живи у народној традицији, онда она није само термин.

Ево још једног примера: **гагрица** ж зоол. *назив за разне ситне инсекте тврдокрилице и њихове ларве који нападају месо, кожу, зрнење, дрво и др.* Придев изведен од те именице гласи **гагричав**. За ове две лексеме има доста потврда у електронском корпусу, што значи да лексема живи и у неформалној комуникацији. Осим тога, *гагрица* није назив за одређеног инсекта, већ за разлиличите инсекте, то је општи назив, и као такав, заслужује да уђе у двојезични речник средњег обима.

5. Фитоними. Стручне називе фитонима углавном не уносимо у двојезични речник, али има одступања.

Изгледало је да не треба унести термин **гинсенг** (**гинсенг** м бот. *источноазијска и северноамеричка биљка* *Panax ginseng* из *ф. Araliaceae*, *чији се корен употребљава у медицини*), међутим испоставило се да за ову биљку има 111 потврда у електронском корпусу, што, вероватно, значи да се активно користи у медицини и да је позната говорницима српског језика.

Слично је и са фитонимом **гершла** (*ољуштени јечам који се употребљава као храна*). У електронском корпусу има 26 потврда за ову врсту јечма, што значи да је говорници српског језика користе у исхрани.

Веома је важан појмовни опсег термина. Ако се односи на велик број појмова из ванјезичке стварности, треба га обрадити у двојезичном речнику. Пример: **голосеменица** јек. **голосјеменица** и **голосемењача** јек. **голосјемењача** ж бот. у *мн.:* *биљке цветнице код којих су семени замеци голи, непокривени* *Gymnospermae* (у *јд.:* *таква биљка*).

Има народних термина који нису продуктивни, али су настали неким продуктивним творбеним моделом, па се лексема може користити за именовање великог броја појмова. Она има творбени и семантички потенцијал. Такве лексеме треба уносити у двојезични речник јер се помоћу њих негује језичко осећање страног говорника коме српски језик није довољно познат. Пример: **голица** ж агр. **а. в.** *голија*. **б.** *врста брескве чији је плод гладак без маља*; уп. нектарина. **в.** *врста диње зелене коре на којој се не виде режњеви*.

Насупрот **голици**, сматрам да не треба унети фитоним **гладиш** (*род зељастих биљака или полугрмова са трновима* *Ononis* из ф. *Papilionaceae* и *Fabaceae*). За ову реч нема много потврда, а и творбени модел није препоручљив зато што се поклапа са другим лицем једнине од глагола *гладити*.

6. Историзми и други типови застареле лексике. Двојезични речник треба да буде селективан и у њега нема потребе уносити лексеме за појаве које више не постоје. На пример:

гамашна ж фр. (обично у мн.) **а.** *доколеница од коже или штофа*. **б.** *штофани назувак који се обува преко обуће, камашна*;

геронт м грч. ист. у старој Грчкој: *старији угледни грађанин; члан већа старца*;

гатарина ж *награда, плата за гатање, врачарина*;

горница ж ист. *порез у природи или новцу који је кмет давао властелину за коришћење винограда; закупнина за виноград*.

Голооточанин м (мн. -ани) *заточеник информбировац који је издржавао казну на Голлом отоку*;

Голооточки, -а, -о *који се односи на Голи оток и Голооточане*.

Многи од ових појмова могу бити корисни за енциклопедију, али не и за речник. Питање је да ли им је место у једнојезичком речнику, а у двојезичном свакако није.

Ипак, у доношењу закључака не треба бити искључив. **Голооточанин** и **голооточки** су енциклопедијске речи, али помало другачији статус имају **Гестапо** (*скраћени назив за тајну полицију нацистичке Немачке, основану 1933. год.*) и **гестаповски** (*на гестаповски начин, као што су чинили гестаповци*: ~ поступати). И данас се нечије понашање може оценити као гестаповско, а то значи строго, осино, проницљиво. То значи да је лексема напустила своју полазишну сферу и добила општије значење. Због овог придева / прилога треба унети и мотивну именицу Гестапо.

Неки историзми, као и неки термини, могу бити важни за разумевање књижевности и за превођење. На пример: **гвинеја** (*ранија енглеска новчана јединица од 21 шилинга*). Ова реч се често појављује у преведеној књижевности. Слично је и са именицом **грош**. Треба да буде обрађена у речнику.

Пошто међу корисницима двојезичног српско-руског речника има доста читалаца књижевности, требало би да буде обрађена и лексема **грanaјлија** (обично у епским нар. песмама) *старинска пушка украшена шарама у виду грana*. Ако корисник речника чита српске народне песме, треба му помоћи да их разуме.

7. Имена историјских и митских личности. У једнотомном речнику српског језика обрађен је **Голијат**. Поставља се питање треба ли га обрадити и у двојезичном речнику, и како поступити с именом **Галилеј**, које није обрађено у овом једнојезичном речнику.

Голијат и **Голијат** м **1.** мит. *старозаветни див, Филистејац којег је убио Давид каменом из праћке*. **2.** (голијат) *фиг. горостас, див, колос, џин*. **3.** (голијат) *зоол. род великих инсеката тврдокрилаца Goliathus*. Иако би се на први поглед рекло да

треба поступити исто, статус ова два имена није исти. Голијат је, несумњиво, прецедентно име у српској култури. Доказ за то су секундарна значења које је успела да развије ова именица, иако спада у властите именице. Голијат је митска личност, симбол величине, па се прецедентно име шири и на инсекте и на велике предмете и крупне људе. Постоји и придев *голијатски*, који значи циновски, а постоји и именица *голијатство*. Дакле, именица *Голијат* је изградила деривационо гнездо. **Галилеј** је средњовековни научник, историјска личност. Нема доказа да је то име прецедентно у српској култури (нема полисемије и деривације). Из тога се може закључити да Галилеј не треба да буде обрађен у српско-руском речнику, за разлику од Голијата.

8. Културолошки концепти. Лексеме којима се именују културолошки концепти свакако заслужују место у двојезичном речнику. Међутим, треба ли у двојезичном речнику обрађивати лексеме за појмове из треће културе, неважне за две културе чији језици се обрађују у речнику. Ево таквих примера:

гаучо м (мн. -чи) шп. *чувар великих стада говеда у пампасима Јужне Америке;*

гејша и **гејша** ж (ген. мн. -ши) *професионална јапанска забављачица, плесачица и певачица.*

И поред тога што би се очекивало да ове лексеме имају исти статус и да заслужују исти однос лексикографа, нама се учинило да лексему **гејша** треба унети у двојезични речник, док лексему **гаучо** не треба унети. Појам гејше има шири значај, иако полази из јапанске културе. Са поређењем *као гејша* могуће је срести се у многим светским језицима, док је поређење *као гаучо* ретко изван културе у којој је настало. У електронском корпусу српског језика има пет потврда за компаратум *као гејша* (*водити љубав као гејша, обући се као гејша, ходати мишијим корацама као гејша, бити зависна од мужа као гејша, наступати (= понашати се) као гејша*). Из ових примера изводимо закључак да је гејша посебан тип жене с устаљеним, стереотипним, особинама и да се с њом могу поредити све жене. У електронском корпусу нема ниједне потврде за компаратум *као гаучо*, што значи да не постоје типизоване особине гауча по којима би овај појам могао постати универзални концепт.

9. Хомоними. Хомонимија у двојезичном речнику има два проблемска нивоа – онај суштински, који се тиче природе одређења хомонимије, али и онај практични, емпиријски, који је у вези с начином обраде хомонима у српској лексикографији. Ево примера:

гашљив¹, -а, -о *који се брзо и лако гаси, који тешко гори: ~ дрво, ~ врбовина, ~ кандило;*

гашљив², -а, -о *који заудара на гас, петролеј; замазан гасом, петролејом: ~ јастук.*

Поставља се питање да ли су ово хомоними јер је основна одлика хомонима изостанак значењске везе. Ипак, ове речи имају исти облик, припадају истој врсти речи, имају различито значење, а у српској лексикографији такве речи се обележавају степеновањем.

Исто је, на пример, са **горосечом**:

горосеча¹ јек. **горосјеча** м (мн. ж) *онај који се бави сечењем дрва у шуми, дрвосеча;*

горосеча² јек. **горосјеча** ж *сечење дрва у шуми, сечење шуме.*

Ове две лексеме су у очигледној значењској вези и поставља се питање треба ли их обрадити као хомониме.

Следећи пример тиче се прилога **горе**:

горе прил. *високо над земљом, на висини; на небу (на небо): ~ у облацима;*

горе и **горе комп.** од зло.

Чини се да би ове две речи требало обележити као хомониме, а у једнотомном речнику српског језика оне нису тако означене: **горе**¹ (високо над земљом) и **горе**² (компаратив од *зло* и *лоше*). У оба случаја, реч је о прилозима.

Навешћемо пример две глаголске форме глагола **горчити**, чије значење је повезано, које се разликују само по прелазности и у српским речницима обрађене су као хомоними:

горчити¹, -им несвр. непрел. *имати нагорак, горкаст укус, бити мало горак;*

горчити², горчим несвр. прел. **1.** *чинити (нешто) горким, загорчавати:* ~ ракију. **2.** *фиг. чинити неподношљивим, загорчавати, кварити:* ~ живот, ~ младост.

Поставља се питање да ли ове глаголске јединице треба обрадити као хомониме или као два значења једне полисемантичке структуре.

10. Родно осетљиве лексеме. У српским једнојезичким речницима често се наводе лексеме којима се именују именице мотивисане називом занимања или титуле са суфиксима за женска лица које су дефинисане као супруге мушких лица чија занимања су исказана творбеном основом. Таква значења су застарела, па и обрада таквих речи мора бити усклађена с том чињеницом. На пример:

генералица ж *генералова жена*. Ово значење је застарело, можда може бити обрађено са квалификаторима који указују да је значење шаљиво или пејоративно.

Међутим, другачија је ситуација са именицом **господарица**:

господарица (вок. -це) ж *жена господар; господарева жена*. Господарева жена није застарело значење јер свако ко има господара, његову супругу заиста доживљава као господарицу, јер она то и јесте.

Поставља се питање треба ли као једно од значења именице **говорница** унети значење *жена говорник*. Ево како је та именица обрађена у једнотомном речнику српског језика:

говорница ж **а.** *место, обично уздигнуто, са којег се држе говори, трибина; предикаоница, проповедаоница.* **б.** *мала затворена просторија, кабина за телефонске разговоре; спикерска кабина:* телефонска ~, јавна ~.

Објективно се увећава број потврда за именицу **говорница** са значењем *жена говорник*, иако је тешко прихватљива зато што се најчешће користи са значењем издигнутог места. Поставља се питање треба ли да унесемо то значење.

С друге стране, у једнотомном речнику српског језика унесена је именица **герилка**, која је овако дефинисана:

герилка ж *жена учесник у герили.*

Ову реч не треба уносити у двојезични, па чак ни у једнојезички речник јер се не користи.

У вези с полом вршилаца радње, несхватљива је одлука српских лексикографских приручника да од исте именице праве хомониме зато што се односе и на жене и на мушкарце. Ево таквог недопустивог примера:

гоља¹ м (уп. гољо) **1.** *онај који нема ништа, веома сиромашан човек, пуки сиромаш, голаћ.* **2.** *онај који је сасвим неодевен или слабо одевен; одрпанац;*

гоља² ж *она која нема ништа, веома сиромашна женска особа.* Ја бих жену објединила са мушкарцем и дефинисала *особа која нема ништа.*

11. Нефреквентне мотивне речи фреквентних деривата. У изради речника понекад се као одреднице не могу успоставити неке нефреквентне речи јер представљају мотивне речи неких фреквентних твореница. Тако, на пример, треба унети неке творбено просте, немотивисане, глаголе који се скоро уопште не

употребљавају, али предствалају мотивну реч за неке префиксирани глаголе, па кориснику речника може бити користан и полазни глагол.

Тако, на пример, глагол *галити се* скоро уопште не употребљава у српском језику, али је глагол *разгалити (се)* веома фреквентан, што увећава значај и глагола *галити*:

галити, галим несвр. прел. [гл. им. гаљење с] **а.** *чинити ведрим, веселим, разгаљивати, веселити*: ~ душу, ~ срце. **б.** *стишавати, ублажавати, блажити; утаживати*: ~ бол, ~ тугу; ~ жеђ. **в.** *расхлађивати, хладити, освежавати*: ~ груди, ~ чело (нпр. о ветру). ■ ~ **се** **1.** *разведравати се, ведрити се (о небу).* **2.** *освежавати се, крепити се, окрепљивати се; развеселавати се, разгаљивати се.*

Исто је и са глаголом **гртати** који се не користи често, али зато велику учесталост има глагол **згртати**. Његов перфективни парњак **грнути** такође се готово уопште не може чути, али су зато фреквентни глаголи **нагрнути** и **згрнути**.

Глагол **грамзити** готово не постоји у савременом српском језику, али је зато врло фреквентан његов дериват **грамзив**:

грамзити, -им несвр. [гл. им. грамжење с] (за нечим) **1.** *похлепно, претерано и безобзирно тежити да се нешто задобије, присвоји (новац, имање, власт и др.):* ~ за новцем, ~ за богатством, ~ за влашћу. **2.** *фиг. јако жудети за нечим, желети нешто:* ~ за науком.

Глагол **гонетати** ретко се може чути, али су од њега постале фреквентне речи **одгонетати**, **загонетати**, **загонетка**, па зато и он заслужује место у речнику.

Овај проблем неочуваности мотивних речи, нарочито мотивних глагола, у корист деривата, веома је важан и за научна истраживања, а не само за лексикографију. Нека решења тог питања представили смо у раду *Улога префикса у очувању или потискивању неких прасловенских глагола у савременом српском језику*⁸. У том раду закључили смо следеће: “Прво: показали смо на примерима да се неки прасловенски глаголи нису очували без префикса, али јесу у префиксалним твореницама. Друго: неки глаголи се могу користити и без префикса и са префиксима, али се знатно чешће данас користе са префиксима, што би могло значити да има непрефиксираних глагола који полако нестају из савременог српског језика. Треће: префиксални глаголи боље чувају првобитну, прасловенску, семантику глагола, што би могло значити да префикси боље чувају глаголе и формално и семантички”.

12. Бројне творбене варијанте неких лексема. Неки деривати имају бројне варијанте које настају додавањем различитих суфикса. Треба правити разлику између дублета и синонима. Ако варијанте представљају дублете, тј. ако имају сасвим исто значење, онда њихово нагомилавање представља оптерећење за речник, посебно за двојезични речник, али ако варијанте спадају у синониме, онда треба правити разлику између истозначница и блискозначница јер су блискозначнице корисније у речнику него истозначнице. Лексикограф треба да има у виду да варијанте не настају случајно и да свака од њих има место у систему, али пошто је задатак лексикографа да направи селекцију речи које ће ући у речник, мора водити рачуна о степену информативности коју доноси реч чију обраду предлаже.

12.1. Многе *ономатопејске речи* имају бар по једну варијанту или више њих. Тако, на пример, ономатопејски глагол **гакати** има варијанту **гагакати**, која се упућује на основни глагол: **гагакати**, гагачем несвр. *в. гакати*. Предложила сам неуношење ове ономатопејске варијанте, иако је експресивнија од основног глагола јер је ономатопеја *га-га* у њој очигледнија.

⁸ Драгићевић Р. Улога префикса у очувању или потискивању неких прасловенских глагола у савременом српском језику. *Српски језик* XIX, 2014, 235–249.

12.2.1. У речницима српског језика обрађено је много *деминутива*, *па и аугментатива*, тзв. *речи субјективне оцене*. Навешћу, на пример, податак да сам у једном свом истраживању анализирао значење деривата који су постали од именица које означавају делове људског тела⁹. Испоставило се да највећи број деривата представљају деминутиви и аугментативи ових лексема, упркос очекивању да их користимо у успостављању асоцијативних веза приликом именовања предмета чије називе не познајемо или не постоје. Тако, на пример, у једнотомном речнику српског језика обрађени су следећи деривати субјективне оцене именице глава: **главица, главичица, главетина, главура, главурда, главурина, главуча, главуца.**

Уобичајен деминутив именице **голуб** јесте **голупчић**, али у неким речницима српског језика он није обрађен, међутим јесте обрађен **голубан** (и придев **голубански**, њиме мотивисан), као и **голупче**:

голубан м **1.** хип. од *голуб*. **2.** хип. у обраћању *драгој мушкој особи или животињи*;

голубански прил. као *голубан*, *разнежено*, *мило*;

голупче и **голупче**, -ета с (супл. мн. голупчићи м; зб. им. голупчад ж) **а.** дем. и хип. од *голуб*, *голубије младунче*, *голупчић*. **б.** хип. у *тепању драгом детету*, *драгој особи*.

Пошто се значење ових деминутива проширује, па оне представљају и хипокористике у обраћању драгим људима, можда заслужују да буду обрађени и у двојезичним речницима, али приликом обраде хипокористичних значења лексема *голубан* и *голубански* треба се оградити квалификатором који показује да су она маркирана поетски, па и застарело.

Пошто се деминутиви именице **голуб** користе и као хипокористици у обраћању драгим људима, вероватно их треба обрадити у двојезичном речнику, али има ли смисла уносити деминутив и аугментатив за сваку биљку и сваку животињу, нпр. од назива за дрво граб постоји деминутив **грабић** и пејоратив **грабина**?

12.2.2. Деминутивизација и аугментивизација лексике не односи се само на именице, већ и на друге врсте речи. Тако, на пример, за глагол **гађнути** [*лако, лагано бацити се нечим ситним (на некога, на нешто)*: ~ камичком] има мало потврда, али је обрађен у речницима савременог српског језика. Глагол је експресиван, занимљив, али поставља се питање да ли заслужује место у двојезичном речнику. Његов творбени модел може бити користан, па и значење, па би га, можда, требало задржати у речнику. Пред сличном дилемом налази се лексикограф док разматра унос у двојезични речник деминутивних глагола **горакнути** (од *горчити*), **горуцкати**, **гризукати**, **гуркати** итд.

12.2.3. Именица **гад** не спада у именице субјективне оцене, али носи експресивни набој. Говорници су често у позицији да групу нечасних људи назову гадовима, али презир се упадљивије исказује ако се уместо множине користи збирни облик. Тако се испоставило да постоје бар три варијантне именице за исказивање презира према групи људи које имају мотивну реч **гад** – **гадарија**, **гадеж**, **гадија**. Именица **гадарија** шири значење на људе, ствари, вести, догађаје и има чак 19 потврда у електронском корпусу. Пошто за **гадију** и **гадеж** нема потврда, требало би их изоставити, али будући да имају снажан експресивни набој (а код таквих речи постоји психолошка потреба говорника за варирањем), може се предложити њихова обрада:

гадарија ж разг. **1.** в. *гадост* (2). **2.** зб. *гадови*, *гадија*, *жгадија*;

гадеж ж и м **1.** *осећај нелагодности, муке у стомаку и надражај на повраћање, мучнина, гађење*: осећати ~. **2.** зб. **а.** *гамад*, *гадови*. **б.** в. *гадија* (1). **3.** *нечистоћа, прљавиштина*: не моћи живети од гадежи;

⁹ Драгићевић Р. Српска лексика у прошлости и данас. Нови Сад: Матица српска, 2018. С. 327–339.

гадија ж зб. (мн. ѿ) **1.** *пеј. људи, особе према којима се осећа презир и одвратност, гадови, жгадија.* **2.** *гамад.*

12.2.4. Има деривата који по значењу не заслужују обраду у двојезичном речнику, али по потенцијалу заслужују да буду потврђени у речницима. Такве су, на пример, следеће лексеме:

гаравац, -авца м **а.** *црномањаст мушкарац.* **б.** *онај који је гарав, црн, прљав; фиг. одрпанац, бедник;*

главутац, -тка м геол. *природни стуб на чијем је врху стена налик на главу.*

Корисник речника можда неће отворити речник да би проверио може ли се Циганин / Ром назвати *гаравцем*, али ће га, можда, заинтересовати реч којом се може означити црн или црнкаст човек или предмет, па ће наићи на реч *гаравац*, коју ће употребити у неком новом значењу јер је значење деривата амбисебично и стално отворено. Сматрам да двојезични речник мора приказати и потенцијале једног језика за именовањем. Истовремено, корисник речника креативном употребом оваквих деривата развија своје језичко осећање у домену нематерњег језика.

13. Необична творбена образовања. Иако има више необичних типова творбених образовања, представимо један тип, а то су глаголски деривати изведени нултим суфиксом. На пример:

газ м (мн. газови) **1.** *плитко место у реци (језеру или мору) где се може прећи, прелазити гажењем, пешке.* **2. а.** *ход, гажење; корак, ступај.* **б.** (у инстр.) *у прил. значењу: газећи, газимице: прећи реку газом.* **3.** *дубина до које брод или друго пловило урони у воду при пловидби.*

На сличан начин настале су и именице **гак** (од *гакати*), **гуд**, **гук**, **грак** итд. На питање заслужују ли ове необичне речи место у двојезичном речнику, одговор је потврдан јер се у савременом српском језику у експресивној употреби увећава број оваквих лексема, нпр. **шљашт**, **гунђ**, **хват**, **забуш**, **исклиз**.¹⁰

14. Стилски маркирана лексика. Недоумице изазивају и књижевноуметнички казионализми и друге лексеме карактеристичне за језик књижевних дела, које се ретко употребљавају у разговорном језику. Ево неколико примера за такве речи:

гороломан, -мна, -о *који се пролама гором, снажан (о гласу).* **гороломник** м *веома јак, снажан, робустан човек; онај који наступа силовито.* **гороломнички**, -а, -о *који се односи на гороломнике; гороломан: ~ глас;*

градоносац, -сца м ков. *облак који доноси град, који је пун града.*

У лепе речи спадају и **гргољ**, **гргут** и многе друге.

Пошто ће српско-руски речник користити и читаоци књижевних дела, ове речи треба да буду обрађене у речнику, али им лексикограф мора доделити одговарајуће квалификаторе који указују на статус речи у лексичком систему.

Има и оних речи које су благо маркиране, као што је лексема **горостас**. Нећемо баш било када употребити ову реч да означимо особу или објекат великих димензија. Ипак, ова реч није ни сувише маркирана. Она може ући у речник, али и она заслужује квалификатор:

горостас м **1. а.** *јакo крупан и снажан човек; колос, див, џин.* **б.** *фиг. онај који се веома истиче на неком пољу рада, онај који својим позитивним особинама или делима знатно одскаче од других, велики књижевник, уметник, научник и сл.* **2.** *фиг. објекат големих размера, гигант (нпр. брод, фабрика и др.).*

¹⁰ Драгичевич Р. Медиатекст как источник изучения новых словообразовательных и лексико-семантических изменений в современном сербском языке. *Медиалингвистика*, 10(1), 2023, 108–118.

15. Вулгаризми. Једно од важних питања јесте проблем вулгаризама. У српским једнојезичким речницима ове лексеме се уносе само у некој мери. Наш предлог би био да ове речи треба уносити у речник, нарочито с обзиром на то да за многе од њих не постоји други назив у српском језику. Оне се могу заменити само страном речју. Зато су се међу речима које почињу на г нашле и **говно, говнар, говнара, гованце** итд.

16. Речи којих нема у српским описним речницима, а морају се унети. Да би се слика лексике у двојезичном српско-руском речнику учинила репрезентативном, морају се узети у обзир и речи које нису обрађене у описним речницима српског језика јер је лексика у њима помало застарела. У том смислу могу помоћи речници страних речи. Унесене су, на пример, речи: **гејмер, гејмерка, гејминг, гугл(ов)ати**. У речнику се нашао и **генетички инжињеринг**. Укључен је суфиксоид **-гамија**, префиксоид **гастро-** као и неке речи с тим префиксоидом (нпр. **гастроентеролог**). Има доста скраћеница у савременом српском језику које су позајмљене из енглеског језика, нпр. **ГПС, ГБТ**. Скраћенице нису ушле у речник јер то и нису праве речи.

17. Закључак. Закључујемо да није могуће унапред строго одредити које лексеме могу, а које не могу ући у састав двојезичног речника. Унапред се могу поставити само начелна одређења, а одлука о свакој појединачној лексеми, ипак зависи од 1) обима двојезичног речника; 2) од језика који улазе у састав двојезичног речника; 3) од процене структуре корисника речника; 4) од идеја-водиља лексикографа (које поруке и вредности жели да пренесе кориснику речника).

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В.П.* Двужычная лексикографія. 2-е изд. М.: Астрель,Транзиткнига. 2004. 237 с.
- Драгићевић Р.* Улога префикса у очувању или потискивању неких прасловенских глагола у савременом српском језику // Српски језик. 2014. Т. XIX. С. 235–249.
- Драгићевић Р.* Српска лексика у прошлости и данас. Нови Сад: Матица српска, 2018. 448 с.
- Драгићевич Р.* Медиатекст как источник изучения новых словообразовательных и лексико-семантических изменений в современном сербском языке // Медиалингвистика. 2023. № 10(1). С. 108–118.
- Речник српског језика. Друго издање. Нови Сад: Матица српска, 2018. 1474 с.
- Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.
- Прџић Т., Дражић Ј., Милић М. и сарадници.* Српски речник новјих англицизама. Нови Сад: Филозофски факултет, 2021. 643 с.
- Клајн И., Шупка М.* Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2007. 1644 с.
- Електронски речник савременог српског језика SrWac: www.clarin.si/noske/index.html (приступљено: 20.03.2023).

REFERENCES

- Berkov V.P. (2004) Bilingual Lexicography. 2nd ed. Moscow. Astrel, Tranzitkniga. 237 p.
- Dragičević R. The Role of Prefixes in the Preservation or Suppression of Some Proto-Slavic Verbs in the Modern Serbian Language. *Serbian Language*. 2014. Vol. XIX, pp. 235–249.

Dragičević R. (2018) Serbian Lexicon in the Past and Today. Novi Sad. Matica Srpska Publ. 448 s.

Dragicevic R. Media Text as a Source for Studying New Word-formation and Lexical-semantic Changes in the Modern Serbian Language. *Medialinguistics*. 2023. No 10(1), pp. 108–118.

Dictionary of the Serbian Language. 2nd ed. Novi Sad. Matica Srpska Publ. 2018. 1474 s.

Dictionary of the Serbo-Croatian Literary Language: In 6 books. Novi Sad. Matica Srpska Publ. 1967–1976.

Prčić T., Dražić J., Milić M. et al. (2021) Serbian Dictionary of Recent Anglicisms. Novi Sad. Faculty of Philosophy Press. 643 s.

Klein I., Shipka M. (2007) A Large Dictionary of Foreign Words and Expressions. Novi Sad. Prometheus Publ. 1644 s.

Electronic Dictionary of the Modern Serbian Language SrWac: www.clarin.si/noske/index.html (date accessed: 03.20.2023).

Сведения об авторе:

Рајна Драгићевић,
доктор филолошких наука
професор
Филолошки факултет
Универзитет у Београду

Райна Драгичевич
доктор филол. наук
професор
филологический факультет
Белградский университет

Rajna Dragičević,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
University of Belgrade
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

М.Е. Бабичева (Москва, Россия)

Война в произведениях – лауреатах Национальной литературной премии «Большая книга»: исторические факты и художественные образы

Аннотация: В статье рассмотрены основные аспекты, способы осмысления и особенности художественного отображения войны как социально-исторического феномена в произведениях современной отечественной литературы. В качестве репрезентативного среза выбраны те из них, которые соответствуют этой тематике и отмечены Национальной литературной премией «Большая книга». Каждое произведение проанализировано как один из существующих в русской словесности вариантов раскрытия темы войны. Совокупность этих вариантов наглядно показывает разнообразие возможных подходов отечественных писателей к этой теме.

Ключевые слова: современная русская литература, Национальная литературная премия «Большая книга», война, историческая реальность, батальные сцены, повествование, метафора

М. Ye. Babicheva (Moscow, Russia)

War in the Works of the National Literary Award “Big Book”: Historical Facts and Fiction

Abstract: The article deals with the main aspects, ways of understanding and features of the artistic representation of war as a socio-historical phenomenon in contemporary Russian literature. As an example some books received the National Literary Award “Big Book” were chosen. Each work is analyzed as one of the options existing in Russian literature for revealing the war theme. The combination of these options clearly shows the variety of possible approaches of the writers to this topic.

Key words: contemporary Russian literature, National Literary Award “Big Book”, war, historical reality, battle scenes, narration, metaphor

Война, как одна из вечных и наиболее сложных исторических реальностей многократно и разносторонне отражена в литературных произведениях. Военная тематика в любую эпоху занимает значимое место во всех национальных литературах, в том числе в русской. Это в полной мере относится к современной отечественной словесности. Во многих произведениях о войне ярко представлены батальные сцены, однако, как правило, они не являются не только определяющими

ми, но даже обязательными для раскрытия проблематики. Чаще всего даже самые выразительные описания непосредственно военных действий нужны автору, чтобы поднять социальные, нравственные, этические и другие вопросы. Хрестоматийный пример, обычно приводимый литературоведами для подтверждения этого утверждения, – «Война и мир» Л.Н. Толстого.

Война в современной отечественной художественной литературе показана в самых разных ракурсах и контекстах, осмысливается как социальное явление в широком спектре аспектов: историко-культурном, идеологическом, политическом, этическом и эстетическом. Тема войны в произведениях раскрывается не только через реалистическое воспроизведение батальных сцен, но и наглядной демонстрацией влияния военных событий на судьбу и психику человека.

Л.А. Трубина, исследуя эволюцию русской литературы о войне, отметила: «В военной теме на протяжении веков ее развития сформировался проблемно-тематический комплекс всей отечественной культуры, связанный с осмыслением нравственных и исторических уроков войны, с размышлениями о национальном характере, становящемся и особенно ярко раскрывающемся в суровых испытаниях» [1: 8]. Акцентируя философский аспект отечественной литературы военной тематики В.М. Макеев указал на обязательное наличие в произведениях категорий греха и наказания, «истолкование войны как Божьего наказания» [2: 198].

Массив рассматриваемой литературы очень велик и разнопланов, его структурирование предполагает использование одновременно нескольких параметров. В основе сюжета могут лежать как реальные, так и вымышленные события, относящиеся к конкретным историческим военным катаклизмам, а также полностью вымышленные войны. Последние, в свою очередь, иногда изображаются реалистически, иногда же с разной степенью условности. Батальные сцены играют в сюжете главную или второстепенную роль или же, как уже говорилось, отсутствуют вообще. Произведение может быть посвящено военной тематике как полностью, так и частично. Сильно различается эмоциональное отношение авторов к изображаемым событиям и персонажам (героям произведения). Особую группу авторов составляют писатели-фронтовики, рассказывающие о личном жизненном опыте.

Произведения о реальных войнах в то же время можно группировать тематически, в соответствии с тем, какой войне оно посвящено. Современные русские писатели чаще всего обращаются к событиям Великой Отечественной войны и Гражданской войны в России в начале XX в. Большое внимание уделяется также военным действиям войск РФ в «горячих точках».

Весь этот массив литературы в полном объеме во всех аспектах невозможно рассмотреть в рамках одного исследования (не только статьи, но даже монографии) или одного научного форума. Для анализа, как правило, выбирается одна группа произведений о войне: по тематике, жанровой принадлежности, времени написания и т. д.

Репрезентативным срезом национальной словесности является совокупность произведений, отмеченных одной из Национальных литературных премий. Все литературные награды условно можно разделить на две основные группы: универсальные и специальные. Первые присуждаются произведениям самого разного плана за высокое художественное качество. Вторыми отмечают произведения одного конкретного типа: по тематике, по жанровой принадлежности, по возрасту авторов, по месту издания, по конфессиональной принадлежности и т. д. В зави-

симости от учредителей премии различаются масштабом: всероссийские, региональные, присуждаемые журналами и даже индивидуальными лицами.

Самые масштабные универсальные российские литературные премии – «Большая книга», «Русский букер», «Национальный бестселлер», «Ясная поляна» – могут служить для характеристики современного отечественного литературного потока в целом. Писатели-лауреаты одной из этих премий часто становятся также обладателями других универсальных и специальных литературных наград.

Одна из наиболее представительных российских литературных премий – Национальная литературная премия «Большая книга». В ее жюри, называемое «Литературной академией», входят более ста представителей культуры и искусства, а также предприниматели, общественные и государственные деятели. «Большая книга» универсальна, не ограничена узкими рамками, как многочисленные «профильные» премии (отраслевые, именные, журнальные, неформальные и т. д.). В «Положении» об этой премии сказано: «Цель премии – поиск и поощрение авторов литературных произведений, способных внести существенный вклад в художественную культуру России, повышение социальной значимости современной русской литературы, привлечение к ней читательского и общественного внимания» [3].

За 18 премиальных сезонов (2006–2023) лауреатами «Большой книги» стали 54 произведения 40 авторов (несколько авторов отмечены премией дважды и даже трижды). Целый ряд из них с различной степенью полноты раскрывает или только затрагивает тему войны в самом широком понимании этого слова. Совокупность этих произведений дает адекватное представление об основных особенностях раскрытия темы в современной отечественной литературе.

Произведения – лауреаты БК военной тематики чаще всего в разной степени и в разных ракурсах отражают события Великой Отечественной войны. В романе Д.А. Гранина «Мой лейтенант» [4] сюжет полностью строится на описании собственно военных действий. Автор подробно воспроизводит один эпизод этого исторического катаклизма: рассказывает об обороне Ленинграда осенью 1941 г.

Произведение относится к так называемой исповедальной прозе. В нем отражен личный, весьма болезненный жизненный опыт писателя-фронтовика, его глубокие индивидуальные переживания, тесно связанные с национальной трагедией, в которой ему довелось принять непосредственное участие. Как и во многих произведениях Д.А. Гранина о войне, в «Моем лейтенанте» тесно переплетены автобиографичность, документальность и художественная типизация. Повествование в целом очень напоминает дневниковые записи с характерными для них обрывочностью, фрагментарностью, стилистической шероховатостью. Ведется оно, в основном, от первого лица. (Подробно этот роман как лауреат БК рассмотрен нами в посвященной этому вопросу статье [5].)

В целом ряде произведений – лауреатов БК действие происходит на протяжении всего или большей части XX в. События Великой Отечественной войны в них играют значимую, часто судьбоносную роль в жизни персонажей, в особенности центральных.

В 2007 г. премиальный список БК возглавил роман Л.Е. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» [6]. Основой сюжета в нем стала судьба центрального персонажа, в полной мере отразившая военное лихолетье. Штайн родился в 1922 г. на юге Польши в небогатой еврейской семье. Вторая мировая война в корне изменила предначертанный ему жизненный путь. В 1941 г. в оккупированной немцами Литве, где проходили «акции» по уничтожению еврейского населения, начался

трудный путь Даниэля к Богу. Тогда еще не очень крепкий в вере иудей, он страстно молился о спасении. Как настоящее чудо воспринял помощь незнакомого литовского крестьянина, рисковавшего ради него жизнью.

Перебравшись в белорусский Эмск Штайн по поддельным документам получил место делопроизводителя и переводчика у начальника местного гестапо. Он использовал все возможности для помощи местным жителям, обитателям гетто, партизанам. Предупреждал о готовящихся акциях, снабжал подпольщиков в гетто оружием, стал одним из главных инициаторов и организаторов массового побега из гетто 10 августа 1942 г. За причастность к этому побегу Штайну грозил расстрел, его спасли католические монахини, спрятав в женском монастыре. Истинное христианское милосердие, таким образом, было поставлено выше буквы Закона. В монастыре Даниэль провел больше года, прочел много литературы по теологии, многое увидел, прочувствовал, обдумал. Осознанно и добровольно принял католичество, после чего всю дальнейшую жизнь посвятил миссионерской деятельности.

Второй по значимости персонаж романа – Эва Манукян – появилась на свет в 1942 г., в том лесном лагере, где обосновались спасенные Штайном евреи. В текст романа включены воспоминания врача, принявшего эти роды. Мемуары были написаны через много лет после войны в Америке, где вполне благополучно проживали к тому времени и их автор, и Эва. Таким образом, в романе Улицкая в нескольких ракурсах показывает один из характерных эпизодов Великой Отечественной войны, связанных с решением фашистами «еврейского вопроса» на территории СССР.

Некоторые аспекты повседневной жизни тыла в годы ВОВ раскрыты в романе М.Л. Степновой «Женщины Лазаря» [7], удостоенном премии БК в 2011 г. (третье место). Соответствующие эпизоды в произведении выразительно характеризуют персонажей, включая главного героя Лазаря Линдта. Война застала его сорокалетним московским профессором. В первых числах августа 1941 г. он добровольно пошел в военкомат, перед которым увидел огромную многоликую толпу. Писательница фиксирует массовый патриотический порыв, охвативший и объединивший людей самого разного возраста, социального положения и материальных возможностей.

Москва в августе еще жила относительно благополучно, в центральном универмаге, например, свободно продавались продукты и даже пирожные, но многие уже понимали, что к зиме будет голодно. Активно шла эвакуация: люди, работавшие на важных для обороны предприятиях и в научных центрах, освобождались от мобилизации и перемещались на восток страны.

В конце августа 1941 г. научное учреждение, где трудился Лазарь Линдт, получивший, как и другие ученые, «броню как у танка», практически в полном составе отбыло в эвакуацию в Эмск (Новосибирск). Степнова наглядно показывает трудности передвижения по стране даже для таких привилегированных пассажиров. «Поезд, полный отборных столичных мозгов», до места добирался почти месяц, хотя для него делались все возможные исключения. На каждой узловой станции собирались десятки составов, в тупиках стояли сотни теплушек, повсюду бродили эвакуированные, пытаясь хоть как-то решить многочисленные бытовые вопросы.

В романе показана жизнь в переполненном беженцами тыловом городе. Писательница отмечает привилегированное положение ценных специалистов, относительно комфортное их существование: просторные отдельные квартиры с хоро-

шим отоплением, продуктовые пайки, обеспеченность транспортом. Описывает многочисленные бытовые трудности, с которыми столкнулись рядовые беженцы, в особенности имеющие нескольких, в том числе совсем маленьких, детей. В романе представлена ситуация, когда эвакуированные из разных социальных слоев объединяются и поддерживают друг друга. Одна из главных героинь Мария Чалдонова приютила в просторной квартире, полученной ее мужем-ученым, двух матерей с двумя детьми у каждой, создав своеобразную многодетную семью-коммуну. Степнова акцентирует эту особенность тылового быта, дающую людям возможность не только физически выжить, но и реализовать лучшие душевные качества.

Еще один очень специфический аспект тыловой жизни СССР во время Великой Отечественной войны показан в романе А.М. Терехова «Каменный мост» [8], занявшем второе место среди лауреатов БК за 2009 год. Автор воссоздает нравственную и психологическую атмосферу в ближайшем окружении Сталина, показывает некоторые черты быта и семейного уклада «советской элиты» тех лет. В числе персонажей множество реальных исторических личностей: государственные деятели высшего ранга и их дети, ученики элитной московской школы. Этот микросоциум существует по своим внутренним законам, определяющим его функционирование. Ближний круг Вождя в своем большинстве искренне предан ему лично и Идее (с большой буквы), воплощение которой в жизнь для этих людей – смысл существования и главное его оправдание. Война оказывает, безусловно, большое, однако опосредованное действие на это сообщество, определяя, в первую очередь, расстановку сил в нем. Характерно, что в тексте романа лишь вскользь упоминается о деятельности Сталина и его окружения, непосредственно связанной с руководством военными и оборонительными действиями.

Очень подробно рассмотрена при этом криминальная история, произошедшая в 1943 г. в центре Москвы с участием двух учеников элитной (для детей правительства) 175-й школы. Рассказывается о подпольной профашистской организации, созданной в те же годы учащимися этой школы. Показаны подробности пребывания элитного учебного заведения в эвакуации в Куйбышеве: привилегированное положение и, соответственно, налаженный быт учеников, резко контрастирующий с повседневной жизнью тылового города. Особо отмечен факт полетов учеников в Москву для свидания с родителями.

Характерное «эхо» Великой Отечественной войны отчетливо звучит в сюжете романа Д.И. Рубиной «На солнечной стороне улицы» [9], отмеченном БК в 2007 г. (третье место). Одну из двух главных героинь произведения Екатерину Щеглову привезли в Ташкент из блокадного Ленинграда совсем малышкой, умирающей от голода. Девочка потеряла не только семью, но всю свою родословную. Она выросла сиротой, обделенной жизнью и в материальном, и в эмоциональном плане, не зная о своем происхождении. Отсюда корнями ее «волчья хватка», безжалостность, криминальные наклонности, а также сложные отношения с собственной дочерью и неспособность создать нормальную семью.

Второе после Великой Отечественной войны место в современной отечественной литературе о войне (и, соответственно, среди произведений – лауреатов БК) как по частоте обращения писателей к теме, так и по значимости ее адекватного раскрытия для общества в целом занимает Гражданская война. Первое место в премиальном списке БК за 2016 г. занял документальный роман Л.А. Юзефовича «Зимняя дорога» [10]. В основе сюжета здесь один малоизвестный эпизод войны.

В 1922 г. в Якутии вспыхнуло антибольшевистское восстание, продолжавшееся больше года. Для помощи повстанцам была сформирована Сибирская добровольческая дружина под руководством А.Н. Пепеляева. Силы красноармейцев, подавлявших восстание, после гибели командира возглавил И.Я. Строд. Судьбы этих противопоставленных друг другу персонажей: белогвардейского генерала и красного командира – прослежены в романе от рождения до гибели. Заключительная глава «После жизни» рассказывает о месте упокоения и судьбе потомков каждого из них.

Пепеляев и Строд показаны Юзефовичем людьми достойными, бескорыстными и каждый по-своему правыми. Здесь нет противопоставления добра и зла, но самые лучшие побуждения героев книги приводят иногда к противоположному результату. Действия, продиктованные стремлением к идеалу, в реальности становятся кровопролитием и разрухой.

События в романе разворачиваются в зимнее время на малолюдных просторах Восточной Сибири. Заглавие книги отражает конкретную сущность происходящего. Добровольцы сначала движутся от места высадки на Охотском море вглубь континента, затем отступают обратно, под давлением превосходящих сил противника. Детально прописана реальная топонимика пространства: названы населенные пункты, реки, возвышенности. Мастерски воссоздан однообразно-величественный пейзаж, на фоне которого происходят массовые кровавые схватки. Досконально представлен социально-культурный фон происходящего, показаны причины и обстоятельства описываемых событий. Сильное эмоциональное впечатление производят детали, характеризующие эту братоубийственную войну. Писатель подчеркивает бесчеловечность описанного им противостояния. Осажденные красноармейцы делают баррикады из убитых бойцов – и своих, и вражеских. Юзефович пишет: «В центре небольшой земляной площадки, буро-красной среди окружающих усадьбу снегов, чернели продырявленные пулями юрта и хтон с девятью десятками раненых, а вокруг этого кишачего вшами ада громоздились чудовищные, как в апокалиптическом видении, стены из человеческих и конских трупов» [10: 214–215].

И. Булкина назвала этот роман «документальным эпосом о большой войне», несмотря на то что в нем описан только один конкретный исторический эпизод. Критик указывает, что в произведении есть «все признаки мифологического романа – с плаванием по морю, блужданиями по лесу, с героями и предателями, с заветной крепостью, осада которой становится центральным местом повествования» [11: 187].

В списке произведений – лауреатов БК представлен также роман В.С. Маканина о современном военном конфликте (в одной из так называемых «горячих точках») «Асан» [12]. События первой и второй Чеченских войн (боевые действия российских федеральных войск на Кавказе в 1990-х гг.) показаны здесь в очень своеобразном ракурсе. Это не война в традиционном понимании этого слова, но и не мир, а гораздо худшее, чем традиционная война, состояние. Как и на настоящей войне, здесь гибнут люди, разрушаются дома, уничтожаются материальные ценности. Высокий смысл и героический пафос при этом отсутствуют в действиях обеих противостоящих сторон. Отдельные случаи их проявления не определяют ситуации. Боевые действия в Чечне 1990-х гг. писатель представляет как глобальный бизнес на крови, важнейшая составляющая которого – нефть. В рецензии на этот роман М.Ф. Амосин писал: «Главное и новое в авторском подходе – война как громадный кровавый рынок. По обе стороны линии фронта, достаточно условной

на Кавказе, все – почти без исключения – заняты своим интересом в той или иной форме. Приторговывают кто чем: обмундированием, боеприпасами, даже оружием. Хуже того, тут торгуют жизнями: простых солдат и боевиков, но и генералов, и видных полевых командиров. Кругом крупные и мелкие сделки, проплаченные “сдачи”, игра в поддавки с врагом» [11: 165].

Главный герой романа майор Александр Сергеевич Жилин, от лица которого идет, в основном, повествование, – удачливый представитель этого кровавого бизнеса. Порождение и воплощение аномальной войны, он заведует военными складами и снабжает бензином и обе воюющие стороны, и мирное население. Бизнес майор ведет честно, по четкой, самим им разработанной схеме: отчуждает каждую десятую бочку, гарантируя взамен своевременную доставку горючего в части. «Свой» бензин продает чеченцам, приобретая вместе с деньгами их уважение, что в полном смысле слова жизненно важно в его ситуации.

Обширные связи и большой авторитет делают майора Жилина успешным «переговорщиком», помогают находить общий язык с чеченскими полевыми командирами. Предметом торга, как правило, является жизнь солдат. Чаще всего на этой войне солдаты гибнут, когда воинская колонна попадает в засаду в горном ущелье. «Разрулить» движение колонн – бесценное умение Жилина-переговорщика. Таким эпизодом роман начинается и заканчивается. Сашик, как называют майора чеченцы, хорошо знает все условия и законы этой процедуры, изучил обычаи и психологию горцев. Он искренне жалеет российских солдат, ради их спасения рискует собственной жизнью. Подлинный гуманизм и самоотверженность органично сочетаются в Жилине с прагматичностью и хорошей деловой хваткой.

Свой бизнес герой романа считает полностью соответствующим сущности войны, в которой участвует. Он четко формулирует: «Армия сейчас полууправляема. Никак не обретет форму <...>. Дисциплины нет. А когда нет дисциплины, пусть снабжением горючкой управляет хотя бы рынок <...>. Иначе хаос...» [12: 49].

Майор Жилин активно участвует в поисках и выкупе солдат, попавших в плен, что тоже приносит ему определенный доход. Большое сочувствие вызывают у него так называемые «бродячие». Эти невольные дезертиры, отбившиеся от своих частей, скрывались одновременно и от чеченских боевиков, и от сотрудников комендатуры, где их ожидал суровый спрос. Жилин способствовал возвращению таких солдат в «родную» часть, но на возмездной основе. Они должны были месяц отработать на складе, разгружая тяжелые бочки с бензином и ящики с боеприпасами. История двух «бродячих» детально показана в романе.

Еще одна характерная черта Чеченской кампании, названная Маканиным «находкой» этой войны, – использование в горных аулах рабского труда пленных русских солдат. Это тоже источник дохода и для рабовладельцев, и для посредников-перекупщиков.

Тема плена тесно связана в романе с пребыванием непосредственно в районе боевых действий множества солдатских матерей. Эти женщины, разыскивающие и пытающиеся спасти своих сыновей, также становятся объектом кровавого бизнеса. Полевые командиры, общаясь с ними, преследуют свою выгоду. Жилин жалеет, их безвозмездно оказывает им большую помощь. При этом неизменно получает солидный гонорар от соответствующего Фонда.

В романе созданы выразительные образы сослуживцев главного героя. Майор Николай Гусарцев – штабной офицер, весельчак и балагур. Умеет представить начальству ситуацию максимально выгодным для себя способом. Занят, в основ-

ном, попытками наладить собственный бизнес. Готов торговать чем угодно, но предпочтительно – оружием. Боевой майор Хворостинин – редчайший на этой войне тип бессребреника. В армейских газетах многократно отмечались его отвага и высокий профессионализм, прессе его называли «сталкером» и «гениальным хозяином чеченских ущелий». Хворостинин, однако, очень долго оставался капитаном: на этой войне начальство не любило смелых, честных и знаменитых, подчеркивает автор.

Интересна фигура небоевого генерала Базанова. Ветеран-«афганец», в Чечне он занял тихую штабную должность и начал глубоко и серьезно изучать историю и культуру региона, методично собирать повсюду книги и архивные материалы на эту тему. Именно этот персонаж объяснил главному герою значение своеобразного позывного боевиков, существующего в двух вариантах: «Асан хочет крови / денег». Это легко читаемый сигнал, обозначающий, что где-то требуется применить силу или можно совершить выгодную сделку. Сама двойственность сигнала еще раз подтверждает коммерческую сущность этой войны.

Премией БК отмечено также произведение, посвященное военному конфликту, значительно удаленному от современной России и во времени, и в пространстве, – освободительной войне Греции против Османской империи в 1820-е гг. Это роман Л.А. Юзефовича «Филэллин» [14], благодаря которому в 2021 г. писатель стал первым и единственным на данный момент лауреатом БК, трижды занявшим первое место. Автор показывает, как военные действия, происходящие далеко за пределами России, оказали очень большое влияние на менталитет и конкретные поступки многих россиян, на нравственный климат в высших кругах общества и даже на жизнь императорской семьи. Изменение социально-нравственной атмосферы в обществе, конкретные поступки, совершаемые россиянами в силу этих изменений, отразились на всем ходе отечественной истории.

Рассказывая о реальных исторических событиях, автор воспроизводит социально нравственную атмосферу и передает конкретные бытовые детали соответствующей исторической эпохи. В числе главных персонажей романа наряду с вымышленными присутствуют реальные исторические личности: российский император Александр I, египетский полководец Ибрагим-паша, баронесса Юлия Криндер и другие.

Название и подзаголовок адекватно отражают основное содержание произведения и главную особенность его формы. Термин «филэллин» (дословно «любящий греков») получил распространение в 1820-е гг. в русском и нескольких западноевропейских языках. Так называли иностранцев, сочувствующих в указанном противостоянии грекам. Их содействие повстанцам обрело самые разнообразные формы: от абстрактной солидарности с угнетенным народом до оказания реальной материальной помощи и непосредственного участия в военных действиях на стороне греков. В числе иностранных добровольцев, отправившихся на эту войну, главный герой романа Григорий Максимович Мосцепанов.

Текст романа в полном соответствии с подзаголовком составили письма персонажей, их дневниковые записи и мысленные разговоры (монологи) со значимыми для них людьми. Авторской речи и собственной речи персонажей, в том числе непосредственных диалогов, в тексте нет совсем. Все изображаемые действия, информация о судьбах и переживаниях людей, об их взаимоотношениях, их характеристики представлены исключительно в названных выше материалах. Это касается, в частности, непосредственного описания военных действий между гре-

ческими повстанцами и турецкой армией, а также характеристики обеих противостоящих сторон и анализа сущности военного конфликта и той роли, которую играют в нем герои романа. Стиль каждого документа индивидуален и полностью соответствует личности и социальному положению автора.

Батальные сцены и по месту в сюжете, и по значимости для раскрытия авторской мысли существенно уступают анализу того влияния, которое идея (философия) филэллинства оказала на судьбы персонажей и на духовное развитие общества в целом.

Сюжетный стержень всего произведения – судьба Григория Мосцепанова, определенная его принадлежностью к филэллинам. Он воевал в Греции в составе интернационального отряда под руководством французского полковника Фабье. В дневнике полковника, в романе названного «инсургентом» (дословно – мятежник, повстанец), рассказывается о боевых действиях отряда в целом и об участии в них Мосцепанова. Профессиональный военный, Фабье дает выразительную характеристику этой войне в целом, трезво оценивает роль в ней филэллинов и отношение греков к ним. По его наблюдению, греки не доверяют иностранцам, не ценят по-настоящему их весомого вклада в свою освободительную борьбу, не прислушиваются к полезным советам. «Эта война с ее ужасами предстала передо мной как бессмысленная бойня» [14: 332], – с горечью констатирует полковник в дневнике.

В «записках странствующего лекаря», этнического грека, выросшего в Таганроге, Константина Костандиса, приводится его собственная классификация филэллинов. Этот человек на протяжении многих лет был в России придворным медиком, врачом Александра I и в то же время в душе страстным филэллином. Костандис зафиксировал в своих записках отношение к «греческому вопросу» в высших кругах империи, позицию и высказывания на эту тему многих лиц, включая русского императора. Вернувшись на историческую родину, он стал врачом в отряде Фабье, спас жизнь Масцепанову, когда тот был смертельно ранен. В финале романа приводится письмо Костандиса его давнему оппоненту по вопросу о филэллинах Игнатию Еловскому, бывшему камер-секретарю Александра I. В апреле 1829 г. грек констатирует, что благополучное для его страны разрешение конфликта предрешено, чему, по его мнению, очень помогли действия отряда Фабье. «Мужество, проявленное нами при обороне Акрополя, расположило в нашу пользу сильных мира сего», – объясняет Костандис победоносное вмешательство в эту войну России, Англии и Франции [14: 355].

Главный герой романа о своем участии в военных действиях рассказывает в письмах возлюбленной. Он говорит о бытовых условиях в отряде Фабье, о своих действиях и их влиянии на ход сражения, значительно преуменьшая тяжесть своего ранения: «Я турецкого генерала застрелил, его солдаты разбежались, и мы ушли на Акрополь. Генеральский адъютант стрелял в меня из пистолета, пуля бок оцарапала» [14: 341].

Специфическую, вне обыденной реальности происходящую войну изобразил М.П. Шишкин в романе «Письмовник» [15], возглавившем премиальный список БК в 2011 г. Как и все произведения этого автора, роман многопланов и сложен по форме. Текст составлен из чередующихся писем друг к другу двух центральных персонажей – Владимира и Сашеньки. Эти письма позволяют полностью реконструировать жизненный путь каждого из них и историю их взаимоотношений.

Мужская линия связана в романе с темой войны и смерти, женская – с темой семьи и деторождения.

Хронотоп произведения очень нечеток. Автор не называет никаких дат и упоминает лишь несколько населенных пунктов и одну реку в Китае. Все это относится к военным действиям, в которых принимает участие Владимир. Эта война – единственное событие в книге, происходящее в реальных земных координатах. Автор называет не только страну (Китай), но и города (Пекин, Тяньцзинь и т. д.). При этом, однако, не дается никаких деталей, подтверждающих, что действие разворачивается именно в них. Соотнесенность названий с событиями поэтому остается условной. Универсален также пейзаж: жара, пыль, поля гаоляна, мутные воды Пейхо. Страшные натуралистические подробности: смерть, ранения, разрушения – также характеризуют любую войну.

В условной войне, показанной в романе, китайские повстанцы защищают мировую гармонию, как они ее понимают. Им противостоит фактически весь остальной мир, отстаивая принятый в нем порядок. Здесь есть «свой» и «чужие», но нет «правых» и «виновных». Возможны победители, но не может быть выигравших.

Герой романа на войне становится писарем. Ему приходится писать и странные приказы, и «похоронки», в том числе предназначенную его родителям. Одна из особенностей этой условной войны, что и смерть в ней может быть условной. «Поднебесная, потому и Поднебесная, – объясняет Владимир Сашеньке, – что в ней умирают, но продолжают жить дальше». Поэтому в похоронках он указывает: «Ваш сын погиб, но он жив и здоров» [16: 96, 98]. То же можно сказать и о нем самом.

Время, в котором находится на войне Владимир, также условно и очень спрессовано. Сам он пишет: «Сколько времени мы уже здесь? Всего три дня. А кажется, что три года. Или тридцать три» [15: 118]. Их с Сашей переписка продолжается всю ее жизнь. Для него же проходит небольшой отрезок времени, большую часть которого в реальном мире его считают погибшим.

Владимир от природы склонен к глубокой рефлексии. Опыт участия в условной войне подтолкнул его к пересмотру всей системы ценностей. Пройдя через испытания, герой романа научился по-настоящему ценить жизнь, утратил желание стать писателем, понял и принял свою мать и отца, почувствовал потребность продолжить себя в сыне.

Еще один специфический тип военного конфликта представлен в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» [16], занявшем первое место в премиальном списке БК за 2009 г. Название отсылает к мифу, объясняющему, по мнению автора, цикличность многих политических процессов. Древний мифологический сюжет в европо-христианскую культуру пришел через «Илиаду» Гомера. Это история вечной войны между журавлями и карликами, сражения в которой происходят циклично. Весной всегда побеждают журавли, во многом благодаря тому, что в их рядах обязательно сражается карлик. Осенью берут реванш карлики, среди которых неизменно оказывается один журавль.

Миф отражает неизбежность периодического кардинального изменения сложившейся ситуации и иллюстрирует вечное, принципиально неразрешимое противостояние Добра и Зла. В этом ракурсе Юзефович рассматривает исторический процесс в целом, особое внимание уделяя людям, оказавшимся вне своей природной среды (самозванцам). Такие персонажи в романе противостоят Системе, находятся с ней в состоянии психологической войны.

Реальный вооруженный конфликт также представлен в произведении. Это события в Москве в начале октября 1993 г., отразившие ситуацию раскола российского общества в 1990-е гг. Главный, отчасти автобиографический, герой романа ученый-историк Шубин считает своим нравственным долгом лично наблюдать за историческими событиями, происходящими у него на глазах. Поэтому вечером 2 октября он находился около Белого дома, ощущал и разделял психологическое противостояние Народа и Системы. Собственно боевых действий, однако, в романе не показано.

Понятие войны в произведении остается, таким образом, метафорой, его воплощение в мифе символизирует извечное противостояние различных моделей мира, предопределенность их конфликтного столкновения и его воплощения в реальной истории.

Приведенные примеры наглядно показывают широту и разнообразие аспектов изображения войны в произведениях-лауреатах БК, позволяют установить исторические факты, наиболее интересующие современных отечественных писателей. Художественные тексты произведений, отмеченных премией БК, значительно различаются по методу создания, способу повествования, использованию литературных приемов.

Отмеченное Л.А. Трубиной осмысление уроков войны и влияние этого события на становление национального характера в произведениях военной тематики – лауреатах БК ярче всего проявляется в сюжетах о Великой Отечественной войне, независимо от того, изображаются непосредственно боевые действия или же будни. Концепция войны как Божьего наказания, предложенная В.М. Макеевым, находит подтверждение в отмеченном премией БК романе Л.А. Юзефовича о Гражданской войне в России начала XX в.

Универсальность, большая общественная и социальная значимость БК определяет максимально ответственный подход жюри к произведениям военной тематики. Отмеченные премией тексты, соответственно, представляют наиболее удачные подходы к раскрытию темы, интересные ракурсы ее рассмотрения, отличаются высоким уровнем художественного отображения действительности. Сущность феномена войны и характерные способы его отражения в художественной литературе, представленные в произведениях – лауреатах БК, таким образом, характерны для всей современной отечественной литературы о войне. В настоящее время тема войны становится особенно актуальной для писателей в России. Вероятно, достаточно скоро будет сказано новое слово в ее раскрытии, новые произведения на военную тему будут отмечены БК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубина Л.А. Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы XX Шешуковских чтений / Под. ред. Л.А. Трубиной. М.: МПГУ, 2015. С. 7–14.

2. Макеев В.М. Война как концепт русской литературы // Ученые записки Орловского гос. университета. 2014. №2(58). С. 196–200.

3. Положение [о Премии] // Национальная литературная премия «Большая книга»: официальный сайт. Москва, 2005: www.bigbook.ru/polojenie (дата обращения: 20.01.2020).

4. Гранин Д.А. Мой лейтенант: роман. М.: Эксмо, 2022. 286, [1] с.

5. Бабичева М.Е. «Большая книга» о большой войне: роман Д.А. Гранина «Мой лейтенант» – лауреат национальной литературной премии // *Stephanos*. 2020. № 2(40). С. 25–36.
6. Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. 573, [1] с.
7. Степнова М.Л. Женщины Лазаря. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. 444, [2] с.
8. Терехов А.М. Каменный мост. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. 830, [1] с.
9. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы. М.: Эксмо, 2022. 429, [1] с.
10. Юзефович Л.А. Зимняя дорога: генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии, 1922–1923: документальный роман. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. 413, [1] с.
11. Булкина И. Хроника ледовой осады: [Рец. на кн. Л. Юзефовича «Зимняя дорога»] // *Новый мир*. 2015. № 11. С. 185–187.
12. Маканин В. Асан. М.: Э, 2018. 477, [1] с.
13. Амузин М.Ф. Вечный бой? // *Знамя*. 2022. № 11. С. 157–167.
14. Юзефович Л.А. Филэллин: роман в дневниках, письмах и мысленных разговорах героев с отсутствующими собеседниками. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. 380, [2] с.
15. Шишкин М.П. Письмовник. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. 380, [1] с.
16. Юзефович Л.А. Журавли и карлики. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022. 475, [2] с.

REFERENCES

1. Trubina L.A. Some Trends in the Development of Literature about the Great Patriotic War. In: *Domestic Literature about the War. The Problem of National Consciousness: On the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the XX Sheshukov Readings / Ed.: L.A. Trubina*. Moscow. Moscow Pedagogical State University Press. 2015, pp. 7–14.
2. Makeev V.M. War as a Concept in Russian Literature. *Scientific Notes of Orel State University*. 2014. No 2(58), pp. 196–200.
3. Regulations [about the Award]. National Literary Award “Big Book”: official website Moscow, 2005: www.bigbook.ru/polojenie (date accessed: 20.01.2020).
4. Granin D.A. (2022) *My Lieutenant: A Novel*. Moscow. Eksmo Publ. 286, [1] p.
5. Babicheva M.Ye. The Great Book about the Great War: Daniil Granin “My Lieutenant” – Laureate of the National Literary Award (Big Book). *Stephanos*. 2020. No 2(40), pp. 25–36.
6. Ulitskaya L.Ye. (2021) *Daniel Stein, the Translator*. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 573, [1] p.
7. Stepnova M.L. (2021) *Women of Lazarus*. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 444, [2] p.
8. Terekhov A.M. (2021) *A Stone Bridge*. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 830, [1] p.
9. Rubina D.I. (2022) *On the Sunny Side of the Street*. Moscow. Eksmo Publ. 429, [1] p.
10. Yuzefovich L.A. (2023) *Winter road: General A.N. Pepelyaev and anarchist I.Ya. Strode in Yakutia, 1922–1923: Documentary Novel*. 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 413, [1] p.
11. Bulkina I. Chronicle of the Ice Siege: [Review of the book by L. Yuzefovich “Winter Road”]. *Novy Mir*. 2015. No 11, pp. 185–187.
12. Makanin V. (2018) *Asan*. Moscow. E Publ. 477, [1] p.

13. Amusin M.F. Eternal Fight? *Znamya*. 2022. No 11, pp. 157–167.
14. Yuzefovich L.A. (2021) Filellin: novel in diaries, letters and mental conversations of heroes with absent interlocutors. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 380, [2] p.
15. Shishkin M.P. (2020) Pismovnik. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 380, [1] p.
16. Yuzefovich L.A. (2022) Cranes and Dwarfs. Moscow. AST, Elena Shubina Edition Publ. 475, [2] p.

Сведения об авторе:

Майя Евгеньевна Бабичева,	Maya Babicheva,
канд. филол. наук	PhD
ведущий научный сотрудник	Leading Researcher
Российская государственная библиотека	Russian State Library

babichevame@rsl.ru

П.Д. Зуева (Москва, Россия)

**От сосны до ананаса:
природа в шекспировской критике С. Джонсона и С.Т. Колриджа**

Аннотация: В посвященных У. Шекспиру британских критических работах XVIII–XIX вв. часто фигурирует понятие «природа» (nature). Использование этого термина само по себе представляет интерес, поскольку зачастую оказывается связано с другими важными идеями и понятиями, формирующими теоретическую основу восприятия личности и творчества Шекспира тем или иным исследователем. В данной статье рассматриваются случаи, когда критики Шекспира используют в своих рассуждениях конкретные образы, связанные с природным миром, в основном образы растений. На примерах критических сочинений двух авторов, С. Джонсона и С.Т. Колриджа, демонстрируется эволюция использования растительной метафоры у Шекспира. Выделяются несколько факторов, определяющих особенности такого рода растительных метафор: культурно-исторический контекст, эстетико-философские взгляды названных авторов, их личное эмоциональное отношение к творчеству драматурга. В заключение делается вывод о преемственности критических построений Колриджа, связанных с природными образами, по отношению к идеям Джонсона.

Ключевые слова: Шекспир, английская шекспировская критика, природа, поэт природы, С. Джонсон, С.Т. Колридж

P.D. Zueva (Moscow, Russia)

**From Pine to Pineapple:
Nature in the Shakespeare Criticism of S. Johnson and S.T. Coleridge**

Abstract: The concept of ‘nature’ often appears in the British Shakespeare criticism of the 18th–19th centuries. The very use of this term is of interest, since it often turns out to be associated with other important ideas that form the theoretical basis for a critic’s perception of Shakespeare’s personality and works. However, this article examines cases when Shakespeare critics refer specifically to the natural world (mainly to plants) in their works. The criticism by two authors: S. Johnson and S.T. Coleridge – is studied to demonstrate the evolution in the use of plant metaphors in relation to Shakespeare. The peculiarities of these metaphors are determined by several factors: cultural and historical context, the critics’ aesthetic and philosophical views, their personal emotional attitude

to the Bard's works. At the end of the article the evident connections between Johnson's and Coleridge's plant metaphors are viewed.

Key words: Shakespeare, English Shakespeare criticism, nature, poet of nature, S. Johnson, S.T. Coleridge

Понятие *природа* начинает употребляться в англоязычной критике в связи с личностью У. Шекспира и его творчеством уже на раннем этапе критического осмысления наследия драматурга – в первой половине XVIII в. Для господствовавшей тогда классицистической эстетики *природа* – одно из ключевых понятий, тесно связанное с принципом *правдоподобия*. Категория *правдоподобия*, в свою очередь, восходит к античной теории поэзии, в частности к «Поэтике» Аристотеля, в которой поэтическое искусство определяется как подражание *жизни*, т. е. *природе*. При этом, как отмечается в «Поэтике», «задача поэта – говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости» [Аристотель 1927: 51].

В критической литературе XVIII в. природа становится синонимом жизни, т. е. того оригинала, образца, копией с которого должны являться произведения изящной словесности. В таком значении термин *природа* возникает и в шекспировской критике, однако складывающееся уже в этот период отношение к драматургу как к автору исключительному, уникальному, определяет и отмечаемый критиками особый характер взаимоотношений драм Шекспира с природой. Например, А. Поуп (Pope, Alexander; 1688–1744) заявляет, что творения Шекспира не простые подражания, а как будто отражение самой жизни, имплицитно подчеркивая отличие Шекспира от драматургов последующей эпохи, чьи произведения как раз представляли собой, по мнению критика, неумелые подражания.

Тенденция противопоставлять Шекспира драматургам XVIII в. в соответствии с принципом соответствия жизни сохраняется и в критике второй половины столетия. Так, Дж. Уортон (Warton, Joseph; 1722–1800), рассуждая о чрезмерной велеречивости современной драмы, отмечает, что лишь природа, Софокл и Шекспир способны передать чувства с помощью не напыщенного монолога, а всего одной лаконичной реплики, взгляда или жеста [The Adventurer 1794, 3: 188]. В этой связи немаловажной также оказывается оппозиция естественного и искусственного: если «плохие» копии с реальности удручают своей неестественностью, то творения Шекспира отличает особая близость к жизни.

Первоначально термин *природа* в шекспировской критике связывался исключительно с реальной действительностью, но не с растительным или животным миром. Однако во второй половине XVIII в. ситуация изменяется: в инструментарий шекспироведов входят мотивы и образы, непосредственно связанные с живой природой. Самый яркий пример такого рода можно отыскать в «Предисловии к Шекспиру» (Preface to Shakespeare, 1765) С. Джонсона (Johnson, Samuel; 1709–1784) к изданному им собранию сочинений Шекспира в 8 томах.

С одной стороны, в «Предисловии» Джонсон продолжает предшествующую традицию, называя Шекспира «поэтом природы» (poet of nature) – мастером подражания жизни. При этом важно отметить, что речь в данном случае идет не о слепом копировании, но о так называемой «обобщенной природе» (general nature), т. е. о некоем гармоничном сочетании конкретного и общечеловеческого, созданном в соответствии с законами жизни.

В то же время интересно, что *природа* в «Предисловии» перестает быть понятием исключительно абстрактным. Будучи не только влиятельным критиком, но и выдающимся поэтом и писателем, Джонсон прибегает в своем рассуждении к богатой художественной образности, использует ряд сравнений, связанных с природным миром. Так, он сопоставляет творения Шекспира с лесом:

The work of a correct and regular writer is a garden accurately formed and diligently planted, varied with shades, and scented with flowers; the composition of Shakespeare is a forest, in which oaks extend their branches, and pines tower in the air, interspersed sometimes with weeds and brambles, and sometimes giving shelter to myrtles and to roses; filling the eye with awful pomp, and gratifying the mind with endless diversity [Johnson 1908: 34].

Здесь очевидно характерное для критики XVIII в. противопоставление Шекспира современным драматургам. Джонсон использует природные метафоры, чтобы подчеркнуть естественность, стихийность шекспировского гения в сравнении с современниками¹. Кроме того, такое сопоставление демонстрирует еще один очень распространенный в критике XVIII в. тезис: Шекспир бессистемен, в его произведениях сосуществуют достоинства (beauties) и недостатки (faults), подобно тому, как цветы в лесу соседствуют с сорными растениями.

Однако интерес Джонсона к природной образности имеет под собой и более глубокие мотивы. К середине XVIII в., когда классицистическое мышление перестает быть для литературы определяющим, тезис об абсолютном господстве разумного начала в человеке начинает подвергаться сомнению. Это отражается даже в принципах садово-паркового искусства, к которым Джонсон, очевидно, апеллирует в своей метафоре. Лес и сад представляют две формы устройства парка: английскую (пейзажную) и французскую (регулярную). Как отмечает Д.С. Лихачев, «регулярность сада мыслилась как отражение регулярности природы, ее подчинения законам ньютоновской механики и принципам декартовской разумности» [Лихачев 1998: 106]. Но к середине XVIII в. само представление о природе начинает претерпевать некоторые изменения, она перестает мыслиться как царство рациональности, в связи с чем входят в моду английские сады как отражение естественной, неподвластной правилам умозрительной логики природы. Именно с таким садом сравнивает Джонсон Шекспира.

Представление о заключенном в природе иррациональном начале находит отражение в эстетических размышлениях современников Джонсона. В работе «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful, 1757) Э. Бёрк (Burke, Edmund; 1729–1797) выдвигает тезис о чувственной основе эстетического восприятия, обусловленной двумя категориями: прекрасное (вызванное положительными эмоциями) и возвышенное (связанное с отрицательными эмоциями, в первую очередь со страхом). По Бёрку, любой природный объект в зависимости от его физических свойств может вызвать в человеке чувство либо возвышенного, либо прекрасного.

Особый интерес применительно к восприятию Шекспира представляет категория возвышенного (С. Монк связывает внимание Бёрка к этой категории с его юношеским пристрастием к изображению ужасного в литературе, в частности, к пугающим сценам из «Макбета» [Monk 1970: 28]). По мнению Бёрка, чувство возвышенного в человеке пробуждают величественные, вызывающие

¹ Это не единственный случай обращения Джонсона к образу леса с такой целью. Ср. его высказывание: «Corneille is to Shakespeare as a clipped hedge is to a forest» [Johnson 1908: xxii].

трепет природные объекты и архитектурные сооружения, например водопады, горы, погруженные в полутьму храмы.

В той природной образности, которую избирает для характеристики Шекспира Джонсон, прослеживаются сходные мотивы: образ леса ассоциируется с сумраком (одним из катализаторов страха по Бёрку), вызывает трепет вследствие замкнутости пространства и одновременно с этим высоты (высокие башни-деревья).

Известно, что опыт чтения Шекспира зачастую был сопряжен для Джонсона с негативными эмоциями: например, в детстве его очень пугал призрак отца Гамлета [Boswell 1917: 16]. Критик был также глубоко потрясен гибелью таких шекспировских героинь, как Корделия и Дездемона. Неудивительно, что природная метафорика, к которой прибегает Джонсон в своем описании Шекспира, вызывает ассоциации именно с идеей возвышенного по Бёрку. Критик признает за произведениями драматурга силу воздействия не только на разумное, но и на иррациональное начало в человеке.

К концу XVIII в. интерес к иррациональному в литературе и философии возрастает все больше. На рубеже XVIII–XIX вв. с приходом эпохи романтизма тезис о примате сверхчувственного восприятия действительности и искусства постепенно приходит на смену представлениям о полноте рационального познания. В связи с этим изменяется и представление о сущности поэзии вообще, и отношение к творчеству Шекспира в частности.

Эта перемена ярко отражается в критических работах С.Т. Колриджа (Coleridge, Samuel Taylor; 1772–1834) – одного из первых английских поэтов-романтиков и влиятельнейшего шекспироведа своего времени.

Джонсон выделял в качестве достоинств Шекспира то, что его творчество апеллирует к вечным и неизменным законам природы. В рассуждениях Колриджа этот тезис получает дальнейшее развитие, трансформируясь в идею близости поэта к вечной, божественной истине. Этим обусловлена и специфика природных образов, к которым обращается в своих рассуждениях о Шекспире Колридж.

В цикле лекций от 1818–1819 гг., опубликованном посмертно под заголовком «Литературное наследие» (Literary Remains, 1836), Колридж ставит себе цель доказать, что гений Шекспира не порожден его эпохой. Здесь он, бесспорно, полемизирует с мнением критиков XVIII в., в том числе Джонсона, связывавших многие черты произведений драматурга как раз с характерными приметами елизаветинского времени. Интересно, что, споря с Джонсоном, Колридж использует образ, аналог которого можно отыскать в «Предисловии к Шекспиру», – образ хвойного дерева, но не сосны, как у Джонсона, а тиса:

...but he [Shakespeare] stands like the yew tree in Lorton vale, which has known so many ages that it belongs to none in particular... [Coleridge 1836: 89].

Обращение к образу одиноко стоящего дерева связано с особенностями романтических парков, «истинными героями» которых являются «деревья старые и по преимуществу одинокие» [Лихачев 1998: 334], выразители романтической индивидуальности. Однако и образ тиса сам по себе имеет множество коннотаций, связанных с особенностями английской культуры. Так, тисовые деревья традиционно сажали вблизи церквей или на кладбищах, что связывает их с темами утраты, смерти и вечности. С другой стороны, из тисового дерева издревле изготавливались боевые луки (по преданию, лук легендарного разбойника Робина Гуда был сделан именно из тиса). Таким образом, тис связывается в английском культур-

ном сознании с великими деяниями прошлого, с национальной самобытностью. Стоит также отметить, что из тиса изготавливались и музыкальные инструменты, например лютни, поэтому упоминание Колриджем тиса служит также для создания образа романтического национального поэта, барда, играющего на лютне, в противоположность античному арфисту.

Немаловажно также, что в данном случае Колридж упоминает конкретное дерево в Лортонской долине, расположенной в Камбрии (Камберленде), на северо-западе Англии. Это не только отсылка к реально существующему дереву, но и вероятная реминисценция стихотворения У. Вордсворта «Тисовые деревья» (Yew-Trees, 1815):

Of vast circumference and gloom profound
This solitary Tree! – a living thing
Produced too slowly ever to decay;
Of form and aspect too magnificent
To be destroyed.

[Wordsworth 1994: 184]

В описании одинокого тиса-долгожителя преобладают темные, мрачные тона; сильны также витальные мотивы: подчеркивается мощь и сила дерева, его гигантские размеры. Упомянув затем группу из четырех тисов, Вордсворт называет их «природным храмом» (natural temple). Хотя Колридж пренебрежительно отзывался о трактате Бёрка о возвышенном и прекрасном, нельзя не отметить близость используемых критиком образов описанию возвышенного у Бёрка: образ тиса, как и образ сосны у Джонсона, внушает трепет своей высотой, а темнота, как мы помним, является для Бёрка одним из катализаторов страха, а значит, и чувства возвышенного.

Колридж завершает тезис о вневременности фигуры Шекспира сравнением еще с одним деревом:

...a living image of endless self-reproduction, like the immortal tree of Malabar.

Скорее всего, здесь критик имеет в виду малабарский эбен или гаубовое дерево – вечнозеленое растение, распространенное на территории юго-восточной Азии и отличающееся необычайной продолжительностью жизни и медленным ростом. Уже в этом высказывании можно отметить интересную особенность используемой Колриджем растительной образности: говоря о Шекспире, критик часто апеллирует к экзотическим растениям, и если в случае с малабарским деревом такую аналогию объяснить довольно легко, то другой пример подобного рода требует более обстоятельной интерпретации.

Рассуждая о современниках Шекспира, Колридж вновь пишет об уникальности шекспировского гения и его независимости от обстоятельств своего времени. Колридж сравнивает творчество Шекспира и его современников с различными плодовыми культурами:

...even as the pine-apple, the melon, and the gourd may grow on the same bed; – yea, the same circumstances of warmth and soil may be necessary to their full development, yet do not account for the golden hue, the ambrosial flavour, the perfect shape of the pine-apple, or the tufted crown on its head [Coleridge 1836: 103].

Возникает вопрос, чем обусловлен выбор растительных образов для данной метафоры. Прежде всего стоит отметить, что дыня и тыква относятся к одному и тому же семейству – тыквенные или тыквовые (лат. cucurbitaceae). Это обстоя-

ятельность придает высказыванию Колриджа дополнительный смысл: одна и та же среда не способна породить авторов с одинаковым талантом; точно так же не даст такого результата и природное (как мы сказали бы сегодня, генетическое) родство, к примеру, принадлежность к одной нации.

Что касается утверждения о том, что тыква, дыня и ананас могут вырасти на одной грядке, следует помнить, что в Англии начала XIX в. это было вполне возможно: англичане начали выращивать дыни в парниках еще в XVII в., а в XVIII в. подобным образом стали культивироваться ананасы. История произрастания ананасов в Англии проливает свет на то, почему именно этот плод был выбран Колриджем, чтобы проиллюстрировать природу гения Шекспира.

Пожалуй, самый знаменитый ананас в английской истории был преподнесен королю Карлу II (Charles II, 1630–1685) садовником Дж. Роузом в 1675 г. [Okihiro 2009: 82]. Хотя среди исследователей нет единого мнения о том, был ли этот фрукт выращен в Англии, ключевым в данном случае является не происхождение плода, а его статус – достаточно высокий, чтобы стать подарком королю. Известно также, что в XVIII в. бытовала практика брать ананасы напрокат для украшения стола во время различных праздников, банкетов и приемов, чтобы прибавить торжественности мероприятию [O'Connor 2013: 37]. В описании ананаса у Колриджа подчеркивается царственность, даже божественность плода: упоминается золото – атрибут монарха, амброзия – пища богов из древнегреческой мифологии и, наконец, корона, венчающая это идеальное творение природы. Таким образом, для сравнения с Шекспиром критик использует образ фрукта, несущего в себе идею исключительности, совершенства и богоизбранности.

Рассматривая функции природных образов в шекспировской критике Джонсона и Колриджа, можно отметить, что оба автора вводят в свои рассуждения растительные метафоры, чтобы подчеркнуть какие-либо особенности личности Шекспира и его творчества, черты, отличающие его как от потомков, так и от современников. Образы вечнозеленых растений указывают на связь поэта и вечности, на особый, вневременной характер его творчества. При этом в критике Колриджа идея уникальности шекспировского гения звучит сильнее, его Шекспир оказывается подлинно романтической индивидуальностью. Колридж добивается такого эффекта при помощи использования, с одной стороны, исторически конкретных (лортонские тисы), а с другой – экзотических образов растений и плодов.

Метафоры, связанные с природой, к которым прибегают критики, говоря о Шекспире, зачастую оказываются связаны с иррациональным началом, точнее говоря, с тем, что Э. Бёрк определял как чувство возвышенного. Использование природных образов в данном случае призвано подчеркнуть, с одной стороны, чувство трепета, которое вызывает у потомков гений Шекспира, а с другой, продемонстрировать, что восприятие его текстов не укладывается в рациональные рамки.

Наконец, оба критика приносят в свои рассуждения некоторые культурно-исторические реалии, связанные с особенностями развития садово-паркового искусства своего времени.

С. Джонсон и С.Т. Колридж солидарны в принципах и целях использования природных (в основном растительных) метафор в рассуждениях о личности и творчестве Шекспира. Интересно, что английские названия двух растений, играющих важную роль в метафорических построениях Джонсона и Колриджа: сосны и ананаса (pine, pineapple), – связаны морфологически, что отражает идею внешнего сходства ананаса с сосновой шишкой. Подобное сходство и преемственность

можно отыскать в том, как Колридж в своих критических работах трансформирует и переосмысляет заложенные Джонсоном идеи. В целом это можно воспринимать не как разрыв поэта-романтика с предшествующей традицией, но, напротив, как закономерный этап развития литературно-критической мысли XVIII столетия. Просветительская идея абстрактной природы как воплощения жизни постепенно трансформируется в романтически-конкретные образные реализации, подобно тому, как в плоде прячется будущее взрослое растение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аристотель. Поэтика / Пер. Н.И. Новосадского. Л.: Academia, 1927. 124 с. / Aristotle. (1927) *Poetics* / Translated by N.I. Novosadsky. Leningrad. Academia Publ. 124 p.

Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд. М.: Согласие, 1998. 472 с. / Likhachev D.S. (1998) *Poetry of Gardens: on the Semantics of Garden and Park Styles*. Garden as text. 3rd ed. Moscow. Soglasie Publ. 472 p.

Boswell J. (1917) *Boswell's Life of Johnson*. N.Y.; Chicago. Scribner's Sons, 1917. 572 p.

Coleridge S.T. (1836) *The Literary Remains of Samuel Taylor Coleridge*. London. W. Pickering. 432 p.

Johnson S. (1908) *Johnson on Shakespeare: Essays and Notes* / Ed. by Walter Raleigh. London. H. Frowde. 246 p.

Monk S. *The Sublime: Burke's Enquiry*. In: *Romanticism and Consciousness: Essays in Criticism* / Ed. by Harold Bloom. N.Y. Norton. 1970, pp. 24–41.

O'Connor K. (2013) *Pineapple: a Global History*. London. Reaktion Books. 160 p.

Okihiro G.Y. (2009) *Pineapple Culture: A History of the Tropical and Temperate Zones*. Berkley and Los Angeles. University of California Press. 272 p.

Warton J. *Observations on Shakespeare's King Lear*. In: *The Adventurer*. Vol. 3. London. 1794, pp. 184–192.

Wordsworth W. (1994) *The Collected Poems of William Wordsworth*. Ware. Wordsworth Editions Limited. 906 p.

Сведения об авторе:

Полина Дмитриевна Зуева,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Polina D. Zueva,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
anzhelika_gay@mail.ru

УДК: 81'373.611

*А.А. Лашко (Донецк (ДНР), Россия)***Система значений абброконструкта муз- и адъектива ‘музыкальный’**

Аннотация: В предлагаемой статье рассмотрены основные принципы определения значений дешифровальных стимулов, а также представлена их типология, раскрыто понятие «абброконструкт», «дешифровальный стимул», «релятив», «презентатив», «модификатив», выявлены особенности семантики прилагательных, определены особенности взаимосвязи значений презентативных и интерпретативных трактовок абброконструктов и прилагательных; установлены признаки соответствия релятивов и презентативов на семантическом уровне. Сопоставление релятивных и презентативных дешифровальных стимулов позволяет выделить оттеночные значения абброконструкта муз- и дополнить словарную статью адъектива ‘музыкальный’. Данная работа способствует уточнению представлений о семантике прилагательных, о возможностях трактовки значений универбализованных единиц, о семантической структуре аббревиатур. Результаты исследования используются в школьных и вузовских курсах «Морфология», «Морфемика и словообразование», при написании статей Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка.

Ключевые слова: абброконструкт, аббревиатура, дешифровальный стимул, презентатив, релятив, модификатив

*A.A. Lashko (Donetsk (DPR), Russia)***System of Meanings of the Abbroconstruct Music and Adjective ‘musical’**

Abstract: This article examines the basic principles of determining the meanings of decryption stimuli, and also presents their typology, reveals the concept of “abbroconstruct”, “decryption stimulus”, “relative”, “presentative”, “modifier”, and reveals the features of the semantics of adjectives, the features of the relationship between the meaning of presentational and interpretative interpretations of abbreviations and adjectives are determined; signs of correspondence between relatives and presentatives at the semantic level have been established. A comparison of relative and representative decoding stimuli makes it possible to highlight the shading meanings of the abbreviated structure of music and to supplement the dictionary entry of the adjective ‘musical’. This work helps to clarify ideas about the semantics of adjectives, the possibilities of interpreting the meanings of uni-

versalized units, and the semantic structure of abbreviations. The results of the research are used in school and university courses of “Morphology”, “Morphemics and Word Formation” and help in writing Explanatory Dictionary articles on Compound Words of the Russian Language.

Keys words: abbreviation, abbreviation, decoding stimulus, presentative, relative, modifier, equivalence nest

Целью предлагаемой статьи является определение системы значений абброконструкта *муз-* и презентативного дешифровального стимула *музыкальный* с использованием методики определения семантики абброконструкта и соответствующего ему адъектива через релятивы. Под абброконструктом мы понимаем «конструкт аббревиатуры, сокращенный эквивалент какого-либо слова, коррелирующего с ней словосочетания» [5: 16].

В теории Донецкой дериватологической школы принято разграничивать два подхода к определению и описанию сложносокращенных слов (далее – ССС):

1. диахронный;
2. синхронный.

Е.А. Акулич отмечает, что если первый «предполагает установление первичности / вторичности словосочетания по отношению к ССС, то объектом второго, синхронного, подхода выступают текстовые эквиваленты ССС и их соотношение друг с другом и с ССС» [1: 448].

Наше исследование предполагает рассмотрение абброконструкта *муз-* на синхронном срезе языка. Синхронный подход применим к сложносокращенным словам, имеющим на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. Они легко обнаруживаются при синхронном анализе текстов.

Для того чтобы определить систему значений абброконструкта *муз-*, необходимо описать дешифровальные стимулы (далее – ДС), которые мы определяем как «стереотип расшифровки абброконструкта» [5: 18]. А.И. Бровец выделяет три вида дешифровальных стимулов:

- Презентативный ДС
- Релятивный ДС
- Модификативный ДС

Презентатив трактуется как ДС, который реализует обобщенную квалификативную трактовку и является простым адъективом, например: *музгруппа* – ***музыкальная группа***, *музальбом* – ***музыкальный альбом***, *музинструмент* – ***музыкальный инструмент***. Выбранная абброгруппа представлена двумя презентативными расшифровками:

1. *музыкальный* (*музальбом* – *музыкальный альбом*);
- 1.2. *музыкальная* (*музгруппа* – *музыкальная группа*);
- 1.3. *музыкальное* (*музвидео* – *музыкальное видео*);
- 1.4. *музыкальные* (*музтовары* – *музыкальные товары*).
2. *Музыкально-драматический* (*муздрамтеатр* – *музыкально-драматический театр*).

Презентатив реализуется формой относительного прилагательного. А.А. Потебня отмечал близость адъективов и имн существительных, так как прилагатель-

ные называют признак предмета и сохраняют зависимость от существительных не только по формам словоизменения, синтаксическим и другим характеристикам. Ученый писал: «Первоначально в славянских языках прилагательное формально ничем не отличается от существительных, если не считать способности изменяться по родам и степеням, которая, хотя и в меньшей степени, свойственна и существительному» [6: 103].

Относительные прилагательные называют признак через отношение к предмету или к другому признаку: мотивирующей основой обозначается тот предмет или признак, через отношение к которому представлено данное свойство [4: 541]. В отличие от качественных прилагательных, представленных как немотивированными, так и мотивированными словами, относительные прилагательные мотивируются словами других частей речи [4: 541], в том числе и существительными.

А.Л. Шарандин отмечает: «Относительные прилагательные характеризуются грамматическими категориями рода, числа и падежа. Отсутствие предикативных категорий и степеней сравнения связано с тем, что в определительной (атрибутивной) позиции признак “отношение” представлен как постоянный, не изменяющийся во времени и для него не характерно проявление той или иной меры, поскольку отношение – статично» [7: 27].

В силу того, что наиболее активной эквивалентностной трактовкой аббреконтрукта является презентативная трактовка (по данным картотеки Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка более 70% сложносокращенных слов имеют в качестве наиболее часто употребляющегося эквивалента атрибутивное словосочетание), можно предположить, что именно семантика презентатива и является абсолютным эквивалентом семантики аббреконтрукта. Однако вопрос состоит в том, какую именно семантику представляет адъектив, эквивалентный аббреконтрукту.

Ю.Д. Апресян указывает на то, что «лексикографы склонны усматривать у относительного прилагательного значения, которые фактически “наводятся” сочетаниями с ними существительными. В этих и им подобных случаях прилагательные имеют чисто относительное значение и реализуют одну из обязательных семантических валентностей соответствующего существительного (ср.: *подготовка к войне – военная подготовка*)» [2: 212].

Ученый выделял следующие значения относительных прилагательных: относящийся к X; являющийся X-ом; содержащий X; сделанный из X-а; каузирующий X; каузированный X-ом; каузированный во время X; предназначенный для X; предназначенный на случай X; предназначенный для получения X-а; полученный от X; обслуживающий X; занимающийся X-ом; такой, где производится X; такой, когда производится X; такой, с помощью которого производится X; такой, где торгуют X-ом и т. д.

Как утверждает Ю.Д. Апресян, «регулярная полисемия прилагательных представлена главным образом относительными прилагательными, значения которых, в обычной лексикографической интерпретации, часто настолько многообразны, что на первый взгляд с трудом поддаются учету» [2: 212].

Разработанная нами методика позволила оптимизировать толкования значений аббреконтруктов и прилагательных.

В Толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой выделяются следующие значения прилагательного музыкальный:

1. соотносящийся по знач. с сущ. музыка, связанный с ним;
2. свойственный музыке, характерный для нее;
3. выражаемый средствами музыки;
4. служащий для воспроизведения звуков музыки;
5. связанный с исполнением музыки, ее слушанием, пропагандой и т. п.;
6. приспособленный для исполнения музыкальных произведений;
7. способный к музыке тонко ее чувствующий;
8. соответствующий данным, необходимым для музыканта.

Релятив – дешифровальный стимул, который реализует значение презентатива при помощи релятивной, т. е. актантной, семантики существительного. Нами были отмечены следующие релятивные расшифровки:

1. музыка:
 - 1.2. для музыки (*музканал – канал для музыки*);
 - 1.3. музыки (*музискусство – искусство музыки*);
 - 1.4. о музыке (*музблог – блог о музыке*);
 - 1.5. с музыкой (*музальбом – альбом с музыкой*);
2. музыкант:
 - 2.1. для музыкантов (*музжурнал – журнал для музыкантов*);
 - 2.2. музыкантов (*музгруппа – группа музыкантов*).

Презентативные ДС обозначают признак объекта посредством отношения его к другому объекту, например: *музансамбль – музыкальный ансамбль, ансамбль музыкантов*, поэтому нами предполагается возможность использования релятива для трактовки значения презентативного дешифровального стимула. Например, при помощи релятива *ансамбль музыкантов* для слова *музансамбль (музыкальный ансамбль)* можно определить значение конструкта *муз-* и прилагательного *музыкальный* как «состоящий из музыкантов», *музшкола – музыкальная школа, школа музыки – «проводящая исследование музыки / направленная на изучение музыки»*, *музтерапия – музыкальная терапия, терапия музыкой – «лечащий музыкой / при помощи музыки»*, *музблог – музыкальный блог, блог о музыке – «ведущийся о музыке»*.

ДС модификатив – сложное слово или словосочетание, которое содержит дополнительный ономаσιологический признак, отсутствующий в структуре аббревиатуры. Рассмотрим примеры, отмечаемые в аббрегруппе *муз-*:

1. муздрама (*муздрамтеатр – театр муздрaмы*);
 - 1.2. музыкальной драмы (*муздрамтеатр – театр музыкальной драмы*);
2. музкомедия (*музкомедия – театр музкомедии*);
 - 2.1. музыкальной комедии (*музкомедия – театр музыкальной комедии*);
3. музтовары:
 - 3.1. музыкальных товаров (*музмаг – магазин музыкальных товаров*);
 - 3.2. музтоваров (*музмаг – магазин музтоваров*);
3. музыкальная программа (*музредакция – редакция музыкальных программ*);

Отмечаются следующие модификативные трактовки презентатива: *музредакция – музыкальная редакция, редакция музыкальных программ – «проводимая в сфере музыкальных программ»*, *музмаг – музыкальный магазин – магазин музыкальных товаров – «реализующий музыкальные товары»* и др.

Проведенное исследование позволило выделить новые значения и расширить словарную статью прилагательного *музыкальный* и абброконструкта *муз-*, что и составляет результат исследования.

Муз-, Музыкальный, -ая, -ое

- *относящийся к музыке;*
- *связанный с музыкой;*
- *свойственный музыке;*
- *характерный для музыки;*
- *выражаемый средствами музыки;*
- *служащий для воспроизведения музыки;*
- *связанный с исполнением музыки;*
- *приспособленный для музыки;*
- *способный к музыке;*
- *соответствующий данным музыканта;*
- *предназначенный для музыкантов;*
- *специализирующийся на изучении музыки;*
- *созданный для музыки, лечащий музыкой;*
- *созданный для музыкантов;*
- *рассказывающий о музыке;*
- *собранный музыкантов;*
- *отведенный для музыки;*
- *состоящий из музыкантов;*
- *проводящая исследование музыки;*
- *направленная на изучение музыки;*
- *сопровождающийся музыкой;*
- *ведущийся о музыке;*
- *реализующий музыкальные товары;*
- *проводимый в сфере музыкальных программ.*

Итак, семантика абброконструкта и прилагательного определяется через семантику эквивалентных интерпретативных конструкций. Это позволяет использовать эквивалентностные отношения «абброконструкт – презентатив – интерпретатив» для определения системы значений абброконструкта и презентатива.

Исследование позволило подвергнуть тщательному анализу семантику прилагательных и абброконструктов. Определение оттеночных значений адъективов подтвердило их полисемию.

Проведенная работа позволила упорядочить и систематизировать значения прилагательных. Были определены принципы, необходимые для определения их семантики.

Исследование позволило описать особенности семантики прилагательного, установить близость и зависимость значения адъективов от значений существительных, являющихся для них производящей базой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич Е.А. Параметры синхронного описания аббревиатур // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. тр. II Республиканской очно-заочной научной конференции

(23 ноября 2016 г., Макеевка) / Редкол.: Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко и др. Макеевка: ДонНАСА, 2016. С. 447–453.

2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. 472 с.

3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [В 2 т.]. М.: Русский язык, 2000.

4. *Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.).* Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с

5. *Теркулов В.И.* Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // *Восточнославянская филология: сб. науч. тр. Вып. 3(29). Языкознание.* Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. С. 13–24.

6. *Потебня А.А.* III. Происхождение имени прилагательного // *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.* Т. 3. М., 1968. С. 37–59.

7. *Шарандин А.Л.* Вопрос о составе грамматических категорий качественных и относительных прилагательных // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание.* 2005. № 4. С. 24–28.

REFERENCES

1. Akulich E.A. Parameters of Synchronous Description of Abbreviations. In: *Science and the World in the Linguistic Space: collection of scientific works of the 2nd Republican intramural scientific conference (November 23, 2016, Makeevka) / Editorial board: E.V. Gorokhov, N.M. Zaichenko et al. Makeevka. DonNASA Publ. 2016, pp. 447–453.*

2. Apresyan Yu.D. (1995) *Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics. Synonymous Means of Language.* Moscow. 472 p.

3. Efremova T.F. (2000) *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formative.* [In 2 vols.]. Moscow. Russky Yazyk Publ.

4. *Russian Grammar / N.Yu. Shvedova (chief ed.).* Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow. Nauka Publ. 1980. 789 p.

5. Terkulov V.I. Materials for the Dictionary of Terms of the Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends. In: *East Slavic Philology: collection. scientific works. Vol. 3(29). Linguistics.* Gorlovka. Publishing House of the State Institute of Foreign Languages. 2016, pp. 13–24.

6. Potebnya A.A. Origin of the Adjective. In: *Potebnya A.A. From Notes on Russian Grammar. Vol. 3.* Moscow. 1968, pp. 37–59.

7. Sharandin A.L. Question about the Composition of Grammatical Categories of Qualitative and Relative Adjectives. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2005. No 4, pp. 24–28.

Сведения об авторе:

Алина Андреевна Лашко,
магистрант
филологический факультет
Донецкий государственный университет

Alina Andreevna Lashko,
Master's Student
Faculty of Philology
Donetsk State University

alinalashko2506@gmail.com

Е.А. Лысенкова (Санкт-Петербург, Россия)

Стопятидесятилетие Ф.М. Достоевского в советских газетах

Аннотация: В статье приводится анализ публикаций в советских газетах, посвященных стопятидесятилетию Ф.М. Достоевского, сравнение которых позволяет обратить внимание на формирование различных образов писателя. Было выявлено, что в местных газетах сделан акцент на восприятии населением регионов творчества Достоевского через фильмы, лекции и проверки их знаний в викторинах, в столичных же газетах поднимался вопрос о социализме в работах писателя, представлялась общая сводка о проводимых мероприятиях. Такая многогранность освещения юбилея классика позволяет с каждым последующим юбилеем использовать еще более разнообразную базу знаний о Ф.М. Достоевском, его творчестве и привлекать специалистов разных сфер для проведения различных мероприятий, юбилеев.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, юбилей, стопятидесятилетие, советские газеты, культурные устремления нации

Lysenkova Eseniya Alexandrovna (St. Petersburg, Russia)

The Display of the One Hundred and Fiftieth Anniversary of F.M. Dostoevsky in Soviet Newspapers

Abstract: The article provides an analysis of publications in Soviet newspapers dedicated to the fiftieth anniversary of F.M. Dostoevsky, a comparison of which allows us to pay attention to the creation of various images of the writer. It was revealed that local newspapers focused on the perception of Dostoevsky's work by the population of the regions through films, lectures, and testing their knowledge through quizzes, while in the capital's newspapers the question of socialism in the writer's works was raised, and a general summary of the events was provided. Such a multifaceted coverage of the classic's anniversary makes it possible to use an even more diverse knowledge base about F.M. Dostoevsky and his work and to attract specialists from different fields to hold various events and anniversaries.

Key words: F.M. Dostoevsky, hundred and fiftieth anniversary, Soviet newspapers, cultural aspirations of the nation

Общественно-культурный и научный интерес к мероприятиям, посвященным деятелям культуры и науки, значительно возрастает в рамках круглых юбилеев. Так, например, празднование столетия и двухсотлетия со дня рождения, смерти или выпуска трудов привлекает к себе больше внимания, чем промежуточные даты. Общественный и научный интерес к юбилеям Федора Михайловича Достоевского не стал исключением.

Столетие классика праздновалось недавно установившими власть большевиками, которые стремились через духовную сферу укрепить свое положение и начать создавать собственную, советскую литературу. Двухсотлетие Ф.М. Достоевского отмечалось в 2021 г. уже в Российской Федерации, однако цели политической элиты остались прежними – продолжение курса на формирование общественного мнения на происходящие события через обращение к творчеству классика, его публицистическим работам и политическим взглядам.

Промежуточные даты чаще всего вызывают меньший отклик со стороны общественности. Тем не менее одним из исключений стало празднование столетия со дня рождения Ф.М. Достоевского, которое прошло 11 ноября 1971 г. С политической и культурной точки зрения 1970-е были не самыми простыми для советской власти (в регионах начались недовольства, поступали постоянные жалобы, спровоцированные проблемами в различных сферах общественной жизни¹), вновь появилась необходимость обратиться к культурному наследию страны.

Одним из источников по получению информации для массового читателя были газеты, журналы, выписываемые семьями в огромном количестве², поэтому с помощью данного средства информации можно было осветить празднование юбилея, а также пробудить у большей части населения интерес не только к личности писателя, но и к советской интерпретации его творчества. Власти было необходимо убедить народ в исключительной правильности трактовки работ писателя советскими деятелями культуры и в ошибочности суждений зарубежных исследователей. Для политической и культурной элиты было необходимо продолжить процесс конструирования мнения о писателе и четко определить саму модель изучения его творчества.

В данной работе проанализированы статьи столичной и региональной прессы, в которых освещались приготовления к юбилею Ф.М. Достоевского и сам юбилей. Отдельное их рассмотрение позволило сопоставить масштаб празднования данного события, а также актуальность таких мероприятий для представителей разных городов. Также заметное отличие наблюдалось в освещении юбилейных торжеств в тематических газетах и газетах, не специализировавшихся на рассмотрении культурных событий.

Основными задачами работы стали изучение имеющихся газет периода Советского Союза (был выбран именно 1971 год как год празднования юбилея) в фонде Российской национальной библиотеки, осуществление анализа отношений власти и общественности к культурному мероприятию, обобщение и систематизация имеющихся сведений, что позволит выявить особенности празднования столетия Ф.М. Достоевского, а также будет способствовать развитию интереса подрастающего поколения к изучению классической литературы и истории.

¹ Никифоров Ю.С. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №4(19). С. 216–221.

² Жаворонков А.В. Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений, 1967–2004. М.: Вершина, 2007. 567 с.

В работе будут рассмотрены следующие аспекты, отраженные в периодической печати того периода и позволяющие проследить особенности отношения общественности к творчеству и биографии Ф.М. Достоевского.

1. Социализм и Достоевский.
2. Художественное искусство и писатель.
3. Кино и театр в юбилейный для писателя год.
4. Сохранение памяти.

Начнем со столичной хроники. «Известия», одна из передовых и старейших газет, не могли не осветить на своих страницах столетие писателя. На то было несколько причин. Так, газета выпускалась ежедневно, поэтому в одной из колонок точно должно было быть хотя бы упоминание данного события, также «Известия» начали печататься еще в 1917 г., поэтому приобрели статус актуальной и проверенной хроники, что обязывало редакторов и авторов статей подойти ответственно к культурному мероприятию.

Как ранее было сказано, юбилей (столетие) писателя был необходим для общества того времени, чтобы напомнить каждому о непрекращающейся борьбе между узурпаторами и узурпируемыми. В главной статье «Могучий талант», написанной Г.Н. Пospelовым, доктором филологических наук, делается акцент не на творчестве классика, а на «целях» Ф.М. Достоевского, который желал показать разложение той самой интеллигенции имперского типа¹.

В статье все чаще всплывают религиозные мотивы; так, выделяются большими буквами слова «страдание», «самопожертвование», но путь героев к счастью отображается не через религиозное очищение, а через постоянную борьбу. Не имея возможность сделать акцент на религиозном аспекте творчества Ф.М. Достоевского, Г.Н. Пospelов говорит о необходимости рассматривать «нравственные стремления» писателя в общих чертах. Нужно не только с критикой подходить к эпизодам биографии и романам писателя, в которых встречается упоминание о Боге, но и подвергать «цензуре» образы борцов за права пролетариев, которые были созданы классиком: например, Петра Верховенского в романе «Бесы» нельзя отождествлять с теми, кто стоял у истоков большевизма, так как идеи последнего в корне неверны.

Сразу же после статьи Г.Н. Пospelова, в которой все же можно было достаточно вольно трактовать некоторые положения, идет статья об авторитете атеиста², тем самым вновь отсылая советского читателя к необходимости отказаться от «предвзвешенных», а также продолжать истолковывать произведения классика в необходимом для руководства государством ключе.

Отличную от авторов статей «Известий» точку зрения высказали в газете «Советская культура», где классик рассматривался как творец, а не как вождь, проповедующий социалистические идеи. В газете «Голос Родины» в статье «Великий сын России» У. Гуральника³ Ф.М. Достоевский выступает уже не в качестве революционера, а как человек, который видел истинные пути изменения государства, но не смог выбрать верное направление, что и стало его главной ошибкой.

Схожим способом с «Известиями» вспомнила столетие Ф.М. Достоевского на своих страницах «Комсомольская правда». Ежедневное освещение событий позволило газете посвятить несколько страниц данному событию. В статье «Федор Достоевский сегодня и всегда» вновь поднимается вопрос «уни-

¹ Пospelов Г.Н. Могучий талант // Известия. 1971. №267. С. 3.

² Сафронов Ю.Ф. Авторитет атеиста. Общественное мнение и религиозные обряды // Известия. 1971. №267. С. 5.

³ Гуральник У. Великий сын России // Голос Родины. 1971. №91(1559). С. 3.

женных и оскорбленных» в творчестве Достоевского¹. Актуальность столетия Ф.М. Достоевского, по мнению В.С. Розова, заключается в том, что его произведения напоминают молодежи подвиг предыдущего поколения (поколения «наших отцов»), которое смогло победить бедность, что позволило юношеству накопить ресурсы, чтобы читать классика «в сытости» и все понимать, т. е. юбилей писателя выступает в качестве напоминания не о его жизни и творчестве, а о лишениях, которые претерпевали люди до установления власти большевиков.

Переходя ко второму аспекту – художественное искусство, нам вновь необходимо обратиться к «Известиям». «Известия» не ограничились только одной статьей в честь юбилея классика, было выпущено оповещение, что к юбилею писателя открывается выставка «Достоевский и его иллюстраторы»². Участники данной выставки были удостоены Золотой медали в Лейпциге. Среди работ можно было увидеть иллюстрации В. Пивоварова к «Игроку», В. Минаева к «Кроткой» и многие другие (данная статья похожа на рекламный текст для привлечения населения к походу на выставку и погружению в творчество писателя).

Особенностью «Советской культуры» стала «двухдневность» обращения к юбилею классика. На второй день после празднования столетия обсуждались иллюстрирование творчества Ф.М. Достоевского и поиск художников, способных отобразить всю глубину творчества писателя (в газете упоминается книжно-иллюстрированная выставка, которая прошла в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина и была посвящена не только творческой деятельности писателя, но и его личности). В. Горяев³, автор статьи, призывает художников вспоминать писателя не только в его юбилей, но и в обычные дни, так как изобразительное искусство позволяет осуществить более глубокий контакт со стилем писателя, что подтверждает теорию о необходимости соединения всех наук для изучения творчества классика.

Именно в «Советской культуре» можно увидеть увековечение памяти писателя с помощью публикации отчета о пленарных заседаниях, посвященных Ф.М. Достоевскому, открытия мемориальных досок (примером может послужить сводка в газете об открытии мемориальной доски в Ленинграде в Кузнечном переулке, а в «Moscow News» был сделан репортаж об открытии мемориальной доски в Таллине⁴).

Несмотря на освещение событий, посвященных художественному искусству в творчестве писателя, вышеупомянутыми газетами, только в «Книжном обозрении» в статье «Петербург и его обитатели» М.А. Чегодаева впервые обосновывается важность иллюстрации в книгах. Каждый художник по-своему воспринимает произведения Ф.М. Достоевского, именно поэтому такие разные, но объединенные единым лейтмотивом иллюстрации позволяют отразить многогранность писателя и, несмотря на их непохожесть, запечатлеть в художественных образах неизменное – глубокую жизненную правду и гуманизм его творений.

Продолжая рассмотрение искусства, нам необходимо обратиться к «театральному» Достоевскому. В статье газеты «Советская культура» «Мир истинных страстей»⁵ (эта газета не будет последней в списке источников, в которых в честь юбилея Ф.М. Достоевского обозревались театральные постановки) вспоминались спектакли Г. Товстоногова «Идиот» (1957 г., БДТ), Ю. Завадского «Петербургские сновидения» (1969 г., Театр имени Моссовета), а также говорилось о планах по-

¹ Розов В.С. Федор Достоевский сегодня и всегда // Комсомольская правда. 1971. №265. С. 4.

² Анисимов Г.А. Писатель и художники // Известия. 1971. №265. С. 3.

³ Горяев В. Достоевский и его иллюстраторы // Советская культура. 1971. №136(4416). С. 3.

⁴ 150th Anniversary of Dostoevsky's Birth // Moscow News. 1971. №47(1090). P. 3.

⁵ Бояджиев Г.Н. Мир истинных страстей // Советская культура. 1971. №135(4415). С. 3.

становки «Преступления и наказания» И. Владимировым (1972 г., Театр имени Ленсовета). Работы режиссеров были наполнены «жестоким и щемящим сердце реализмом», что позволило передать истинные идеи Достоевского¹.

Особенностью столетия Ф.М. Достоевского является активная съемка фильмов по мотивам романов классика. Такой ажиотаж вокруг романов писателя в сфере кинематографа объясняется развитием данной сферы, а также тем, что, по словам Бояджиева, многие не понимают классика, поэтому миссия кинематографа заключается в верном интерпретировании романов писателя и распространении данных фильмов среди населения. Одним из таких фильмов стал «Игрок» Алексея Баталова, съемки которого прошли в Чехословакии. В статье говорится об отсутствии в западной сфере кинематографа реального понимания творчества писателя².

В честь дня рождения Ф.М. Достоевского показывались фильмы, снятые по мотивам его произведений, а также транслировался концерт и заседание в Большом театре Союза СССР, посвященные данному событию. Особенностью публикаций в «Комсомольской правде» стало то, что для тех читателей, которые пропустили показ концерта, на следующий день (12 ноября) целая страница газеты была посвящена отчету о проведении мероприятия³. Это было сделано для привлечения внимания еще большего количества людей к юбилею классика, что позволило бы вновь дать «правильную» трактовку романов Ф.М. Достоевского. «Вечерняя Москва» также прокомментировала данное событие и упомянула о прибытии гостей из Африки, Европы, Азии и Америки, что говорит об интернациональном характере юбилея, о важности творчества Ф.М. Достоевского и необходимости сохранения памяти о нем не только в Советском Союзе, но и в государствах, с политикой которых могли быть разногласия.

Переходя к последнему аспекту, мы должны отметить, что огромную роль в сохранении памяти о писателе сыграл А.Ф. Достоевский (1908–1968), его внук, деятельность которого и станет примечательной чертой этого юбилея. Столетие классика не могло рассматриваться А.Ф. Достоевским как значимое явление из-за его малолетства, а столетие (точнее, подготовка к данному событию, так как внук Достоевского скончался в 1968 г.) как раз пришлось на период его активной деятельности по сохранению памяти великого предка. Больше всего упоминаний о деятельности А.Ф. Достоевского мы увидим в региональной прессе, в столичной же говорилось о передаче в музей А.Ф. Достоевским фамильной ценности – хрустального графина и серебряной ложки с монограммой, подаренной Ф.М. Достоевскому его женой Анной Григорьевной (в Ленинграде в 1971 г. был открыт литературно-мемориальный музей имени Ф.М. Достоевского).

В «Вечерней Москве» были отражены основные вехи жизни писателя и рассказано о мероприятиях, направленных на сохранение памяти о нем. В библиотеке № 8 Бауманского района (библиотека имени Ф.М. Достоевского, открытая в 1921 г., в столетие писателя) была организована иллюстрированная выставка, знакомящая посетителей с жизнью классика, его работами. В читальне имени И.С. Тургенева любой желающий мог ознакомиться с литературоведческими исследованиями, посвященными Ф.М. Достоевскому (при проведении всех культурных мероприятий государство обеспечивало доступ к разным источникам информации о жизни и творчестве писателя, предоставляя возможность населению

¹ Сенчакова Г. «Игрок» // Советская культура. 1971. № 135(4415). С. 3.

² Сенчакова Г. Там же.

³ ТАСС. Великий писатель-гуманист // Комсомольская правда. 1971. 12.11. С. 3.

Советского Союза почтить память классика в более удобном для него формате: прослушать лекцию, сходить на выставку или посмотреть фильмы, созданные по произведениям писателя, – «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание»).

Еженедельная газета «Книжное обозрение» заговорила о юбилее Ф.М. Достоевского еще 4 ноября. Было объявлено об издании «Наукой» 30 томов сочинений Ф.М. Достоевского (первые семнадцать – художественная литература, остальные – публицистика и письма Ф.М. Достоевского) в честь столетия со дня его рождения. Также к юбилею классика кандидат филологических наук Э.М. Румянцева выпустила учебное пособие для школьников «Федор Михайлович Достоевский. Биография писателя»¹, а в двадцать третьем сборнике «Книга. Исследования и материалы» была впервые напечатана глава из «Воспоминаний» жены писателя А.Г. Достоевской. Не менее важный проект планировался к дню рождения писателя, но так и не был осуществлен: издательство «Просвещение»² должно было выпустить альбом «Достоевский в портретах, фотографиях и иллюстрациях». Данные примеры свидетельствуют об особом подходе к празднованию юбилея классика: здесь больше говорится о самом процессе издания произведений Ф.М. Достоевского, выпуске различных пособий и сборников.

«Учительская газета» отличалась от средств массовой информации, освещающих культурные события, вниманием к происходящему в провинции. Так, в колонке «Посвящено юбилею» было представлено несколько небольших репортажей о праздновании столетия Ф.М. Достоевского. В селе Достоево прошла выставка книг, на которой каждый мог ознакомиться с разными изданиями романов классика. Упоминается и продолжительная переписка школьников села с внуком писателя, что отражает интерес подрастающего поколения не только к творчеству писателя, но и к его биографии. Особая выставка была открыта в Кишеневе. В Доме Союза писателей Молдавии демонстрировались неопубликованные письма великого писателя, его дневниковые записи, которые были предоставлены в распоряжение республиканского литературного музея архивами Москвы и Ленинграда³.

В газете «Старорусская правда» статьи о писателе начали публиковаться еще 27 октября, поэтому у редакторов и авторов статей было достаточно времени, чтобы вдохновить читателей на изучение биографии и творчества писателя. Сама подготовка к юбилею шла целых два года⁴.

Особенностью региональной газеты является публикация интервью с жителями города, подробные результаты анкетирования населения, проведение викторин, посвященных юбилею, и оглашение результатов по ним.

Мероприятия по приобщению школьников к чтению трудов классика прошли успешно, юбилей писателя стал инструментом регламентации досуга детей и воспитания у них верного представления о событиях окружающей действительности путем выделения определенных аспектов творчества и жизни Ф.М. Достоевского (еще в столичной газете «Пионерская правда»⁵ было показано, насколько для советской власти был важен институт детства, ведь при правильном подходе, при «верном» интерпретировании творчества классиков можно было бы воспитать поколение, крепко связанное с Родиной и преданное ей). Просвещение как одна из

¹ Румянцева Э.М. Федор Михайлович Достоевский: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение. Ленинград. отд., 1971. 208 с.: ил.

² Казанков Б. Творческий портрет писателя // Книжное обозрение. 1971. №44. С. 10.

³ Посвящено юбилею // Учительская газета. 1971. №132. С. 3.

⁴ Поляков М. Из истории юбилеев писателя в старой Руссе // Старорусская правда. 1971. №180. С. 4.

⁵ Михалков С. Достоевский и дети // Пионерская правда. 1971. №91. С. 2.

целей юбилейных торжеств затронуло не только подростков. В газете приводится письмо пенсионерки, которая говорит о благотворном влиянии на нее празднования юбилея, так как именно столетие классика побудило ее перечитать его произведения.

Статья «Памяти Достоевского»¹ раскрывает еще один способ обращения к творчеству классика и сохранения памяти о нем в обществе. Так, в честь столетия А. Черномордик и А. Королук завершают свои работы над жетонами и медалями, посвященными Ф.М. Достоевскому.

Каждая газета по-своему представила в статьях юбилей писателя, тем не менее общим для всех было желание раскрыть многогранность таланта Ф.М. Достоевского и привлечь к изучению его трудов и жизни как можно больше людей (предоставление информации о проведении выставок точно могло заинтересовать историков искусств, а статьи о марках и значках были полезны для фалеристов). Широкое освещение юбилея в прессе позволяет и в XXI в. на основе результатов исследований, работ предшественников более подготовленными подойти к празднованиям юбилеев писателей в будущем, используя опыт прошлого в разных сферах общественной жизни, чтобы сделать каждое новое мероприятие масштабнее и интереснее не только для ученых, но и для населения.

ЛИТЕРАТУРА

Жаворонков А.В. Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений, 1967–2004. М.: Вершина, 2007. 567 с.

Никифоров Ю.С. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4(19). С. 216–221.

Румянцева Э.М. Федор Михайлович Достоевский: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение. Ленингр. отд., 1971. 208 с.: ил.

ИСТОЧНИКИ

Анисимов Г.А. Писатель и художники // Известия. 1971. № 265. С. 3.

Бояджиев Г.Н. Мир истинных страстей // Советская культура. 1971. № 135(4415). С. 3.

Гдалин А., Робинсон Д. Памяти Достоевского // Старорусская правда. 1971. № 179. С. 4.

Горяев В. Достоевский и его иллюстраторы // Советская культура. 1971. № 136(4416). С. 3.

Гуральник У. Великий сын России // Известия. 1971. № 91(1559). С. 3.

Казанков Б. Творческий портрет писателя // Книжное обозрение. 1971. № 44. С. 10.

Михалков С. Достоевский и дети // Пионерская правда. 1971. № 91. С. 2.

Поляков М. Из истории юбилеев писателя в старой Руссе // Старорусская правда. 1971. № 180. С. 4.

Посвящено юбилею // Учительская газета. 1971. № 132. С. 3.

Поспелов Г.Н. Могучий талант // Известия. 1971. № 267. С. 3.

Розов В.С. Федор Достоевский сегодня и всегда // Комсомольская правда. 1971. № 265. С. 4.

Румянцева Э.М. Федор Михайлович Достоевский: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение. Ленингр. отд., 1971. 208 с.: ил.

Сафронов Ю.Ф. Авторитет атеиста. Общественное мнение и религиозные обряды // Известия. 1971. № 267. С. 5.

Сенчакова Г. «Игрок» // Советская культура. 1971. № 135(4415). С. 3.

¹ *Гдалин А., Робинсон Д.* Памяти Достоевского // Старорусская правда. 1971. № 179. С. 4.

TACC (Телеграфное агентство Советского Союза). Великий писатель-гуманист // Комсомольская правда. 1971. 12 нояб. С. 3.

150th Anniversary of Dostoevsky's Birth // Moscow News. 1971. №47(1090). P. 3.

REFERENCES

Zhavoronkov A.V. Russian Society: Consumption, Communication and Decision Making, 1967–2004. Moscow. Vershina Publ. 2007. 966 p.

Nikiforov Yu.S. Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the era of late socialism. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2019. No 4(19), pp. 216–221.

Rumyantseva E.M. (1971) Fyodor Mikhailovich Dostoevsky: A manual for students. Leningrad. Prosveshchenie Publ. 208 p.: ill.

SOURCES

Anisimov G.A. Writer and Artists. *Izvestia*. 1971. No 265, p. 3.

Boyadzhiev G.N. The World of True Passions. *Sovetskaya Kultura*. 1971. No 135(4415), p. 3.

Gdalin A., Robinson D. In Memory of Dostoevsky. *Starorusskaya Pravda*. 1971. No 179, p. 4.

Goryaev V. Dostoevsky and His Illustrators. *Sovetskaya Kultura*. 1971. No 136(4416), p. 3.

Guralnik U. The Great Son of Russia. *Izvestia*. 1971. No 91(1559), p. 3.

Kazankov B. Creative Portrait of the Writer. *Knizhnoe Obozrenie*. 1971. No 44, p. 10.

Mikhalkov S. Dostoevsky and the Children. *Pionerskaya Pravda*. 1971. No 91, p. 2.

Polyakov M. From the History of the Writer's Anniversaries in Staraya Russa. *Starorusskaya Pravda*. 1971. No 180, p. 4.

Dedicated to the Anniversary. *Uchitelskaya Gazeta*. 1971. No 132, p. 3.

Pospelov G.N. Mighty Talent. *Izvestia*. 1971. No 267, p. 3.

Rozov V.S. Fyodor Dostoevsky Today and Always. *Komsomolskaya Pravda*. 1971. No 265, p. 4.

Safronov Yu.F. The Authority of an Atheist. Public Opinion and Religious Rites. *Izvestia*. 1971. No 267, p. 5.

Senchakova G. "Player". *Soviet Culture*. 1971. No 135(4415), p. 3.

TASS (Telegraphic Agency of the Soviet Union). The Great Humanist Writer. *Komsomolskaya Pravda*. 1971. November 12, p. 3.

150th Anniversary of Dostoevsky's Birth. *Moskovskie Novosti*. 1971. No 47(1090), p. 3.

Сведения об авторе:

Есения Александровна Лысенкова,

студент

Исторический факультет

Кафедра западноевропейской и русской культуры

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории

Eseniya A. Lysenkova,

Student

Faculty of History

Department of Western European and Russian Culture

St. Petersburg State University, Institute of History

esenialysenkova@gmail.com

Е.А. Орлова (Москва, Россия)

Персонаж адаптированного сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»: игра с традицией

Аннотация: Австралийский сериал «Убийственные загадки для мисс Фишер» следует тенденции, наметившейся в последние десятилетия в детективном кинематографе. С одной стороны, это старая история о частном детективе, с другой – новое повествование, увлекающее зрителя необычным антуражем. Этот эффект создается благодаря интертекстуальным связям, которые сериал выстраивает с текстами своего ближайшего окружения. Показано, как разнообразные интертекстуальные элементы формируют образ эпохи 1920-х гг. и вписывают кинотекст в традицию «классического детектива», параллельно отсылая к современному кинематографу. Решить эти задачи позволяет образ персонажа. Ироническое обыгрывание знакомых зрителю текстов создает легкую и непринужденную атмосферу сериала, а отсылки к культуре и искусству «ревуших двадцатых» – иллюзию «реалистичности» мисс Фишер, которая находит свое место в мировом каноне благодаря связям с миром детектива.

Ключевые слова: адаптация, кинотекст, «Убийственные загадки для мисс Фишер», интертекстуальность, аутентичность

Е.А. Orlova (Moscow, Russia)

Character in the Adapted Series “Miss Fisher’s Murder Mysteries”: Playing with Tradition

Abstract: The Australian TV-series “Miss Fisher’s Murder Mysteries” follows a trend that has emerged in mystery film genre over the last few decades. On the one hand, it is an old story about a private detective; on the other – a new narrative, that fascinates the viewer with an extraordinary setting. This effect is provided by the intertextual links that the series forms with the texts of its surroundings. This article examines how various intertextual elements form the image of the “Roaring Twenties”, linking the cinema text with the ‘classic detective’, while at the same time referring to modern cinema. These challenges are reconciled through the image of the main character. The ironic play with the familiar texts produces a light atmosphere of the series, and the references to the fashion and art of the 1920s construct the illusion of the “reality” of Miss Fisher, who finds her own place in the canon owing to the connections with the world of a detective story.

Key words: adaptation, cinema text, Miss Fisher’s Murder Mysteries, intertextuality, authenticity

Создателей и зрителей современного кинодетектива все больше интересуют яркие, неординарные персонажи, знакомые и незнакомые одновременно. Адаптации, т. е. «старые истории», переосмысленные в новых контекстах, могут стать популярными во всем мире, как показывает опыт сериалов вроде «Доктора Хауса» (США, 2004–2012) и «Шерлока» (Великобритания, 2010–2017). Такие кинотексты вступают в диалог и с текстом-предшественником, и с другими текстами из своего ближайшего окружения, благодаря чему одновременно интригуют зрителя и дарят ему радость узнавания. Отсюда востребованность теории интертекстуальности в адаптационных исследованиях. Опираясь на введенное Ж. Женеттом понятие транстекстуальности и ее подвидов, развивают собственные методы изучения адаптации такие ученые, как Р. Стэм, Л. Хатчен, К. Ньюэлл. Своего рода девизом интертекстуального подхода можно считать следующее замечание Л. Хатчен: «Понимать адаптацию как *адаптацию* значит рассматривать ее как <...> совокупность цитат, отсылок и отголосков»¹.

Интертекстуальный подход применим не только ко всему тексту киноадаптации, но и к отдельным его элементам, в частности к персонажу. Следует отметить, что персонаж в адаптированном сериале представляет собой сложное явление, которое часто оказывается вне фокуса внимания исследователей. Разные аспекты персонажа интересовали Ю.М. Лотмана, Б. Макфарлейна и К. Уилкинса, однако мы обратимся к теории Й. Эдера². Его аналитическая схема «персонажных часов» представляет собой универсальный метод, который охватывает все уровни персонажа как текстового конструкта. Рассматривая персонаж как артефакт, вымышленное создание, символ и симптом, Эдер отмечает его взаимодействие со структурой текста, его телесные и ментальные особенности, связанные с ним темы и эффект, производимый им на зрителя, соответственно.

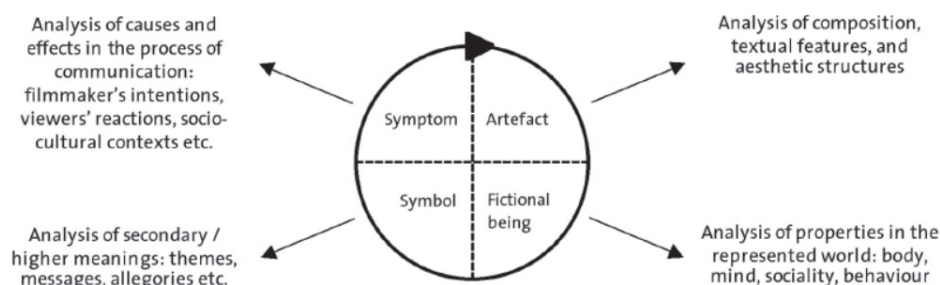

Рис. 1. Схема Й. Эдера «персонажные часы»

Для нашего исследования актуальной является категория «персонаж как артефакт», поскольку именно этот сегмент схемы позволяет обращать внимание на функции кинематографических средств в создании образа. Эта конструкция, реализуемая в мизансцене (актер, костюм, грим), работе камеры и звука, раскрывается в диалоге с другими образами, знакомыми зрителю.

Материалом нашего исследования интертекстуальных связей адаптированного текста стал сериал «Убийственные загадки для мисс Фишер» (Австралия, 2012–2015). Он основан на серии романов К. Гринвуд и представляет собой историчес-

¹ «To interpret an adaptation as an adaptation is, in a sense, to treat it as <...> a plural “stereophony of echoes, citations, references”» (Hutcheon L. A Theory of Adaptation. Routledge, 2012. P. 6).

² Eder J. Understanding Characters // Projections. 2010. Vol. 4. № 1. P. 16–40.

кий детектив об аристократке Фрайни Фишер, которая приезжает в Мельбурн и решает заняться частным сыском. Действие сериала происходит на исходе «ревуших» 1920-х, что влияет на систему интертекстуальных отсылок.

Взаимодействие кинотекста, посвященного определенной эпохе, с другими текстами сопряжено с несколькими проблемами. Во-первых, поле интертекстуальных элементов неоднородно, это обусловлено поликодовым характером кино как медиума: связи с другими произведениями искусства образуются на самых разных уровнях, от звука до мизансцены. Следовательно, необходимо разделить интертекстуальные элементы на однородные – насколько это возможно – группы, таким образом мы выявим функции систематически появляющихся элементов.

Мы будем рассматривать те интертекстуальные связи «Убийственных загадок...», которые представляют Фрайни Фишер как персонаж определенного жанра, принадлежащий определенному историческому периоду. Таким образом, интересующие нас интертекстуальные элементы можно разделить на следующие группы: 1) детали образа, вписывающие персонаж в традицию «классического» детектива; 2) визуальные составляющие, которые отсылают к современному жанровому кино; 3) акценты, соотносящие героиню с контекстом эпохи.

Вторая проблема, которая связана с интертекстом в адаптированном историческом сериале, – это проблема аутентичности. Персонаж адаптации всегда вариация некоторого предшествующего образа, и одно из зрительских ожиданий связано с тем, что экранный образ будет не только варьировать, но и повторять что-то уже знакомое по исходному тексту, поэтому одно из требований зрителя к персонажу адаптации – это «верность» предшествующему образу, имеющемуся в зрительском воображении, т.е. его аутентичность. Однако мы будем понимать аутентичность шире, чем соответствие условному оригиналу. На требование «подлинности», предъявляемое к экранному тексту, влияет весь комплекс зрительских знаний о воображаемом мире романа, описанной в нем исторической эпохе, социокультурном пространстве.

Нас будет интересовать эффект аутентичности, который создается за счет интертекстуальных элементов, включенных в образ персонажа, ведь образование и использование интертекстуальных связей – один из способов ответить на зрительский запрос «подлинности». Опираясь на работы К. Уилкинс и Д. Лее, мы определяем аутентичность как такую стратегию создания кинотекста, которая ориентирована на соблюдение достоверности изображаемого мира (исторической, психологической, бытовой). Соответственно, эффект аутентичности – это иллюзия такой достоверности. В случае «Убийственных загадок...» нас будет интересовать в первую очередь создание эффекта исторической аутентичности, о котором и будет сказано далее, хотя, конечно, проблематика аутентичности кино гораздо шире.

Обратимся к первой группе интертекстуальных элементов, связывающих персонажа с «классическим» детективом. Главный детективный персонаж, с которым соотносится образ Фрайни, – это Шерлок Холмс. Так, в течение сериала несколько раз возникают аллюзии на фильм «Шерлок-младший» (США, 1924). Например, револьвер с перламутровой ручкой, ставший знаковым атрибутом Фрайни, напоминает револьвер, который отбирают бандиты у героя Б. Китона. Учитывая, что само по себе оружие Фрайни – одна из исторических неточностей сериала (револьвер такой конструкции был создан компанией «Смит и Вессон» только

после Второй мировой войны)¹, можно сказать, что интертекстуальная отсылка становится *основой* для конструирования этого атрибута персонажа.

Рис. 2, 3. Кадр из фильма «Шерлок-младший» (1924) и промо-фотография к сериалу «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Другая аллюзия на «Шерлока-младшего» возникает в серии «Подставное убийство»: преступница решает избавиться от напарника, связав его киноплёнкой, что напоминает промо-фотографии к фильму 1924 г. Однако если герой Китона, скорее, маленький человек, запутавшийся в огромном сложном мире и отвергаемый обществом, то Джефферсон в «Убийственных загадках...» – мошенник, который выглядит жалким, умоляя сообщницу пощадить его.

Рис. 4, 5. Промо-фотографии к фильму «Шерлок-младший» (1924) и кадры из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Еще одно экранное воплощение образа знаменитого сыщика, к которому отсылают «Убийственные загадки», – это Шерлок, персонаж одноименного сериала BBC (Великобритания, 2010–2017). Например, сцена исследования мисс Фишер и инспектором Робинсоном места убийства в серии «Смерть и истерия» становится практически буквальной цитатой аналогичной сцены из «Этюда в розовых тонах» – первой серии «Шерлока». Следует отметить, что отсылка к «Шерлоку» присутствует и на уровне сеттинга (одинаковые позы и движения персонажей), и на уровне костюма (погибшие героини одеты в оттенки розового), и даже на уровне диалога (Фрайни по кольцам погибшей делает вывод, что она была в разводе). В сериале BBC в этой сцене раскрывалась невероятная скорость мышления Шерлока и его способность к дедуктивному анализу: герой за считанные минуты по мельчайшим, незаметным для других героев деталям устанавливал личность погибшей женщи-

¹ Hoins M. Miss Fisher's Murder Mysteries: 5 Things That Are Historically Accurate (& 5 Things That Aren't) / Screen Rant. 2019: [screenrant.com/miss-fishers-murder-mysteries-historically-accurate/](https://www.screenrant.com/miss-fishers-murder-mysteries-historically-accurate/) (дата обращения: 30.05.2023).

ны и подробности ее частной жизни. В то же время в «Убийственных загадках...» Фрайни делает схожие выводы по совершенно очевидным фактам, таким, как, например, отсутствие обручального кольца или ожоги на руке. Таким образом, «Убийственные загадки...» вступают в диалог с «Шерлоком» и демонстративно противопоставляют сложности и запутанности легкость и ироничность.

Рис. 6–8. Кадры из сериала «Шерлок» (2010–2017) и из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

случайно. Образы обеих героинь связаны с образом Луизы Брукс²: Фрайни напрямую подражает ей, а Миа копирует Анну Карина³, которая, в свою очередь, старалась быть похожей на звезду немого кино из-за своего мужа, Жана-Люка Годара, высоко ценившего таланты Брукс.

Нельзя не упомянуть и отсылки к современному детективно-авантюренному кинематографу, которые присутствуют в сериале. Так, в серии «Смертельный номер», посвященной иллюзионистам, Фрайни исполняет трюк «Побег из водяной камеры»; этот же трюк был коронным номером иллюзионистки Хенли Ривз в фильме «Иллюзия обмана» (США, 2013). В данном случае сериал не иро-

Также в сериале актуализируется его связь с современными популярными кинокартинами (вторая группа интертекстуальных элементов), в частности с криминальной драмой как «киноверсией» жанров сенсационного и бульварного романа. Например, постер «Убийственных загадок...» композиционно повторяет постер к «Криминальному чтиву» К. Тарантино (США, 1994). Следует отметить, что речь идет именно о цитате этого прецедентного текста, а не об отсылке ко всей культуре бульварного романа, так как при создании постера к фильму Тарантино данная культура была лишь одним из источников вдохновения для художника¹. Тем не менее, несмотря на схожесть деталей обоих постеров, «Убийственные загадки...» иронически подражают «Криминальному чтиву». Если Миа Уоллес, окруженная темными оттенками и четкими линиями, нарочито дерзка и сексуальна, то Фрайни насмешлива и игрива, что подчеркивается теплой цветовой гаммой изображения и мягким светом. Отметим также, что сходство причесок героинь, усиливающее узнаваемость отсылки, не-

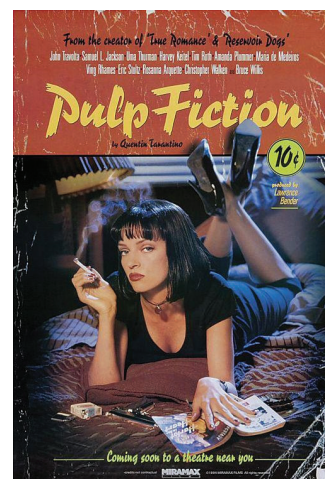

Рис. 9. Постер к фильму «Криминальное чтиво» (1994)

¹ Vinuesa J. A Fifty-year Old Guy from Quito Makes the World's Greatest Movie Posters // Medium. 2013: medium.com/@tocteman/a-fifty-year-old-guy-from-quito-makes-the-worlds-greatest-movie-posters-8e332b1ec80c (дата обращения: 17.09.2023).

² Модель, танцовщица, актриса немого кино, играла не только в голливудских, но и в европейских фильмах, «первый секс-символ Голливуда среди женщин» (Баитовая А.С. Мода и кино: 100 лет вместе. Как фильмы формируют тренды. М.: АСТ, 2022. С. 20), .

³ Howley K. Breaking, Making, and Killing Time in Pulp Fiction // Scope: An Online Journal of Film & TV Studies. 2004: filmogamy.wordpress.com/2011/03/03/breaking-making-and-killing-time-in-pulp-fiction/ (дата обращения: 17.09.2023).

нически «переворачивает» цитируемую сцену, а, наоборот, добавляет ей драматичности и напряжения: от героини-фокусницы зритель ожидает эффектного выступления и преодоления препятствий, в то время как неподготовленной Фрайни, которой к тому же мешает преступница, такой номер может действительно стоить жизни.

Также сериал апеллирует к кинематографическому канону изображаемой в нем эпохи – это третья группа интертекстуальных элементов. Во многом ориентиром для визуальной репрезентации персонажа стали звезды кино 1920-х гг., в частности Луиза Брукс. Одним из самых известных фильмов с ее участием является «Ящик Пандоры» (Германия, 1929), где она играет центрального персонажа Лулу, не то актрису, не то просто содержанку богатых мужчин. Лулу – амбивалентная героиня, которая меняет маски, играет с окружающими ее людьми и в итоге становится причиной их гибели. Она предстает перед зрителем то соблазнительной *femme fatale*¹, то шаловливым ребенком, то холодной и расчетливой интриганкой.

Рис. 10. Постер к сериалу «Убийственные загадки для мисс Фишер»

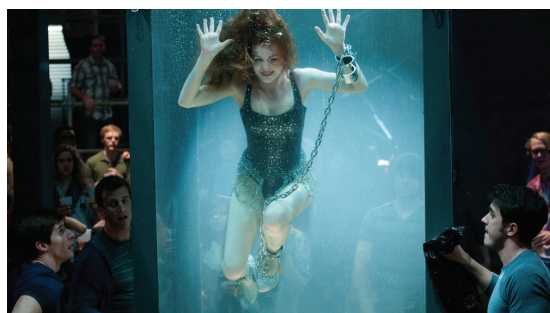

Рис. 11, 12. Кадры из фильма «Иллюзия обмана» (2013) из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Рис. 16, 17. Кадры из фильма «Ящик Пандоры» и из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

¹ *Wilmington M.* 'Pandora' a reminder of Louise Brooks mania // *Chicago Tribune*, 2006: www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-2006-10-13-0610130327-story.html (дата обращения: 17.09.2023).

Схожие противоположности сочетаются и в образе Фрайни Фишер: она может быть и аристократкой, и «своей девчонкой», и испуганным ребенком, и смелым детективом.

Благодаря костюму Фрайни оказывается связана еще с одной звездой «ревущих двадцатых» – Коллин Мур. Очевидно, что в фасоне и отделке некоторых платьев Фрайни прослеживается подражание костюмам Мур, в которых она запечатлена на дошедших до нас фотографиях. Такое подражание создает эффект аутентичности сериала: у зрителя возникает ощущение «подлинности» происходящего на экране за счет ярких визуальных деталей, знакомых ему из других источников.

Рис. 18. Промото-фотография к сериалу «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Рис. 19, 20. К. Мур (фотография примерно 1927 г.), промото-фотография к сериалу «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Некоторое количество интертекстуальных связей выстраивается между Фрайни Фишер и Бетти, героиней фильма А. Хичкока «Шампанское» (Великобритания, 1928). В целом этот фильм достаточно сильно повлиял на «Убийственные загадки...»: в характерах главных героинь есть немало сходств, а центральная интрига фильма Хичкока в несколько трансформированном виде эксплуатируется в третьем сезоне сериала. Тем не менее остановимся лишь на двух визуальных деталях, которые важны при

рассмотрении интертекстуальных связей. Во-первых, схожи фасоны летной формы, которую носят Бетти и Фрайни Фишер, хотя героиня Хичкока одета, очевидно, более практично, а Фрайни – более эффектно.

Рис. 21. Кадр из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Во-вторых, большие розовые веера, с которыми Фрайни выступает в серии «Очень скандальное убийство», напоминают веер, который берет с собой на светский ужин Бетти. Конечно, если детально рассмотреть эти аксессуары, станет очевидно, что они разные и перед нами снова скорее подражание, чем точное копирование, как и в случае с летной формой. Тем не менее для создания эффекта аутентичности в данном случае важнее становятся не детали, а ситуация, в которой появляются веера в обоих кинотекстах, и мотивы героинь, их использующих. И Бетти, и Фрайни бросают вызов окружающим, хотят шокировать общество, аксессуар для них – способ самовыражения, именно поэтому они выбирают большие кричащие ве-

ра из перьев. Таким образом, благодаря аксессуару, сопровождающему персонаж в конкретной ситуации и используемому с конкретным посылом, Фрайни предстает как аутентичная героиня 1920-х.

Рис. 22. К. Мур
(фотография примерно 1927 г.)

Рис. 23. Промо-фотография к сериалу
«Убийственные загадки для мисс Фишер»

Рис. 24, 25. Кадры из фильма «Шампанское» (1928)

Рис. 26. Промо-фотография к сериалу
«Убийственные загадки для мисс Фишер»

Еще один важный для образа эпохи кинотекст – фильм «Клеопатра» (США, 1934). К нему отсылает образ, который Фрайни выбирает для маскарада в серии «Убийство во тьме»: костюм героини похож на тот, который носит в фильме 1934 г. К. Кольбер, воплотившая образ Клеопатры. При этом нельзя сказать, что Фрайни копирует современных ей экранных персонажей, поскольку фильм «Клеопатра» вышел на несколько лет позже событий сериала. С одной стороны, данная интертекстуальная связь работает на создание атмосферы 1920-х с их дерзостью, а с другой стороны – усиливает драматизм серии. Зритель, знающий трагическую судьбу экранной Клеопатры, переживает саспенс, предполагая, что такая же судьба ожидает Фрайни.

Рис. 27–28. Кадры из фильма «Шампанское» (1928) и из сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер»

Таким образом, структура персонажа сериала «Убийственные загадки для мисс Фишер» представляет собой сложную систему оммажей и реминисценций и апеллирует к самым разным знаниям зрителя. Образ Фрайни Фишер построен на отсылках к стилю и узнаваемым образам кинозвезд, а также к знаковым фильмам 1920–1930-х гг., адаптированным или оригинальным детективам и криминальным драмам. Система аллюзий в сериале поддерживает стереотипный образ «ревущих двадцатых», сложившийся в мировой культуре, и таким образом Фрайни Фишер становится «подлинной» героиней эпохи, напоминающей одновременно о противоречивой Лулу из «Ящика Пандоры» и взбалмошной Бетти из «Шампанского». Кроме того, интертекстуальные связи позволяют персонажу претендовать на определенный статус в жанровом каноне. Фрайни – не просто частный сыщик или «крутой» детектив, она стоит на одной ступеньке с такими «звездами»,

Рис. 29. Постер к фильму «Клеопатра» (1934)

Рис. 30. Промо-фотография к сериалу «Убийственные загадки для мисс Фишер»

как Шерлок Холмс и Миа Уоллес, но при этом ее образ не исчерпывается соотношением лишь с одним из этих героев. Наконец, персонаж предстает не только как конструкт, сформированный в рамках текста самого по себе, но как общекультурный феномен, играющий с традицией и предлагающий ее ироническое переосмысление. Следовательно, благодаря интертекстуальным связям персонаж сериала завоевывает доверие зрителя, предлагая одновременно правдоподобный образ эпохи, привычные жанровые конвенции и легкое увлекательное зрелище.

КИНОТЕКСТЫ

«Убийственные загадки для мисс Фишер» (*Miss Fisher's Murder Mysteries*). Австралия, 2012–2015.

«Иллюзия обмана» (*Now You See Me*). США, Франция, 2013.

«Клеопатра» (*Cleopatra*). США, 1934.

«Криминальное чтиво» (*Pulp Fiction*). США, 1994.

«Шампанское» (*Champagne*). Великобритания, 1928.

«Шерлок» (*Sherlock*). Великобритания, 2010–2017.

«Шерлок-младший» (*Sherlock, Jr.*). США, 1924.

«Ящик Пандоры» (*Die Büchse der Pandora*). Германия, 1929.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Баштова А.С. Мода и кино: 100 лет вместе. Как фильмы формируют тренды. М.: АСТ, 2022. 240 с. / Bashtovaya A.S. (2022) Fashion and Cinema: 100 Years Together. How Movies Set Trends. Moscow. AST Publ. 240 p.

Виртатен М. Мода 1920-х – подиум и кинематограф: Лекция в рамках кинофестиваля «Хичкок: девять неизвестных». М.: Институт «Стрелка». 06.08.2014: vk.com/video5374851_169438926 (дата обращения: 17.09.2023) / Virtaten M. Fashion of the 1920s is Catwalk and Cinema: Lecture at the film festival “Hitchcock: Nine Unknowns”. Moscow. “Strelka” Institute. 06.08.2014.

Eder J. Understanding Characters. *Projections*. 2010. Vol. 4. No 1, pp. 16–40.

Hoins M. Miss Fisher's Murder Mysteries: 5 Things That Are Historically Accurate (& 5 Things That Aren't) / Screen Rant, 2019: screenrant.com/miss-fishers-murder-mysteries-historically-accurate/ (date accessed: 30.05.2023).

Howley K. Breaking, Making, and Killing Time in Pulp Fiction. *Scope: An Online Journal of Film & TV Studies*. 2004: filmonogamy.wordpress.com/2011/03/03/breaking-making-and-killing-time-in-pulp-fiction/ (date accessed: 17.09.2023).

Hutcheon L. (2012) *A Theory of Adaptation*. Routledge. 304 p.

Lees D. Cinema and Authenticity: Anxieties in the Making of Historical Film. *Journal of Media Practice*. 2016. Vol. 17. No 2–3, pp. 199–212.

McFarlane B. (1996) *Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation*. Oxford. Clarendon Press. 279 p.

Newell K. (2017) *Expanding Adaptation Networks: From Illustration to Novelization*. London. Palgrave Macmillan. 228 p.

Stam R. (2005) *Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation*. Blackwell. 359 p.

Vinueza J. A Fifty-year Old Guy from Quito Makes the World's Greatest Movie Posters. *Medium*, 2013: medium.com/@tocteman/a-fifty-year-old-guy-from-quito-makes-the-worlds-greatest-movie-posters-8e332b1ec80c (date accessed: 17.09.2023).

Wilmington M. 'Pandora' a Reminder of Louise Brooks Mania. *Chicago Tribune*. 2006: www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-2006-10-13-0610130327-story.html (date accessed: 17.09.2023).

Сведения об авторе:

Елизавета Алексеевна Орлова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta A. Orlova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olisava_orlova@mail.ru

Е.А. Халилова (Москва, Россия)

Особенности функционирования клитики *se* в испанском языке XIV в. на материале произведения Хуана Мануэля «Граф Луканор»

Аннотация: Несмотря на существование большого количества исследований, посвященных изучению клитики *se* в испанском языке, на данный момент не существует системных исследований элемента *se*, встречающегося в староиспанских текстах. В настоящей статье описываются значения клитики в тексте XIV в. на базе предварительно составленной классификации.

Ключевые слова: староиспанский язык, клитика, классификация *se*, значения *se*, Граф Луканор

Е.А. Khalilova (Moscow, Russia)

Function of the Clitic *se* in the Spanish of the 14th century (on the material of Juan Manuel's "Count Lucanor")

Abstract: Despite the existence of numerous studies dedicated to the analysis of the clitic *se* in the Spanish language, there is currently a lack of systematic research on the element *se* found in Old Spanish texts. This article provides a description of the functions of the clitic in a 14th-century text based on a previously developed classification.

Key words: Old Spanish language, clitic, classification of *se*, meanings of *se*, Count Lucanor

Для многих языков характерна полифункциональность определенных грамматических элементов, суть которой заключается в том, что грамматические значения не всегда имеют стандартное выражение при помощи одной и той же грамматической формы. Это означает, что есть «нагруженные» грамматические элементы, которые могут по-разному соотноситься с грамматическими значениями. К таким формам относится элемент *se*, имеющий различный и далеко не всегда очевидный грамматический статус.

Описание функционирования *se* – классическая тема исследований в области грамматики испанского языка. Большое количество работ посвящено разным аспектам, связанным с *se*, однако несмотря на широкую распространенность темы на данный момент остается множество нерешенных вопросов, связанных с ней. Например, не существует одной общепринятой исчерпывающей классифика-

ции элемента; сложность представляет отсутствие универсальной терминологии; полемичен вопрос функционирования *se* в исторической перспективе.

Традиционно считается, что к XIV в. староиспанский язык¹ достиг определенной целостности, чему во многом поспособствовала деятельность Альфонсо X Мудрого. В связи с отсутствием исследований, описывающих *se* в этот период, было принято решение рассмотреть функционирование элемента на материале одного из наиболее значимых текстов периода – произведения «El Conde Lucanor» дона Хуана Мануэля («Граф Луканор», 1335).

Для анализа значений клитики *se*², встречающихся в тексте «Граф Луканор» Хуана Мануэля, во-первых, была сформирована практическая классификация на основе работ испаноязычных грамматистов, которая послужила инструментом для анализа текста; во-вторых, все примеры с *se* были распределены по выделенным в классификации группам методом сплошной выборки. В настоящей статье кратко представим каждую из групп значений и опишем соответствующие примеры.

SE СИНТАКСИЧЕСКОЕ

Вслед за «Новой грамматикой испанского языка» мы предлагаем опираться на четырехчастную модель описания синтаксических значений и выделить *se* в активных, в средних, в безличных и в возвратно-пассивных конструкциях³.

1. *Se* в активных конструкциях. Внутри активных конструкций мы выделяем, с одной стороны, рефлексивные и реципрокальные конструкции, с другой – антипассивные.

Рефлексивные и реципрокальные конструкции с *se* характеризуются тем, что субъект одновременно является и агенсом, и пациенсом. Различие между этими группами значений заключается в том, что при рефлексиве референт агенса и пациенса совпадает, а при реципроке множество референтов выполняет две роли (агентивную и пациентивную) таким образом, что каждый референт является одновременно и агенсом, и пациенсом по отношению к другому референту⁴.

Рефлексив. Семантика глаголов, которые употреблены с рефлексивным *se* в тексте, достаточно широкая. Здесь встречаются глаголы, обозначающие изменение положения тела в пространстве, глаголы движения, глаголы психических проявлений и так называемые «глаголы ухода за телом» («*grooming-verbs*»). Среди глаголов «ухода за телом» обычно выделяют три классических примера – *vestirse*, *lavarse*, *afeitarse*⁵. В анализируемом тексте первый глагол встречается в рефлексивном употреблении. Важно, что *se* с этим глаголом встречается и в функции прямого дополнения (а), и в функции косвенного (б):

(a) *Et desde que llegó, díxol' el rey que se quería vestir, quel' fiziesse traer los paños.*

(b) *Un ángel tomó la semejança del rey et salió del vaño et vistióse los paños.*

¹ Под термином «староиспанский язык» понимается этап в истории развития испанского языка, условно охватывающий конец XIII – начало XIV в. Подробнее о терминах *la lengua española / el español*, *la lengua castellana / el castellano* см. в: Penny R. Gramática histórica del español. Barcelona, 1998.

² Отметим, что в связи с отсутствием одной принятой терминологии для обозначения *se* под термином «клитика» мы понимаем просодически и синтаксически несамостоятельную единицу, которая в одних случаях имеет общие характеристики со словоформой, в других – с морфемой.

³ Следуя направлению «Грамматики конструкций», под конструкцией мы понимаем широкий термин – синтаксическое целое, в состав которого входят объединенные в речи языковые единицы, сочетающиеся друг с другом благодаря присущим им грамматическим свойствам.

⁴ Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

⁵ Alexiadou A., Schaefer F. Towards a Non-uniform Analysis of Naturally Reflexive Verbs. Stuttgart, 2014.

Противоположный по значению глагол *desnudarse* употребляется в его староиспанском варианте *desnuyarse* (a), наряду с ним встречается глагол *descalçarse* (*descalzarse*) (b):

- (a) *Et desnuyóse et tomó un cubo de agua...*
- (b) *...dixo el rey a Ramaiquía que se descálçase.*

Глаголы изменения положения тела в пространстве нередко употребляются с рефлексивным элементом *se*. На примере одного из наиболее частотных глаголов *levantarse* обратим внимание на вариативность в положении *se* относительно глагола. С финитными (личными) формами встречается как препозитивное (a), так и постпозитивное положение клитики (b). Примечательно, что с инфинитивом (c) и в контекстах с повелительным наклонением (d) относительно стабильна позиция элемента и слитное написание с глаголом⁶.

- (a) *...dixo a un portero que y falló que dixiese al rey que se levántase.*
- (b) *Et desde que vio que lo non fazia, levántóse muy sañudo de la mesa...*
- (c) *Los fraires dizían que ellos avían de estudiar et de levántarse a matines.*
- (d) *Levántadvos et datme agua a las manos.*

Такая же вариативность в положении рефлексивного элемента наблюдается и у глагола *assentarse* (*sentarse*). Обратим внимание, что в приводимых ниже примерах, несмотря на то что глагол употребляется в идентичной форме (наклонение, время, лицо и число совпадают), позиция клитики различна:

- (a) *De que se assentaron, estaban parando...*
- (b) *Et desde que llegó la tarde assentáronse a comer.*

В некоторых случаях клитика в составе глагольной перифразы примыкает к неполнозначному глаголу, а не к смысловому. Такое явление типично и для глаголов другой семантики:

- (a) *...él metió mano a la espada e començóse a defender.*

Реципрок. Среди глаголов, выражающих физическое взаимовозвратное действие, одним из наиболее частотных является глагол *ayuntarse* – вышедшая из употребления форма глагола *juntarse* (*reunirse*). Как и в случае с рефлексивом, присутствует вариативность между препозицией (a) и постпозицией (b) клитики в финитных формах:

- (a) *...unos mis vezinos, que son más poderosos que yo, se andan ayuntando...*
- (b) *...fue a la corte del Papa, do se ayuntan todos los christianos.*

Примеры реципрокальных употреблений встречаются и у глаголов *verse* (a) и *legarse* (b). Интересно, что только один раз за весь текст выражающая возвратное значение клитика *se* сопровождается лексическим маркером, указывающим на взаимонаправленность действия (b):

- (a) *Cuando los cavallos se vieron en el corral...*
- (b) *...començaron a tremar et poco a poco fuéronse legando el uno al otro.*

В тексте присутствуют реципрокальные примеры и на глаголы, выражающие психическое взаимовозвратное действие – *quererse*, *amarse*, *avenirse* (в значении *entenderse*).

⁶ Всего несколько раз в тексте встречается препозиция клитики с глаголом в форме инфинитива, один из случаев: *Et estando así çiego et pobre, vino a él otro çiego que morava en aquella villa, et dixo le que fuessen amos a otra villa çerca daquella et que pidrian por Dios et que avrian de qué se mantener et govarnar.*

Антипассив. Антипассив имеет разную интерпретацию в научном сообществе: его называют отдельным залогом, надзалоговой категорией, расценивают как один из вариантов среднего залога или активного залога. Мы называем антипассив одним из вариантов реализации активных конструкций. Он характеризуется обратной пассиву синтаксической структурой: субъект (подлежащее) имеет роль агенса, а объект понижен в ранге – он либо отсутствует, либо вводится при помощи предлога. Исследование подтвердило тезис о том, что антипассивные конструкции имеют ограничение на употребление определенных глаголов; как правило, это лексемы, которые выражают эмоциональную и психическую оценку.

В анализируемом тексте в антипассиве употребляются глаголы, выражающие как положительную психическую реакцию (а), так и отрицательную (b). Обратим внимание, что объект в приведенных примерах вводится при помощи предлога *de*.

(a) ...*non quieren perder el tiempo que Dios les da, pues se pueden aprovechar de* 'l.

(b) ...*et que se rezelava mucho daquela ida*.

2. Se в медиальных (средних) конструкциях. Конструкции с *se* в среднем (медиальном) залоге имеют своей отличительной особенностью то, что референт подлежащего не сам выполняет обозначаемое действие, но действие направлено на него, т. е. субъект не осуществляет прямой контроль над развивающимся внутри него действием и имеет роль пациенса или экспериенцера. В медиальном залоге агенс не выражается. В тексте были найдены два контекста, которые можно отнести к медиальным:

(a) *Muchas culuebras et lagartos et sapos que se crían en los lugares yermos.*

(b) ...*cuanto aquella manera el fisico más se quemasse, más se desecarié...*

3. Se в безличных конструкциях. Имперсональные конструкции отличаются от остальных отсутствием выраженного грамматического субъекта и употреблением непарадигматической клитики *se* исключительно перед глаголом в форме третьего лица единственного числа. Примеров, которые бесспорно можно было бы отнести к группе безличных употреблений, в тексте не очень много, но они встречаются:

(a) *Pero non se podía excusar de tomar muy grant daño...*

(b) *Et cuando viene la lluvia et se moja, el pan comiença de naçer.*

4. Se в возвратно-пассивных конструкциях. Так называемая конструкция *pasiva refleja* выражает то же значение, что и пассивная перифрастическая конструкция *ser + participio*. Глагол в возвратно-пассивной конструкции согласуется с подлежащим, выполняющим роль пациенса, и, в отличие от глагола в составе безличной конструкции, может употребляться как в форме единственного, так и в форме множественного числа. В анализируемом тексте, как и в современном испанском языке, агентивное дополнение в примерах может быть как выражено (а), так и не выражено (b):

(a) ... *aquellas (cosas) deve omne tener que pues se fazen por voluntad de Dios.*

(b) *Se mataron aquel día la mayor parte de cuantos eran en aquella villa.*

Спорные случаи impersonal / pasiva refleja

Особый интерес, на наш взгляд, представляют случаи, которые могут иметь двойную трактовку: в некоторых примерах существительное при глаголе может трактоваться либо как дополнение – такой контекст будет считаться имперсональной конструкцией, либо как подлежащее – конструкция будет считаться возвратно-пассивной:

(a) ... *et fizo estos viesos en que se pone la sentençia de los exiemplos.*

(b) *Patronio, porque yo sé que la muerte non se puede excusar (evitar).*

SE ЛЕКСИЧЕСКОЕ

Вторую группу объединяет то, что *se* здесь выполняет не синтаксическую, а лексическую функцию. В связи с отсутствием у *se* в таких конструкциях явной синтаксической функции некоторые исследователи предлагают термин *se abundante*⁷ (*se* избыточное). Для таких конструкций с лексическим *se* вслед за Аларкосом Льораком⁸ делим значения на две группы: *se* внутреннее и *se* внешнее⁹.

1. *Se* внутреннее. Под *se* внутренним нами понимаются контексты, в которых *se* может считаться частью глагольной лексемы.

***Se* в исключительно прономинальных глаголах.** В эту группу мы относим глаголы, которые никогда не употребляются без *se*. Как исключительно прономинальные в тексте используются *quejarse* (a), *arrepentirse* (b), *atreverse* (c), *atenerse* (d) (обратим внимание, что в последнем примере с одним и тем же глаголом в финитной форме – препозитивное положение клитики, в инфинитиве – постпозитивное):

(a) *Deste aquexamiento se quexó mucho el Papa...*

(b) *Si con rebato grant cosa fazierdes, ten que es derecho si te arrepentieres.*

(c) *... ca él non se atrevía a dezir que él non veía el paño.*

(d) *... era buen seso atenerse omne a las cosas çiertas et non a las vanas fuzas, ca muchas vezes a los que se atienen a las fuzas...*

Также как исключительно прономинальные в тексте используются глаголы *marabillarse* (*ver con admiración*) (a), *pagarse* (*aficionarse*) (b) и *despagarse* (*descontentar*) (c):

(a) *El hermitaño se marabilló ende mucho, et preguntól' cómo podía esto seer.*

(b) *Et porque don Johan se pagó mucho deste exiemplo, fizolo poner en este libro.*

(c) *... dirían que lo fazíades con mengua de coraçón et vos despagávades de bevir.*

На примере частотного исключительно прономинального глагола *quejarse* можно проследить нестабильность в положении клитики. Встречатся как препозитивное (a и c), так и постпозитивное положение клитики (b); клитика может быть непосредственно рядом с глаголом (a и b, в b – контактное положение) или быть разделенной с глаголом другим словом (c):

(a) *E el rey se quexó e le pesó desto mucho...*

(b) *Et don Illán quexósse ende mucho...*

(c) *... que se non quexasse nin se arrebatasse fasta que sopiesse toda la verdat.*

***Se* семантическое.** Ко второй группе *se* внутреннего мы относим глаголы, которые при употреблении без *se* имеют другое значение. В данном случае, безусловно, нельзя говорить о том, что во всех глаголах происходит полная смена денотативного значения: в одних случаях изменение значения более очевидное, в других – менее очевидное и может расцениваться как метафорический перенос. Так, к этой группе мы относим встретившиеся в тексте глаголы *espedirse* (*despedirse*) (a), *acordarse* (b), *gob(v)ernarse* = *alimentarse* (c), *arreatarse*¹⁰ = *ponerse furioso* (d):

(a) *... espedióse de'l, et solamente nol' quiso dar el Papa que comiese por el camino...*

(b) *Quisiéralos matar luego, pero acordándose del seso que costara una dobla...*

⁷ Llorach E.A. Valores de se en español // Archivum: revista de la Facultad de Filosofía y Letras. T. 18. Universidad de Oviedo, 1968. P. 22.

⁸ Там же.

⁹ В терминах Льорака – *se intrínseco* и *se extrínseco* соответственно.

¹⁰ За исходное первое значение *arreatar* мы принимаем первое определение, данное в словаре RAE: *quitar con violencia y fuerza*.

(c) ... *ovóse a tornar a roer et a tajar et a **governarse** de las raízes del árbol...*

(d) ... *pero por el seso que conprara non **se arrebató**.*

2. Se внешнее. В эту группу мы относим такие контексты, в которых *se* не может считаться частью глагольной лексемы, не меняет денотативное лексическое значение глагола и является опциональным элементом, привносящим коннотативное значение.

Наиболее часто с опциональным *se* в тексте встречаются глаголы движения – *partirse* (a) (любопытно, что клитика с этим глаголом всегда в препозиции), *venir-se* (b), (*a*)*llegarse* (c) (интересно, что во втором примере опциональное *se*, которое часто интерпретируется как маркер, усиливающий перфективность, употребляется с имперфективным временем):

...*que era su voluntad de **se partir** desta tierra et non tornar a ella.*

*Et luego que el privado **se partió** del rey, fuese para aquel su cativo...*

...*et por ende **vínose** para Toledo para aprender de aquella sciencia...*

*Et veyendo el mal que avía reçebido **vínose** para mí.*

...*et todos los que a ella **se allegaron** eran muy mal andantes...*

*et el que menos **se llegava** a ella et menos sabía de la su arte.*

Помимо глаголов движения с *se* внешним встретились глаголы *morirse* и *trabajarse*. Примечательно, что в современном языке первый глагол часто используется с *se*, в то время как второй – нет.

Подводя итог, отметим, что любопытным кажется факт частого употребления аспектуального *se* в тексте XIV в. Особый интерес вызывает положение клитики по отношению к глаголу. Выдвинутое предположение о нестабильности позиции клитики подтвердилось примерами: в одинаковой синтаксической позиции в идентичных глагольных формах клитика спорадически занимает препозитивное или постпозитивное положение. Важным выводом настоящей работы является подтверждение гипотезы о существовании в XIV в. всех современных значений клитики *se*, выделяемых в рамках составленной классификации. То есть уже в XIV в. можно говорить о широкой полифункциональности элемента.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Карпова Ю.А. История испанского языка от истоков до первых памятников. М.: Наука, 2020. 176 с. / *Karpova Y.* (2020) History of the Spanish Language: From the Origins to the First Testimonies. Moscow. Nauka Publ. 176 p.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 797 с. / *Testelelets Ya.* (2001) Introduction to General Syntax. Moscow. Russia State University for the Humanities Press. 797 p.

Alexiadou A., Schaefer F. Towards a Non-uniform Analysis of Naturally Reflexive Verbs // Proceedings of the 31st West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by Robert E. Santana-LaBarge. Somerville, MA, 2014. P. 1–10.

Cano Aguilar R. (1988) El español a través de los tiempos. Madrid. Arco/Libros. 326 p.

Llorach E.A. Valores de *se* en español. In: Archivum: revista de la Facultad de Filosofía y Letras. T. 18. Universidad de Oviedo, 1968. P. 21–28.

Penny R. (1998) Gramática histórica del español. Barcelona. Editorial Ariel. 384 с.

Сведения об авторе:

Екатерина Александровна Халилова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Khalilova,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kkkkhalilova@mail.ru

Библиографии

Bibliography

М.М. Громова (Москва, Россия)

**Радуле Стийенский (1901–1966).
Библиография публикаций на русском языке. Часть 1**

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

**Radule Stijenski (1901–1966).
Bibliography of Russian-language Publications. Part 1**

Библиография охватывает публикации на русском языке советского писателя, поэта, драматурга югославского происхождения Радуле Стийенского (1901–1966, настоящее имя Радуле Маркович) и посвященные ему русскоязычные публикации.

Радуле Стийенский родился в черногорской деревне Стийена Пиперска, в честь которой позже взял псевдоним. Племянник Вукашина Марковича (1874–1943) – известного югославского коммуниста, участника Октябрьской революции, жертвы сталинских репрессий. Характерно, что в официальной биографии Стийенского в журнале «Детская литература» В. Маркович не упоминается, а дядя-большевик фигурирует под именем Милутин [Гершензон 1940: 39–40].

После участия в черногорском восстании 1921 г. Радуле Стийенский был заключен в тюрьму. В 1927 г. эмигрировал в СССР, вступил в ВКП(б). С 1934 г. активно печатался. Во время Великой Отечественной войны работал во Всеславянском комитете, публиковался в печатном органе комитета – журнале «Славяне», занимался радиовещанием на сербскохорватском языке. Его стихотворения печатались во многих журналах и поэтических сборниках, входили в репертуар артистов Всесоюзного гастрольного концертного объединения, печатались в журналах «Молодая гвардия», «Красная новь», «Интернациональная литература», в газете «Известия». Советскими композиторами были положены на музыку его стихи «Беглянка» (М.В. Коваль, 1942), «Слава» (В.Г. Шафранников, 1947), «Соколиное племя» (М. Грачев).

Его речи в стихах на Всеславянских митингах в Москве 1941 и 1942 гг. публиковались также в газетах «Правда» и «Советское искусство», журналах «Смена», «Краснофлотец», «Красноармеец», «Славяне» и др. Слушатели Всеславянских митингов особо отмечали выступления Стийенского. Так, историк Геннадий Раевский в дневниковой записи от 31 августа 1941 пишет: «Был в Парке Культуры. Слушал митинг славянский. <...> Понравились стихи черногорца Радуле Стийенского. Даже слезы навертывались, когда он говорил “мама, мама!”» [Раевский 2012: 168].

В 1947 г., сохранив советское гражданство, Стийенский преподавал русский язык и литературу в Исторической высшей педагогической школе в г. Цетине (Черногория). Вскоре вернулся в СССР, где печатался до самой смерти в 1966 г. преимущественно как прозаик-романист.

На русском языке опубликованы многочисленные стихотворения Стийенского, пьеса «Дорога на Златибор» (1943), поэмы «Петр Дабшевич» (1943), «Освета (Мечь)», «Спужская крепость» (1944), исторический роман в трех томах «Очаг свободы» (1955–1966), сборники «Колыбель юнаков» (1945), «Песни. Стихотворения. Поэмы» (1959), «Следы на песке» (1966), «Последний ветер» (1968, посмертно). Архив Радуде Стийенского (в частности, рукописи его неопубликованных романов) хранится в РГАЛИ.

Стийенский – единственный автор югославского происхождения, чьи художественные произведения публиковались для детской и юношеской аудитории в дооттепельном СССР. Для этой аудитории изданы его сборники «Черногорские сказки» (1937, 1939), «Белый камень» (1942, 1943), «Моя песня» (1942), «Зеленый меч» (1945), «Волшебные гусли» (1957), роман «Костер» (1941). В 1936–1946 гг. многие стихотворения, позднее вошедшие в поэтические сборники, были опубликованы в центральных детских журналах «Пионер» и «Костер».

В то же время это единственный советский писатель, который создавал образ Югославии для тех, чье детство и юность пришлись на период тридцатых-сороковых. Так, по словам академика О.Н. Трубачева (1930–2002), именно творчество Стийенского пробудило в нем интерес к славянам: «зачатки интереса к славянству <...> заронили хорошие книги. <...> перед самой войной мне встретились в детском журнале и запомнились эпические стихи черногорского поэта Радуде Стийенского. Я хранил о них теплое воспоминание долго и бережно» [Трубачев 1984: 15].

Центральная тема произведений Стийенского – родная Черногория, предельно романтизированная и героизированная. Излюбленный персонаж – черногорский дед-сказитель. Подобного деда (только русского) он сделал центральным персонажем своей «Колхозной оратории» 1936 г., за что его журили советские критики [Гершензон 1940: 41]. Черногорская патриархальность Стийенского тут не совпала с советскими представлениями о людях старшего поколения, которые не способны проникнуться идеями славного настоящего и недостойны жить в идеальном будущем. Тем не менее в 1943 г. в оратории Стийенского «Соколиное племя» вновь появляется «дед-славянин».

Помимо приключений вымышленных героев, он восхвалял югославских партизан и Тито (во время советско-югославского конфликта страницы с этими стихотворениями были вырезаны из библиотечных экземпляров). Не ограничиваясь нишевой героикой, он также прославлял идею славянского единства, советские колхозы, ВДНХ, Ленина и Сталина.

Пользуясь положением единственного поэта-черногорца в СССР, Стийенский сделал черногорскую экзотику своим брендом. Многие его произведения написаны в традиционном героико-эпическом жанре юнацкой песни (*јуначка песма*). Позже он исполнял их в манере балканских сказителей – под аккомпанемент южнославянских смычковых гуслей.

Переводчики, в свою очередь, сделали ставку на форенизацию, оставив неперевожденными огромное количество экзотизмов. Многие переводы сопровождают

ся словариком, а издание «Колхозной оратории» снабжено двадцатистраничными «пояснениями к переводу» [Штейнберг 1936].

Постоянными переводчиками поэзии Стийенского были известные поэты Арсений Тарковский (1907–1989) и Аркадий Штейнберг (1907–1984). Вопрос о существовании подлинников их переводов из Стийенского остается дискуссионным [Нерлер 2020; Земскова 2022]. Совместный перевод первой части поэмы Стийенского «Партизаны на Дурмиторе» (1935) положил конец дружбе Тарковского и Штейнберга и их совместной работе над переводами (иную версию охлаждения их отношений, также связанную с переводами Стийенского, см. [Липкин 2008: 253–254]). На протяжении последующих двух лет Стийенского переводил исключительно А. Штейнберг. В 1937 г. он был арестован по доносу Стийенского и осужден на восемь лет, но в 1939 г. мать Штейнберга добилась пересмотра дела, и приговор был отменен [Нерлер 1997; Бугаевский 2008: 52–56, Бычков 2017].

Также в разное время произведения Стийенского переводили В.Н. Лобода (1915–1944), М.И. Алигер (1915–1992), Б.И. Ивантер (1904–1942), М.А. Гершензон (1900–1942), П.А. Радимов (1887–1967), Н.С. Белинович (1908–1962), В.В. Левик (1907–1982), М.А. Тарловский (1902–1952), И.Н. Строганов (1913–1975) и др.

Последняя публикация Стийенского на русском языке – сборник избранных стихотворений «Последний ветер» – вышла через два года после его смерти, в 1968 г.

В воспоминаниях и исследованиях, опубликованных в постсоветскую эпоху, Стийенский представлен доносчиком, а его поэтическое творчество рассматривается как литературная мистификация Тарковского и Штейнберга (возможно, повлияли на это и гусли Стийенского, неизбежно ассоциирующиеся с псевдобалканскими «Гусями» Мериме).

При этом авторы публикаций обходят стороной вопрос авторства больших прозаических форм и поздних стихотворений. До сих пор не исследована биография Стийенского, парадоксы которой могли бы представлять определенный интерес для исследователей советско-югославских отношений. Так, в известных нам публикациях никак не прокомментированы семь лет творческого молчания Стийенского (с момента эмиграции в СССР до выхода первой публикации) и отсутствие репрессивных мер во время его пребывания в Югославии в статусе советского гражданина в период советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.

Мы ограничиваемся задачей по возможности полно представить публикационную активность Стийенского на русском языке и упоминания о нем в русскоязычной печати.

1934

Стийенский Р. За советскую Черногорию. Очерки революционного движения в Черногории. [М.]: Молодая гвардия, ОГИЗ, 1934. 93, [1] с.

Стийенский Р. Не забудем! [о гибели шести секретарей ЦК Югославского комсомола]. М.: Молодая гвардия, ОГИЗ, 1934. 64 с. (15 лет КИМ.)

Стийенский Р. Отец и сын. Стихи / Пер. А. Ромма // Молодая гвардия. 1934. № 8. С. 50.

Стийенский Р. Черногорский чабан / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга // Молодая гвардия. 1934. № 7. С. 53–54.

1935

- Стийенский Р.* Абиссинии. Стихи / Пер. А. Штейнберга // Известия. 1935. 3 окт.
- Стийенский Р.* Абиссинии // За тяжелое машиностроение. 1935. № 255 (876). 7 нояб. С. 5.
- Стийенский Р.* День в колхозе. Стихи / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга // Известия. 1935. 3 февр.
- Стийенский Р.* Могила юнака. Стихи / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга // Красная новь. 1935. № 5. С. 112–113.

Стийенский Р. Партизаны на Дурмиторе. Стихи / Авториз. пер. с сербск. А. Тарковского, А. Штейнберга. Худож. А. Усачев. М.: Гослитиздат, 1935. 161, [2] с.

Содержание: Стражары на Дурмиторе. 1. Чабан. Сады Черногории. Хоровод в горах. Песня о сиром юнаке. Князь-озеро. 2. Похороны Милована. Мать Милована. Могила юнака. На смерть Дьюро Дьяковича. 3. Облава. Перекличка волков. Лешкопольская битва. 4. Убежище. 5. Хандра. Самаркандская долина. Колхоз «Авангард». 6. Кубок. Хочу песню.

1936

- Стийенский Р.* Винтовка. Стихи / Пер. А. Штейнберга // Красная новь. 1936. № 6. С. 57–58.
- Стийенский Р.* Ибрагим Онагоста / Пер. с сербск. А. Тарковского. Худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1936. № 11. С. 5–9.

Стийенский Р. Колхозная оратория / Пер. с сербск. и пояснения к пер. А. Штейнберга; ред. и вступ. статья Корнелия Зелинского; худож. А. Усачев. М.: Советский писатель, 1936. 140, [3] с.

Содержание: *Зелинский К.* О Радуле Стийенском. *Штейнберг А.* Пояснения к переводу. *Стийенский Р.* Колхозная оратория. Деревенское кладбище. Песня старика-колхозника. Хор соловьев. Вторая песня старика. Соловьи. Третья песня старика. Соловьи. Песня красного партизана. Хор колхозников-учеников. Полдень. Пожилой пастух поет. Песня первой бригады колхоза «Большевик». Песня Федора Ивановича Иванова. Сумерки. Колыбельная песня. Песня Радуле Стийенского.

Стийенский Р. Обрен Самораный / Пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1936. № 6. С. 8–15.

Стийенский Р. Партизаны на Дурмиторе. Стихи. Кн. 2 / Авториз. пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. А. Усачев. М.: Художественная литература, 1936. 326 с.

Содержание: Песни Сирого Юнака. Расцвели гранаты и черешни. По горным тропинкам. На ветхой скамье. В тумане. Прошло двадцать лет. Сажали девушки цветы. Дряхлый дуб. Черногорские сказки дедушки моего Милича Пипера. Стародавняя песня. На рассвете. Сказка про Тошу. Сказание о Шого Шогонице и одноглазом диве. Девичий бор. Разные стихотворения и песни. Коммунистической партии Югославии. Черногория – вечная слава. Милун Божович. Он сошел. Эпитафия на могиле партизана Миличковица. Могила Милана Вукашиновича. Другу. Винтовка. Моя рука. Абиссинскому народу. Колхозная оратория. Разгром Кадичей.

Стийенский Р. Песня о шести. Стихи / Пер. А. Штейнберга // Молодая гвардия. 1936. № 9. С. 113–115.

Стийенский Р. Стародавняя песня. Сказка про Тошу / Пер. А. Штейнберга; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1936. № 3. С. 3–7.

Стийенский Р. Расцвели гранаты и черешни... (Из «Песен сирого юнака») / Пер. А. Штейнберга // Молодая гвардия. 1936. № 5. С. 57–59.

1937

Стийенский Р. Вук Стойович / Пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1937. №2. С. 26–29.

Стийенский Р. Испанскому народу (Стихи) / Пер. А. Штейнберга // Интернациональная литература. 1937. №5. С. 51–52.

Стийенский Р. Моя песня [Стихи] / Пер. М. Голодного, А. Тарковского и А. Штейнберга. М.: Журн.-газ. объединение, 1937. 48 с. – Библиотека «Огонек» №2(989).

Содержание: Моя песня / Пер. А. Штейнберга. Чабан / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Морача / Пер. М. Голодного. Коммунистической партии Югославии. Винтовка. Абиссинскому народу / Пер. А. Штейнберга. Сады Черногории. Могила юнака. Кубок. Хочу песню. Облава / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга.

Стийенский Р. О Дюре Рашовиче и царице Ирине безумной / Пер. с сербск.; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1937. №11. С. 3–9.

Стийенский Р. Сказание о Шого Шогонице и одноглазом диве / Пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. Б. Семенов // Костер. 1937. №7. С. 10–20.

Стийенский Р. Сказка про Тошиного сына / Пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1937. №5. С. 1–4.

Стийенский Р. Черногорские сказки / Пер. с сербск. А. Штейнберга; худож. В.И. Таубер. М.; Л.: Детиздат, 1937. 79 с.

Содержание: Читателям. Стародавняя песня. Сказка о Тоше. Сказание о Шого Шогонице и одноглазом диве. Девичий бор. Обрен Самораный. Сказка про кесаря Дукляна и пророка Илию, черногорского делию.

Рец.: Дейч А. «Черногорские сказки» (Р. Стийенский, «Черногорские сказки») // Детская литература. 1937. №16. С. 11–13.

1938

Стийенский Р. Песня о битвах Ивана Дундича с контрашами и о смерти его в сражении под Ровно. Мать ждет. Стихи / Пер. А. Тарковского // Интернациональная литература. 1938. №10. С. 98–100.

Стийенский Р. Поход / Пер. с сербск. В. Лободы; худож. И. Шабанов // Костер. 1938. №7. С. 1–5.

Стийенский Р. Сказка о славном Дюро Рашовиче / Пер. с сербск. М. Алигер; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1938. №8. С. 61–71.

1939

Стийенский Р.М. Ленин. Стихи / Пер. с сербск. А. Тарковского; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1939. №5. С. 3–5.

Стийенский Р. Новая Родина. Мысли после осмотра Всесоюзной сельскохозяйственной выставки / Пер. с сербск. А. Тарковского; худож. И. Шабанов // Костер. 1939. №11–12. С. 17–19.

Стийенский Р. Песня о народном герое. Стихи / Пер. А. Тарковского // Красная новь. 1939. №1. С. 22–25.

Стийенский Р. Радоица Никшевич / Пер. с сербск. В. Лободы; худож. И. Шабанов // Костер. 1939. №6. С. 1–4.

Стийенский Р. Сельскохозяйственная выставка. Стихи / Пер. А. Тарковского // Красная новь. 1939. № 12. С. 112–114.

Стийенский Р.М. Сказка деда Радоје о Даниле Верном, лунном коваче, рассказанная вечером у костра / Пер. А. Тарковского; худож. Ю. Кискачи // Пионер. 1939. № 4. С. 53–57.

Стийенский Р. Черногорские сказки / Пер. с сербск.; худож. И. Шабанов. М.; Л.: Детиздат, 1939. 304 с. (Для ср. и ст. возраста.)

Содержание: К читателям – Радуле Маркович Стийенский. Стародавняя песня. Обрен Самораный. Сказание о Шого Шогонице и одноглазом диве. Радоица Никшевич. Вук Стойович. Происхождение Мирко. Анто Пайов. Поход / Пер. В.Н. Лободы (Кедрова). Ибрагим Онагоста / Пер. А.А. Тарковского. Сказка о Тоше. Сказка о Тошином сыне. Сказка про кесаря Дукляна и пророка Илию, черногорского делию. Девичий Бор. Сказание о Дюро Рашовиче. Запевка. Предупреждение. О Дюро Рашовиче и царице Ирине Безумной. Сказка о славном царствовании Дюро Рашовича / Пер. М.И. Алигер. Дюро и его брат Павле / Пер. Б.И. Ивантера. Сказка о женьтибе Дюро Рашовича. Сказка о Дюро Рашовиче и вилах. Сказка об охотничьих подвигах Дюро Рашовича / Пер. М.И. Алигер. Сказка о том, как Дюро Рашович торговлю вел. Присказка о том, как Дюро Рашович землю пахал / Пер. М.А. Гершензона. Сказка о монастыре Дюро / Пер. Л.Н. Улина. Путешествие Дюро по родным местам. Необычайные странствия Дюро / Пер. В.Н. Лободы (Кедрова). Притча о предпоследнем приключении Дюро / Пер. Л.Н. Улина.

Рец.: *Азаров В.* Стийенский, Р. М. Черногорские сказки. – Детиздат. 1939 г. // Звезда. 1940. № 7. С. 213–214.

Стийенский Р. Явь, созданная Сталиным (После осмотра Сельскохозяйственной выставки) [Стихи] / Пер. А. Тарковского // Интернациональная литература. 1939. № 12. С. 21.

1940

Стийенский Р. Стражиште [Стихи и сказки] / Пер. с сербск. М.: Гослитиздат, 1940. 236 с. (Для ср. возраста.)

Содержание раздела «Черногорские сказки»: Ибрагим Онагоста / Пер. А. Тарковского. Сказание и притча о Дюро Рашовиче. Запевка. Предупреждение. О Дюро Рашовиче и царице Ирине Безумной / Пер. А. Штейнберга. Сказка о славном царствовании Дюро Рашовича / Пер. М. Алигер. Дюро и его брат Павле / Пер. Б. Ивантера. Сказка о женьтибе Дюро Рашовича. Сказка о Дюро Рашовиче и вилах. Сказка об охотничьих подвигах Дюро Рашовича / Пер. М. Алигер. Сказка о том, как Дюро Рашович торговлю вел. Присказка о том, как Дюро Рашович землю пахал / Пер. М. Гершензона. Сказка о монастыре Дюро / Пер. Л. Улина. Путешествие Дюро по родным местам. Необычайные странствия Дюро / Пер. В. Лободы (Кедрова). Притча о предпоследнем приключении Дюро / Пер. Л. Улина.

1941

Стийенский Р. Балканской молодежи¹ [Речь в стихах, произнесенная на Всеславянском митинге в Москве 10 августа 1941 г.] / Пер. с сербск. А. Тарковского // Военные стихи. М.: Правда, 1941. С. 30–33. – Библиотека «Огонек» № 52.

Стийенский Р. Балканской молодежи / Пер. с сербск. А. Тарковского // Вестник Академии наук СССР. 1941. № 7–8. С. 14–16.

Стийенский Р. Бой над городом Цетинье. Стихи / Пер. А. Тарковского // Интернациональная литература. 1941. № 9–10. С. 92–93.

Стийенский Р. Говорливый камень. Черногорская сказка // Пионер. 1941. № 7–8. С. 56–59.

Стийенский Р. «Живио Сталин!» (Заметка) // Советское искусство. 1941. 21 авг. № 33(768). С. 1.

¹ Другое название – «Молодежь балканская, к оружию!»

Стийенский Р. Костер. Роман / [Пер. не указан]. Худож. В. Таубер. М.; Л.: Детиздат, 1941. 256 с. (Для ст. возраста.)

Рец.: Бабушкина А. «Костер» Радуге Стийенского // Детская литература. 1941. №5. С. 36–38.

Стийенский Р. Которская бухта. Стихи // Красноармеец. 1941. №23–24. С. 24.

Стийенский Р. Балканской молодежи / Пер с сербск. А. Тарковского // Правда. 1941. 11 авг. №221(8629). С. 3.

Стийенский Р. Молодежь балканская, к оружию! // Красный флот. 1941. 12 авг. №188(842). С. 3.

Стийенский Р. Молодежь балканская, к оружию! [Фрагмент] // Советская Сибирь. 1941. №190(6759). 13 авг. С. 1.

Стийенский Р. Молодежь балканская, к оружию! [Фрагмент] // Восточно-Сибирская правда. 1941. №191. 14 авг. С. 1.

Стийенский Р. Молодежь балканская, к оружию!.. / Пер. А. Тарковского; худож. Ю. Цишевский // Смена. 1941. №10. С. 14.

Стийенский Р. Он вел нас в бой¹ / Пер. с сербск. А. Тарковского // Ленин в поэзии. Стихотворения, поэмы, песни, народные сказы / Сост. А. Адалис, Л. Белов. М.: Художественная литература, 1941. С. 171–176.

Стийенский Р. Ответ на письмо матери / Пер. с серб. А. Тарковского // Красноармеец. 1941. №17. С. 19.

Стийенский Р. Партизанские песни. М.: ОГИЗ, 1941.

Рец.: Макаров И. Песни партизан // Новый мир. 1941. №9. С. 182–183.

Стийенский Р. Полякам [Стихи] / Пер. с сербск. А. Тарковского // Октябрь. 1941. Кн. 9–10. С. 5–6.

Стийенский Р. «Пусть расскажут сыновьям и женам...» Стихи / Пер. А. Тарковского // Интернациональная литература. 1941. №9–10. С. 145.

Стийенский Р. Сербским партизанам. Стихи / Пер. А. Тарковского // Краснофлотец. 1941. №17. С. 35.

Стийенский Р. Славянское коло / Пер. А. Тарковского // В тылу врага. Свердловск: Свердловгиз, 1941. Вып. 5. С. 8–13.

Содержание: Великоросс. Партизан-украинец. Балканский четник. Партизан-белорусс. Хор славян.

Стийенский Р. Славянское коло / Пер. А. Тарковского // Правда. 1941. 26 авг. №236(8644). С. 3.

Стийенский Р. Сталин с нами – и победа с нами! / Пер. А. Тарковского // За Сталина, за родину: Сборник стихов и песен. Воронеж: Воронеж. обл. кн-во, 1941. С. 6–7.

Стийенский Р. Сталин с нами – и победа с нами! Мой город / Пер. с сербск. А. Тарковского // За Родину! Стихи советских поэтов / Худож. Н. Шишловский. М.; Л.: Детгиз, 1941. С. 10–11, 30–31. (Для старшего возраста.)

¹ Стихотворение отмечено в оглавлении сборника звездочкой как публиковавшееся ранее под другим названием.

Стийенский Р. Сталин с нами – и победа с нами! / Пер. с сербск. А. Тарковского // За Родину, за Сталина! Сборник стихов и песен о героической борьбе советского народа против гитлеровской Германии. Махачкала: Даггиз, 1941. С. 125–126.

Стийенский Р. Сталин с нами – и победа с нами! / Пер. А. Тарковского // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1941. 27 июня.

Стийенский Р. Сталин с нами – и победа с нами! / Пер. А. Тарковского // Костер. 1941. № 7. С. 1.

Стийенский Р. Юнацкое сердце / Пер. А. Тарковского // Красная новь. 1941. № 9–10. С. 47–48.

1942

Коваль М. Беглянка. Поэма. Для сопрано с ф.-п. / Стихи Р. Стийенского; пер. с сербск. А. Тарковского. М.; Л.: Музгиз, 1942. 12 с.

Стийенский Р. Белый камень. Стихи / Пер. с сербск.; худож. Е. Бургункер. М.; Л.: Детгиз, 1942. 64 с. (Для ср. и ст. возраста.)

Содержание: Белый камень / Пер. Н. Белинович. Хор славян / Пер. А. Тарковского. Русский. Украинец / Пер. В. Левика. Белорусс / Пер. Н. Белинович. Полякам. Балканской молодежи / Пер. А. Тарковского. Песня чеха. Югославские партизаны / Пер. В. Левика. Боснийским партизанам / Пер. П. Радимова. Хоровод в горах / Пер. А. Тарковского. Петер Дабшевич / Пер. В. Левика. Черный камень / Пер. В. Лободы.

Стийенский Р. Боснийским партизанам / Пер. П. Радимова // Красная новь. 1942. № 5–6. С. 34.

Стийенский Р. Боснийским партизанам / Пер. П. Радимова // Славяне. 1942. № 5–6. С. 53.

Стийенский Р. Винтовка сербского партизана. Стихи // Славяне. 1942. № 1. С. 45.

Стийенский Р. Золотая песня партизана / Пер. Н. Белинович // Интернациональная литература. 1942. № 1–2. С. 89.

Стийенский Р. К мести, братья, гордые славяне!¹ / Пер. Н. Белинович // Известия. 1942. № 81(7767). С. 3.

Стийенский Р. К мести, братья, гордые славяне! / Пер. Н. Белинович // Правда. 1942. 6 апр. № 96(8867). С. 3.

Стийенский Р. Моя песня [Стихи] / Пер. с серб. А. Тарковского, А. Штейнберга и И. Строганова. [М.]: Молодая гвардия, 1942. 45, [1] с.

Содержание: От издательства. Посвящение. Памяти Ленина. Сталин с нами – и победа с нами! Молодежи. Коло молодежи. Балканской молодежи. Песня черногорской молодежи. Девушка прощается с милым. Девушка поет. Партизанка. Колыбельная. Песня о битве на горе Живой. Ответ на письмо матери. Дед и внук. Винтовка. Моя песня.

Стийенский Р. На Треглаве. Из поэмы «Освета-мечь» / Пер. Н. Белинович // Интернациональная литература. 1942. № 6. С. 118.

Стийенский Р. Песня о Павле-партизане / Пер. Н. Белинович // Известия. 1942. 28 марта. № 73(7759). С. 3.

¹ Это стихотворение, прочтенное Стийенским на втором Всеславянском митинге в Москве, также было выпущено в виде плаката. См.: *Кара-Мурза С.* Театр славянских народов. Выставка в Доме актера // Вечерняя Москва. 1942. № 159(5600). 9 июля. С. 3.

Стийенский Р. Пушкин и черногорцы. Стихи / Пер. Н. Белинович // Славяне. 1942. №3. С. 33.

Стийенский Р. Черногорцы [Краткий очерк борьбы черногорцев] // Славяне. 1942. №3. С. 29.

1943

Белый В. Славянская сюита: для смешанного хора а capella / Слова Р. Стиенского и Н. Белинович. М.; Л.: Музгиз, 1943. 16 с.

Содержание: Песнь гнева. Сербская партизанская. К оружию, славяне!

См.: Славянская сюита // Вечерняя Москва. 1942. №216(5657). 14 сент. С. 3; Не потушить гитлеровским зверям светоча славянской культуры // Славяне. 1942. №5–6. С. 109–112; Новые произведения // Славяне. 1943. №10. С. 48.

Стийенский Р. Белый камень. Стихи / Пер. с сербск.; худож. Е. Бургункер. М.; Л.: Детгиз, 1943. 64 с. (Для среднего и старшего возраста.)

Переиздание одноименного сборника 1942 г.

Стийенский Р. Братьям югославам // Славяне. 1943. №5. С. 40.

Стийенский Р. Дорога на Златибор: Пьеса в 3 ак. / Перевод и сценич. обработка С. Бородин. М.: ВУОАП, 1943. 42 с.

Стийенский Р. Песня деда-славянина. Из оратории «Соколиное племя» / Пер. с сербск. И. Строганова // Вечерняя Москва. 1943. 1 февр. №25 (5773). С. 3.

Стийенский Р. Песня деда-славянина. Из оратории «Соколиное племя» / Пер. с сербск. И. Строганова // Славяне. 1943. №3. С. 18.

Стийенский Р. Петр Дабшевич [Поэма] / [Пер. с серб. В. Левика]. М.: Молодая гвардия, 1943. 46, [1] с.

Рец.: *Надеждина М.* Сказ о черногорском вожде // Огонек. 1944. №1. С. 13.

Стийенский Р. Северная баллада / Пер. с сербск. И. Строганова // Краснофлотец. 1943. №2. С. 21–23.

Стийенский Р. Югославский первомай / Пер. с сербск. В. Левика // Литература и искусство. 1943. 1 мая. №18(70). С. 2.

1944

Стийенский Р. Встреча юнацких воинств / Пер. с сербск. А. Тарковского // Правда. 1944. 29 сен. №234 (9691). С. 3.

Стийенский Р. Возвращение Янко на родину [Стихи] // Пер. с сербск. И. Строганова // Краснофлотец. 1943. №23–24. С. 35–36.

Стийенский Р. Дорога на Златибор: Пьеса в 3 ак. / Перевод и сценич. обработка С. Бородин. М.: ВУОАП, 1944. 36 с.

Стийенский Р. Знамя Югославии / Пер. с сербск. А. Тарковского // Красная звезда. 1944. 23 июня. №148(5828). С. 3.

Стийенский Р. К оружию, верный сын отечества! / Пер. с сербск. Л. Пеньковского // Блокнот агитатора Красной Армии. 1944. №15. С. 28.

Стийенский Р. К оружию, верный сын отечества! / Пер. с сербск. Л. Пеньковского // Правда. 1944. 7 апр. № 84(9541). С. 3.

Стийенский Р. Коло молодежи / Пер. А. Тарковского. Черногория – вечная слава! / Пер. А. Штейнберга // Иностранная антифашистская поэзия. М.: ОГИЗ – Гослитиздат, 1943. С. 36–38.

Стийенский Р. Колыбель юнаков / Пер. с сербск. М. Замаховской // Литература и искусство. 1944. 27 мая. № 22(126). С. 2.

Стийенский Р. Марко на родине / Пер. с сербск. А. Тарковского // Правда. 1944. 11 дек. № 297(9754). С. 3.

Стийенский Р. Освета [Мечь]. Поэмы и стихи / М.: Советский писатель, 1944. 94 с.
Содержание: Освета / Пер. автора. Партизаны на Дурмиторе / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Маргарита / Пер. С. Болотина и В. Левика. Сербская колыбель. Братьям-партизанам / Пер. В. Левика. Балканской молодежи. Памяти Ленина / Пер. А. Тарковского. Облава. Убежище / Пер. А. Тарковского и А. Штейнберга. Песня о народном герое / Пер. А. Тарковского. Сказ о том, где пропал Дюро Рошович, как объявился опять и как начал бороться с фашистами / Пер. В. Левика.
Стийенский Р. Солнце / Пер. с сербск. А. Тарковского // Правда. 1944. 24 нояб. № 282(9739). С. 3.

Стийенский Р. Спужская крепость. Поэма в 6 песнях / Пер. с сербск. А. Тарковского. [М.]: Молодая гвардия, 1944. 64 с.
Рец.: *Евгеньев Б.* Певец народной мести // Новый мир. 1944. № 8–9. С. 143–144.

Стийенский Р. Югославским партизанам / Пер. с сербск. М. Замаховской // Правда. 1944. 22 мая. № 123(9580). С. 3.

ИСТОЧНИКИ

Бугаевский 2008 – *Бугаевский В.* Библия Акимыча // «Он между нами жил...»: Воспоминания об Аркадии Штейнберге / Сост. В.Г. Перельмутер. М.: Русский импульс, 2008. С. 50–66.

Бычков 2017 – *Бычков С.* Упертый арестант: Аркадий Штейнберг // Альманах Чайка. 2017. № 6. С. 78–86.

Гершензон 1940 – *Гершензон М.* Радуле Стийенский // Детская литература. 1940. № 6. С. 38–43.

Липкин 2008 – *Липкин С.* Воспоминания о поэте Арсении Тарковском. Беседа с Л.Н. Кривомазовым // Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М.: РГГУ, 2008. С. 248–258.

Нерлер 1997 – *Нерлер П.* Следственное дело № 4788 (1937–1939) // Штейнберг А. К верховьям. Собрание стихов. О Штейнберге. Материалы к биографии. Мемуары. Заметки. Стихи / Сост. В. Перельмутер. М.: Совпадение, 1997. С. 326–349.

Раевский 2012 – *Раевский Г.В.* Дневники и письма // Летописи войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 156–241.

Трубачев 1984 – *Трубачев О.* Книга в моей жизни // Альманах библиофила. Вып. 16. М.: Книга, 1984. С. 11–24.

Штейнберг 1936 – *Штейнберг А.* Пояснения к переводу // Стийенский Р. Колхозная оратория. М.: Советский писатель, 1936. С. 25–44.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Земскова 2022 – Земскова Е. «Как болит от вас голова»: поэтические переводы в биографии Арсения Тарковского // Новое литературное обозрение. 2022. №4(176). С. 178–195.

SOURCES

Bugaevsky 2008 – Bugaevsky V. Akimych's Bible. In: "He lived among us...": Memories of Arkady Shteinberg / Compil. by V.G. Perelmuter. Moscow. Russky Impuls Publ. 2008, pp. 50–66.

Bychkov 2017 – Bychkov S. Stubborn Prisoner: Arkady Shteinberg. *Almanac Chaika*. 2017. No 6, pp. 78–86.

Gershenzon 1940 – Gershenzon M. Radule Stijenski. *Detskaya Literatura*. 1940. No 6, pp. 38–43.

Lipkin 2008 – Lipkin S. Memories of the Poet Arseny Tarkovsky. Conversation with L.N. Krivomazov. In: Lipkin S. "An ember That ran with flame...": Memories of Mandelstam. Poems, Articles, Correspondence. Materials about Semyon Lipkin. Moscow. Russian State University for the Humanities Press. 2008, pp. 248–258.

Nerler 1997 – Nerler P. Investigative case No 4788 (1937–1939). In: Shteinberg A. Towards the Upper Reaches. Collection of Poems. About Shteinberg. Materials for the Biography. Memoirs. Notes. Poetry / Compil. by V. Perelmuter. Moscow. Sovpadenie Publ. 1997, pp. 326–349.

Raevsky 2012 – Raevsky G.V. Diaries and Letters. In: Chronicles of War. Memoirs, Diaries, Letters from Moscow State University Historians – Participants in the Great Patriotic War. Moscow. Moscow University Press. 2012, pp. 156–241.

Trubachev 1984 – Trubachev O. A Book in My Life. In: Bibliophile's Almanac. Issue 16. Moscow. Kniga Publ. 1984, pp. 11–24.

Shteinberg 1936 – Shteinberg A. Explanations for Translation. In: Stijenski R. Kolkhoz Oratorio. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 1936, pp. 25–44.

RESEARCHING

Zemskova 2022 – Zemskova E. "How You Make My Head Hurt": Poetry Translation in the Biography of Arseny Tarkovsky. *NLO*. 2022. No 4(176), pp. 178–195.

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

Е.Л. Бархударова, О.Ю. Дементьева, Ф.И. Панков (Москва, Россия)

Информация о научно-методическом семинаре «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем»

Аннотация: 1–2 ноября 2023 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова был проведен научно-методический семинар «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем». Мероприятие было посвящено осмыслению научного наследия выдающегося ученого-лингвиста, заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, почетного профессора Шанхайского университета иностранных языков Майи Владимировны Всеволодовой и приурочено к 95-летию со дня ее рождения. За два дня было прочитано 30 докладов, в которых рассматривались различные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного и как родного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, функционально-коммуникативный, лингвистика, лингводидактика, грамматика

E.L. Barkhudarova, O.Yu. Dementieva, F.I. Pankov (Moscow, Russia)

Information about the Scientific and Methodological Seminar “Linguodidactic Description of the Russian Language in the ‘mirror’ of Foreign Language Systems”

Abstract: On November 1–2, 2023, a scientific and methodological seminar “Linguodidactic description of the Russian language in the ‘mirror’ of foreign language systems” was held at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. The event was dedicated to the scientific heritage of Maya Vladimirovna Vsevolodova, the outstanding linguist, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of Shanghai University of Foreign Languages and to the 95th anniversary of her birth. 30 reports concerning various issues of theory and practice of teaching Russian as a foreign language and native language were presented in two days.

Key words: Russian as a foreign language, functional-communicative, linguistics, linguodidactics, grammar

В ноябре 2023 г. на филологическом факультете был проведен научно-методический семинар «Лингводидактическое описание русского языка в “зеркале” иноязычных систем». Мероприятие было посвящено осмыслению научного наследия выдающегося ученого-лингвиста, заслуженного профессора МГУ имени

М.В. Ломоносова, почетного профессора Шанхайского университета иностранных языков Майи Владимировны Всеволодовой и приурочено к 95-летию со дня ее рождения.

Семинар был подготовлен кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного совместно с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания. Он стал ярким свидетельством огромного вклада Майи Владимировны Всеволодовой как в языкознание, так и в лингводидактику, в различные аспекты преподавания русского языка как иностранного, в сопоставительную грамматику. Научные идеи ученого продолжают жить и развиваться в трудах ее учеников, соратников и последователей.

Желающих участвовать в семинаре оказалось гораздо больше, чем изначально предполагали организаторы семинара. В результате рассчитанный на один день семинар работал в течение двух дней – 1 и 2 ноября. На семинаре выступали с докладами лингвисты и методисты из МГУ имени М.В. Ломоносова, филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку, МГИМО МИД РФ, Казанского федерального университета, Владивостокского государственного университета. За два дня было

прочитано 30 докладов, большая часть которых была посвящена разработке лингвистических основ и методике обучения иностранцев русскому языку. И это не случайно, ведь научный путь Майи Владимировны Всеволодовой был тесно связан со становлением и развитием новой специальности «Русский язык как иностранный», а в ее трудах нашли отражение практически все аспекты описания русского языка в целях его преподавания в иноязычной аудитории.

Семинар открыл и.о. декана факультета доктор филологических наук профессор А.А. Липгарт. Он отметил, что Майя Владимировна Всеволодова является не только выдающимся ученым-лингвистом, но и замечательным специалистом в области методики преподавания русского языка как иностранного. Созданная ею фундаментальная лингводидактическая научная школа является одной из самых ярких в области описания грамматики, и прежде всего ее функционально-коммуникативного направления. Различным вопросам теории и практики преподавания русского языка как иностранного и родного были посвящены доклады Л.П. Клобуковой и Е.Н. Виноградовой (МГУ) «Роль М.В. Всеволодовой в становлении и развитии современной теории русской грамматики», Ф.И. Панкова (МГУ) «Дихотомия и систематизация в концепции Майи Владимировны Всеволодовой», О.Ю. Дементьевой (МГУ) «Идеи Майи Владимировны Всеволодовой в области порядка слов и практика преподавания русского языка как иностранного», Т.Е. Чаплыгиной (МГУ) «Языковые механизмы в концепции Майи Владимировны Всеволодовой». Роли функциональной научной парадигмы в теории языкознания и дидактике посвятила свой доклад Л.А. Чижова (МГУ).

Вклад М.В. Всеволодовой в изучение проблем обучения иностранцев русскому произношению рассматривался в докладе Е.Л. Бархударовой (МГУ) «Книга Майи Владимировны Всеволодовой “Фонетические упражнения по русскому языку для

поляков» как образец национально ориентированного курса обучения произношению». В докладе Л.В. Красильниковой (МГУ) «Взгляды Майи Владимировны Всеволодовой на место словообразования в функционально-коммуникативной лингводидактической модели русского языка» был дан анализ работ М.В. Всеволодовой, посвященных функциональному словообразованию.

Много лет Майя Владимировна Всеволодова стояла во главе уникального научного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». В его реализации участвовали ученые из университетов, функционирующих в разных странах и городах мира. Проблематика, связанная с многоаспектным изучением предлогов в русском языке и в иноязычных системах, рассматривалась в докладах Н.Е. Ананьевой (МГУ), А.Ф. Гайнутдиновой (Казанский федеральный университет), И.В. Галактионовой (МГУ), О.Д. Ли (Владивостокский государственный университет). Особо следует отметить доклад О.В. Кукушкиной (МГУ) «Предлоги как предмет научных исследований Майи Владимировны Всеволодовой», в котором раскрывались идеи ученого о предлоге как важнейшем средстве образования синтаксической парадигмы существительного и введенное на этой основе концептуальное понятие «единицы предложного типа».

Неоценимому вкладу, который М.В. Всеволодова внесла в становление и развитие теории и практики преподавания русского языка как иностранного, посвятила свой доклад А.В. Величко (МГУ). Проблемы грамматики русского языка, поставленные в трудах М.В. Всеволодовой, и вопросы лингводидактического представления грамматических трудностей в иноязычной аудитории были рассмотрены в докладах большинства участников семинара. Проблематика докладов отличалась большим разнообразием: описательные предикаты были объектом анализа в докладе В.А. Кузьменковой (МГУ), русские компаративы – в докладе И.Р. Матиишиной (МГУ), некоторые русские временные союзы в аспекте когнитивной лингводидактики – в докладе И.В. Одинцовой (МГУ), категория вида русского глагола – в выступлении Т.Л. Борисенко (МГИМО МИД РФ), влияние функционально-коммуникативной грамматики на современную лексикографию – в сообщении А.Е. Евграфовой (МГУ), выражение волеизъявления в русском и чешском языках – в докладе А.И. Изотова.

Преподаванию дисциплин грамматического цикла иностранным магистрантам-филологам был посвящен доклад Т.П. Трошкиной и А.Ф. Гайнутдиновой (Казанский федеральный университет). Вопросы русского словообразования как особого аспекта преподавания русского языка в иноязычной аудитории обсуждались в докладе Р.Н. Сафина и Л.В. Владимировой (Казанский федеральный университет). Особенности лексической системы русского языка в сопоставлении с азербайджанской рассматривались в докладе Г.А. Халиловой (филиал МГУ в г. Баку). Д.Л. Давидян (МГУ) посвятила свой доклад проблемам разработки национально ориентированных курсов русской практической фонетики.

Проблемы лингвокультурологии были в фокусе внимания в докладах В.В. Красных (МГУ) и Д.Б. Гудкова (МГУ). О.В. Зубова (МГУ) рассказала о методике работы с художественным текстом в иноязычной аудитории, сложностях его понимания и интерпретации. Роль чтения и обсуждения художественного текста как действенного способа погружения учащихся в языковую и социокультурную среду была отмечена в докладе Л.А. Дунаевой. Социолингвистическим проблемам обучения русскому языку как иностранному был посвящен доклад Н.Д. Афанасьевой (МГИМО МИД РФ).

Разумеется, кроме собственно научных докладов, на семинаре звучали воспоминания коллег и учеников Майи Владимировны, знавших ее лично. Воспоминаниями о М.В. Всеволодовой как о настоящем человеке и незаурядной личности делились многие выступавшие. Особо следует отметить мемориальный доклад О.В. Чагиной, посвященный годам ее учебы в аспирантуре под руководством Майи Владимировны Всеволодой. О.В. Чагина рассказала о том, какой яркой и творческой личностью была Майя Владимировна, как беззаветно она была предана науке, как щедро делилась с учениками своими идеями.

Все доклады вызвали живой интерес аудитории. Работа каждой секции завершилась живой дискуссией, которая затем продолжилась в неформальной обстановке на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного.

Сведения об авторах:

Елена Леоновна Бархударова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena L. Barkhudarova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
e.barhudarova@mail.ru

Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Yu. Dementieva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olgadem18@mail.ru

Федор Иванович Панков,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedor I. Pankov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pankovf@mail.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2023-62-6-1-133

STEPHANOS
2024
№ 1 (63)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2024
Январь — January